ГЕНЕАЛОГИЧЕСКАЯ ИСТОРІЯ

ОДНОЙ

БИБЛІОТЕКИ.

К100 4/40.

Н. П. ЛИХАЧЕВЪ.

К100

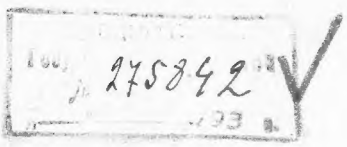
ГЕНЕАЛОГИЧЕСКАЯ ИСТОРІЯ

ОДНОЙ

ПОМѢЩИЧЬЕЙ БИБЛІОТЕКИ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1913.

Отдѣльный оттискъ
изъ журнала
«Русскій Библіофилъ».
№ 5. Сентябрь 1913 г.



Типографія «Сиріусъ», Спб. Рыночная, 10.

ГЕНЕАЛОГИЧЕСКАЯ ИСТОРІЯ ОДНОЙ ПОМѢЩИЧЬЕЙ БИБЛІОТЕКИ.

Память о любителяхъ и собирателяхъ книгъ сохраняется, почти исключительно, по тѣмъ слѣдамъ принадлежности, которые оставляются владѣльцами на проходившихъ черезъ ихъ руки экземплярахъ. Библіотеки, состоявшія изъ книгъ, не носившихъ на себѣ тѣхъ или иныхъ знаковъ принадлежности, расходятся по рукамъ, оставляя на вѣчное забвеніе имя своего прежняго владѣльца, все равно былъ ли онъ великодушный любитель, считавшій книгу своей «et amicorum», или библіотафъ, скрывавшій свои сокровища отъ всѣхъ постороннихъ, а иногда, по недостатку свободнаго времени, и отъ самого себя.

Желаніе отмѣтить, узаконить и засвидѣтельствовать свою собственность вызвало появленіе на книгахъ надписей, указывающихъ собственника. Къ этому примѣшалось стремленіе отмѣтить пріобрѣтеніе, весьма часто какъ событіе радостное и пріятное, о которомъ хорошо оставить память и для самого себя. Можетъ быть, затруднительность писанія на каждой книгѣ, а вѣрнѣе эстетическая наклонность къ украшенію книги, вызвала появленіе печатныхъ и гравированныхъ ярлыковъ — знаковъ собственности, какъ наклеенныхъ на переплетныхъ листахъ, такъ и оттиснутыхъ на самыхъ переплетахъ.

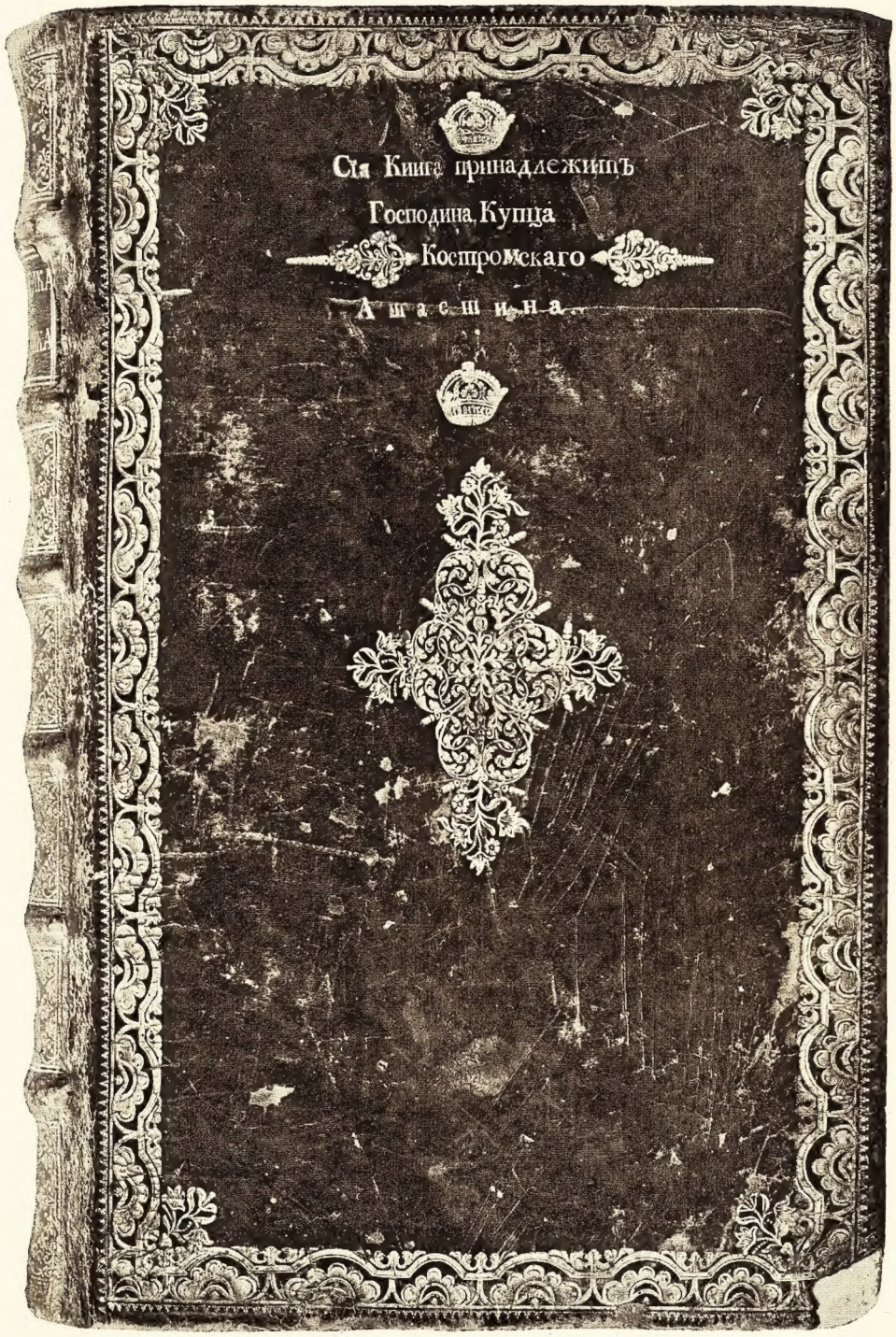
Въ Западной Европѣ подобное опредѣленіе принадлежности появилось въ первыя же десятилѣтія по изобрѣтеніи книгопечатанія. Уже въ концѣ XV вѣка подмѣчается существованіе пе-

чатныхъ ярлыковъ съ обозначеніемъ содержанія, наклеивавшихся на корешокъ, бумажные переплеты съ гравированной наклеенной обложкой, гербовые ex-libris, обозначавшіе владѣльца. Старая Русь, значительно позднѣе развившая книгопечатаніе, не усвоила этихъ библіофильскихъ тонкостей вплоть до Петровской эпохи, но рукописные ex-libris не только знала и имѣла, но и любила дѣлать ихъ содержательными.

Условія исторической жизни русской равнины были малоблагопріятны для накопленія какихъ бы то ни было бытовыхъ предметовъ вообще. Нашествія враговъ и неимовѣрно частые и опустошительные пожары сметали села и города такъ, что надо удивляться и тому, что до насъ сохранилось, памятуя, что это лишь тѣнь, намекъ на то, что было. Что въ частности рукописи цѣнились и собирались — это едва ли требуетъ доказательствъ. Достаточно вспомнить, напримѣръ, что еще въ XIV вѣкѣ, въ часъ опасности смертной при нашествіи Тохтамыша рукописи были наметаны грудами въ Московскихъ церквахъ. Все погибло, но погибло вмѣстѣ съ владѣльцами, цѣнившими это достояніе выше злата. Исторія библіофиловъ до-Петровской Руси еще не написана и, къ сожалѣнію, жалкіе остатки того, что имѣлось, способны ввести въ заблужденіе. Однако и при этихъ условіяхъ картина можетъ получиться неожиданная.

Восемнадцатый вѣкъ размножаетъ книгу и совершенно видоизмѣняетъ характеръ состава библіотекъ. И объ этомъ періодѣ мы знаемъ меньше, чѣмъ бы слѣдовало и склонны относиться свысока къ нашимъ предкамъ-библіофиламъ. Существуетъ большая литература о грубости нравовъ, о невѣжествѣ общества, объ офицерскихъ оргіяхъ и кутежахъ, но никѣмъ еще не собраны матеріалы на тему, какое количество изъ этихъ Елисаветинскихъ и Екатерининскихъ офицеровъ собирало и читало книги. Не только не использованы надписи на многочисленныхъ экземплярахъ книгъ XVIII столѣтія, вращающихся на антикварномъ рынкѣ, но нетронуты и росписи пренумерантовъ — документы весьма любопытные. Конечно были и случайные подписчики на ту или другую книгу по родству или знакомству, покупатели, такъ сказать, случайные, на одинъ разъ, — но рядомъ съ этимъ всякое имя, встрѣченное въ нѣсколькихъ подобныхъ росписяхъ — есть уже имя библіофила, собирателя.

Сколько безвѣстныхъ офицеровъ не только покупали, тщательно переплетали и надписывали свои книжки, но и именовали свои собранія библіотеками! И не только вельможи и офи-



Ариѳметика Магницкаго (1703 г.) изъ библіотеки купца Ашастина.

церы, но и другія сословія имѣли и хранили книги. Архіереи, священники и дьяконы, купцы, мѣщанство, крестьяне, даже, въ рѣдкихъ случаяхъ, дворовые люди оставили записи на книжкахъ.

Изящество переплетовъ есть, такъ сказать, кульминаціонная точка библіофильства. И въ XVIII столѣтіи не только подносные экземпляры щеголяли переплетами, не только извѣстный Хлѣбниковъ выработалъ свой типъ полнаго кожанаго переплета съ super-ex-libris на корешкѣ, но иногда и простые купцы украшали свои книги съ заботливостью и роскошью. Кто, напримѣръ, слышалъ о костромскомъ купцѣ Ашастинѣ? А на прилагаемомъ клише мы видимъ переплетъ съ тонкими тисненіями золотомъ и съ его super-ex-libris, на великолѣпномъ золотообрѣзномъ экземплярѣ „Ариѳметики“ Магницкаго, изданія 1703 года [1]).

Не только имя и фамилія владѣльца, мѣсто и цѣна покупки отмѣчаются въ записяхъ XVIII столѣтія, нерѣдки случаи оцѣнки книги по ея содержанію. „Одна изъ лучшихъ книгъ моей библіотеки“ — пишетъ, напримѣръ, подпорутчикъ начала царствованія Екатерины II, имя котораго мы тщетно стали бы искать гдѣ бы то ни было въ печатной литературѣ.

Нѣкто г. Андрей Лебедевъ сдѣлалъ въ журналѣ „Книговѣдѣніе“, годъ 3 (1896), прелюбопытную попытку собрать „надписи на старинныхъ книгахъ“. Въ концѣ статьи приведено нѣсколько надписей, списанныхъ авторомъ съ книжекъ, имъ случайно пріобрѣтенныхъ на рынкѣ и составлявшихъ часть библіотеки Новосильскаго помѣщика порутчика Василія Осипова. Записи обнимаютъ большой періодъ времени 1738—1796 годы и свидѣтельствуютъ не только о долгомъ собираніи, но и о большой любви къ книгамъ, которыя получались изъ Петербурга и Москвы, пріобрѣтаясь въ тоже время главнымъ образомъ въ болѣе близкомъ Орлѣ. Кромѣ любопытныхъ цѣнъ, въ записяхъ интересны указанія на книжную лавку въ Орлѣ, можетъ быть, даже на двѣ.

Молодой библіофилъ и библіографъ У. Г. Иваскъ, авторъ нѣсколькихъ интересныхъ начинаній, между прочимъ, предпринялъ въ журналѣ „Русскій Библіофилъ“ за 1911 годъ печатаніе обширнаго свода: „Частныя библіотеки въ Россіи“. Трудъ большой и стоившій огромныхъ усилій по собиранію матеріала, но по отношенію къ XVII—XVIII в.в. онъ яв-

[1]) Собраніе автора.

ляется лишь попыткой. Старинные книголюбцы тонутъ посреди библіофиловъ XIX столѣтія. Надо отдать справедливость У. Г. Ивaскъ, что онъ обратилъ вниманіе на самые разнообразные источники и, между прочимъ, антикварные каталоги по распродажѣ библіотекъ. Къ сожалѣнію, и каталоги появились у насъ поздно и большая часть библіотекъ проходила не только на провинціальныхъ, но и на столичныхъ рынкахъ совершенно безъ всякихъ каталоговъ.

А между тѣмъ иногда и самыя незначительныя библіотеки, напримѣръ, изъ старыхъ помѣщичьихъ гнѣздъ представляли интересъ по своему составу и наслоенію владѣльцевъ. Родственныя связи, знакомства, мѣстные интересы нѣсколькихъ поколѣній могутъ скрываться въ краткихъ надписяхъ небольшой библіотеки изъ нѣсколькихъ сотенъ книгъ.

Мало того, что такое страсть къ книгамъ? Признакъ ли это извѣстной культуры отдѣльнаго лица, или это нѣчто бóльшее, склонность, съ которой человѣкъ родится.

Соблазнительно было бы думать, что въ нѣкоторыхъ семьяхъ страсть коллекціонерства является наслѣдственной.

Доказывать такую смѣлую идею мы не будемъ, тѣмъ болѣе, что это и едва ли было бы возможно, а просто разскажемъ судьбы одной библіотеки, которая составлялась очень долго, изъ разныхъ источниковъ, то находилась въ холѣ и бережи, то сваливалась въ сундуки и кладовыя.

Мы коснемся исторіи одной небольшой помѣщичьей библіотеки, принадлежавшей казанской вѣтви рода Лихачевыхъ.

Въ Московской Руси довольно ясно различались два слоя служилыхъ людей — люди родословные и неродословные. Было нѣсколько родовъ, которые и не попавъ въ „государевъ родословецъ“ всетаки могли считать себя родословными, были и потомки прародителей, имѣвшихся въ „государевомъ родословцѣ“, но давно „закоснѣвшіе“ и потерявшіе привиллегіи родословныхъ людей.

Роды родословные обыкновенно своихъ юныхъ сочленовъ устраивали на службу не ниже Московскаго дворянства, а многіе стольниками съ малыхъ лѣтъ. Для такихъ фамилій дѣловая, приказная служба была рѣдкимъ исключеніемъ. Неродословное дворянство, чтобы выбиться изъ рядовыхъ дѣтей боярскихъ, получить положеніе и почести, наоборотъ, выдвигало лучшихъ

своихъ представителей именно путемъ службы въ Приказахъ. А этотъ путь требовалъ, прежде всего, грамотности и умѣнія излагать свои мысли, что составляло minimum требованій для подъячаго. Выдающіеся дѣльцы XVI—XVII в.в. были образованы гораздо больше — начитанность въ писаніяхъ церковныхъ, юридическая и историческая, нерѣдко соединялась съ нѣкоторымъ знаніемъ одного или двухъ иностранныхъ языковъ и съ разными спеціальными познаніями.

Родъ Лихачевыхъ принадлежалъ къ числу неродословныхъ и отдѣльнымъ представителямъ его, выдвигавшимся въ поле зрѣнія исторической сцены, приходилось пробиваться среди наиболѣе выдающихся и работоспособныхъ приказныхъ дѣльцовъ. Фамильное прозваніе Лихачевыхъ сложилось довольно рано — во второй половинѣ XV столѣтія. Послѣ завоеванія Новгорода великій князь Иванъ III, въ числѣ другихъ дѣтей боярскихъ, испомѣстилъ въ Новгородскихъ пятинахъ трехъ сыновей нѣкоего Алексѣя Лихача или Лихачева.

Въ старѣйшихъ сохранившихся писцовыхъ книгахъ мы находимъ всѣхъ троихъ.

Поколѣніе старшаго сына вымерло еще въ XVII вѣкѣ, поколѣніе второго продолжается, третьяго — можетъ быть существуетъ, вѣрнѣе, что нѣтъ [1]).

Какъ и прочіе дворянскіе роды изъ числа бывшихъ „въ честяхъ“ ко времени подачи родословныхъ росписей въ Разрядъ, Лихачевы не удовольствовались документально извѣстнымъ происхожденіемъ отъ лица, жившаго въ половинѣ XV вѣка — Алексѣя Лихача, не пробовали опредѣлить, къ какому роду принадлежалъ этотъ „сынъ боярскій“, прозванный Лихачемъ, а просто объявили его выѣзжимъ.

Официальная версія гласитъ, что въ 1426 году къ великому князю Василію Темному выѣхалъ изъ Польши Олегъ Богуславичъ Лиховецъ, а по крещеніи названный Алексѣй Лихачъ. Показаны пожалованныя ему деревни — какъ разъ то, что было за братьями Лихачевыми въ концѣ XV столѣтія и что какъ владѣнія Новгорода Великаго, не могло быть пожаловано ранѣе великаго князя Ивана III.

Въ портфеляхъ Г. Ф. Миллера находится родословіе Лихачевыхъ, присланное ему уже послѣ изданія такъ называемой

---

[1]) Потомство третьяго сына родоначальника Лихачевыхъ Никиты Алексѣевича занесено въ роспись, поданную въ Разрядъ, и въ концѣ XVII столѣтія имѣло нѣсколькихъ представителей. Вымерли или нѣтъ всѣ вѣтви, намъ неизвѣстно. Это можетъ быть прослѣжено по документамъ архива Министерства Юстиціи въ Москвѣ.

„Бархатной книги". На листѣ, содержащемъ родословную таблицу въ кружкахъ, въ особомъ картушѣ написано: „прапрадедъ Олегъ Богуславичь Лихачь выехалъ изъ Флоренцы в Полшу, а исъ Полши въ великую Россию князь Василью Александровичу Невскому, отъ котораго происходятъ три фамили(и) Лихачевы, Кулебакины, а Краевскіе остались въ Полше—въ лето 6772 года".

М. Г. Спиридовъ относитъ Лихачевыхъ къ роду Франсбека („Записки стариннымъ службамъ русскихъ благородныхъ родовъ", т. VIII, стр. 114 ислѣд.): „Службы потомковъ Франсбека: Франсбекъ показанъ сыномъ Флорентинскаго владѣтеля, онъ выѣхалъ въ 1264 году изъ Флоренціи въ Польшу во время воеванія Датскимъ королемъ княжества Флорентинскаго. Польской король принялъ его съ великою честію, женилъ на княжнѣ Корецкой и далъ ему во владѣніе всю Подолію. Отъ него пошли черезъ потомковъ его роды дворянъ Франсбековыхъ, Лихачевыхъ, Кожиныхъ, Колюбакиныхъ и Краевскихъ, родоначальниковъ коихъ въ родословныхъ и когда они выѣхали изъ Польши въ Россію не показано, а по службамъ оказались слѣдующія .... II. Лихачевъ родъ дворянъ: о семъ родѣ показано, что онъ въ Польшѣ Лиховскимъ прозывался. Олегъ Олеговичь, потомокъ показаннаго Франсбека, выѣхалъ изъ Польши въ Новгородъ служить великому князю Василію Александровичу и по выѣздѣ принялъ законъ греческаго исповѣданія, названъ Андреемъ и дано ему прозваніе Лихачь, а посему и потомки его стали писаться симъ прозваніемъ. Воспріемникомъ его при перемѣнѣ закона былъ самъ великій князь и пожалована ему во владѣніе Старая Руза" (И. П. Б. F. IV, № 61). Существуютъ варіанты и еще болѣе подробные. Въ одной изъ рукописей Имп. Пуб. Библ. (F. IV, № 687) записана легенда иного состава и, пожалуй, болѣе любопытная: „къ нему же князю Александре Михаиловичу Тверскому пріѣхалъ изъ Литвы (во Тверь?) некто імянемъ Никита, который изъ Твери отъехалъ въ Новгородъ и отъ него произошли роды Микляевыхъ, Лихачевыхъ, Висленьевыхъ" [1]).

[1]) Въ родословныхъ Колюбакиныхъ легенда приводится еще подробнѣе. Приведемъ ее по тремъ спискамъ, сообщеннымъ намъ Н. В. Мятлевымъ:

I.

Роспись поколеная Роду Колюбакиныхъ.

Описаніе отъ Древнихъ Немецкихъ и Полскихъ печатныхъ летописцевъ о Фларенскомъ владетелѣ Францбеке Грабѣ и о фамили его.

Року миробытія 6772 году бысть военное нашествіе и разореніе на флоренского владетеля отъ датскаго короля иже попленилъ все флоренскіе области и въ

Въ родословной росписи Лихачевы прихвастнули, говоря при упоминаніи писца Обонежской пятины Андрея (Кирилловича) Лихачева (7072, 7078, 7079 годы), что „въ техъ времянахъ были въ Великомъ Новегороде писцы жъ Морозовы, Сицкіе, Сабуровы". По „породѣ" они отнюдь не могли тягаться съ такими родословными людьми, но всетаки въ десятняхъ мы можемъ встрѣтить такую, напримѣръ, запись: „Иванъ Микифоровъ сынъ Лихачевъ—отечествомъ добръ а собою обышной, а помѣстья и вотчины за нимъ нѣтъ" (Кашинская десятня, № 15—7130 года).

Хвастовство объясняется тѣмъ, что во второй половинѣ XVII столѣтія Лихачевы дотянулись до окольничества и, нѣтъ сомнѣнія, что проживи царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ еще нѣсколько лѣтъ, они попали бы и въ бояре.

Иная картина рисуется въ концѣ XV и первой половинѣ XVI вѣка—Лихачевы этого времени рядовые дѣти боярскіе,

---

то разореніе сынъ того владѣтеля вышеупомянутой Францъ Бекъ Грабя (со многими честными) роды и зъ дворяны отъѣхалъ въ Польшу ко Августу Витовту королю и многими дарами короля (велми) одарилъ и пріятъ бысть отъ короля зело честно и дана ему вся Подолія, а съ собою привезъ прародительской свой фларенской (французской, фроредской) гербъ: по бѣлой земле написаны двѣ златые воинскіе трубы да рогъ охотничей, при немъ зубъ вепревъ вельми опущенъ по (дт) вержены жерлы вместо съ тремя перы страусовы подъ короною. А въ Польше женатъ былъ на княжнѣ Корецкихъ князей. Гербъ фларенскихъ изобразуется сице в семъ начертанье. А въ Польшѣ съ (вельможные ласки и милости) королевскіе данные гербъ за выездъ и за услугу онаго Францъ Бека Грабя три стрелы да копье со знакомъ по златой земле написаны подъ короною жъ сицевымъ начертаніемъ. А въ Польше будучи отъ него повелись Лихачевы, Краевскіе, Колюбакины, о семъ повествуютъ книги (немецкіе и польскіе печатные лѣтописцы), книга Святонія, книги Длугушъ, книга Букалатъ, Летописецъ Бельской, летописецъ Ческие земли, чти историю о фрязехъ и о Милюзине и о десяти сынехъ иже суть потворы или чадове, а прародитель ихъ повествуетъ быти отъ рода короля Елмеса и внука сево Антонія князя Ческие земли отъ Милизины рожденнаго (чти историю о фразяхъ ..... тамо пространно описуетъ даже и до разоренія фларенскія земли).

А внучата Францъ Бѣка грабя—Олгъ Олговичъ Лихачевъ, да Дмитрей Федоровичъ Колюбакинъ выехали ис Полши въ Великій Новъградъ служить Великому князю Василью Александра Ерославича иже бысть первый сынъ Великаго князя Александра Ерославича Невскаго, а по описанію Древнихъ Россійскихъ степенныхъ лѣтописцевъ счисляются лета о Великомъ княженіи Великаго князя Василія Александровича, еже бысть въ лето 6623 году и за выездъ пожаловалъ имъ Великій князь Василей Александровичъ городы Дмитревъ, Орешекъ со всеми доходы и съ пошлинны (и за выездъ даны имъ городы—Олгу—Дмитровъ, а Дмитрію—Руза). Олгъ въ Нове Городе крестися, а во крещеніи имя ему Андрей, воспріемникъ у него былъ самъ Великій князь Василій Александровичъ и пожаловалъ воспріемника своего Андрея Волговича Лихачева городомъ Старою Русою (а данъ ему городъ Орешекъ). А Дмитрій Федоровичъ Колюбакинъ выехалъ изъ Полши крещенъ (а Дмитрій въ Литве крещенъ), а Краевскіе остались въ Польше.

И о поведеніи степеней Лихачевы и Краевскія по фамиліямъ своимъ сами о себѣ скажутъ.

(Дѣло арх. Новг. Дв. Деп. Собр. № 76 о дворянствѣ Петр. Федор. Колюбакина, 3 испорченные списка XIX столѣтія, повидимому, съ родословной картины. Варіанты подведены въ скобкахъ).

сидящіе на землѣ. Цѣною большихъ усилій нѣкоторыя лица пробиваютъ дорогу въ Москвѣ.

Если не считать государева кречетника Григорія Михайлова сына Лихачева [1]), кстати сказать и не упомянутаго въ росписи [2]), то почти всѣ Лихачевы служили и выдвигались по письменной части.

Потомство Дмитрія Дружины, старшаго сына родоначальника, помѣщика, занесеннаго въ переписную оброчную книгу Деревской пятины 1495—96 г. [3]) еще въ первой половинѣ XVI вѣка появляется на службѣ въ Москвѣ.

Въ 1545 году Ондрей (Кириловичъ) Лихачевъ да подъячій Олеша Бадаковъ посылаются въ Бѣжецкую пятину собирать деньги „въ Московское число“ за зелье на случай Казанскаго похода [4]), въ 1564 году онъ же описываетъ Обонѣжскую пятину [5]). Нѣтъ указаній на то, чтобы онъ былъ дьякомъ и Коломенскаго дворянина семидесятыхъ годовъ XVI вѣка Крестьянина Ондрѣева сына Лихачева можно считать его сыномъ [6]).

Племянникомъ Андрея былъ дьякъ Терентій Григорьевичъ Лихачевъ и внукомъ думный дьякъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ Лихачевъ, два дѣятеля очень и очень книжные. Дьякъ Терентій или Терехъ Лихачевъ въ 1576 году сидѣлъ въ Галицкой

---

[1]) „Писцовыя книги XVI вѣка“, т. II, стр. 595.

[2]) Возможно, что этотъ Григорій одно лицо съ Григоріемъ Кирилловичемъ росписи и братъ „писца“ Андрея Лихачева, но это, конечно, лишь предположеніе.

Провѣрка родословныхъ росписей крайне затрудняется весьма распространеннымъ обычаемъ скрывать крестное имя и именоваться не прозвищемъ даже, а вторымъ произвольно взятымъ именемъ. Легче опредѣлить, что Посникъ Губинъ все равно что Ѳедоръ Никитичъ Моклоковъ, что Чудинъ Митрофановъ одно лицо съ Иваномъ Карачаровымъ и т. д., чѣмъ установить родопроисхожденіе, когда констатируются разныя отчества у одного и того же, повидимому, лица. А обиліе этихъ двойныхъ именъ поражаетъ въ тѣхъ источникахъ, гдѣ не надо было уже скрывать настоящихъ именъ—главнымъ образомъ въ „Кормовыхъ“ монастырскихъ книгахъ. См., напримѣръ, книгу Ярославскаго Спасскаго монастыря, изданную И. А. Вахромѣевымъ (М. 1896. больш. 8°). Странно читать, хотя бы такое извѣстіе подъ 1 Ноября: „Тогоже дни кормъ кормити по боляринѣ по Козмѣ, прозвище князь Дмитріи, Михайловичѣ Пожарскомъ, на тотъ день рожденіе его колачи, рыба, квасъ сыченъ“.

[3]) „Новгород. писцовыя книги.“, т. II, стр. 19: „Въ Локотцкомъ же погостѣ великого князя деревни Якушовскіе да Ѳоминскіе Васильевыхъ дѣтей Радомскаго—въ помѣстіѣ за Митею за Олексѣевымъ сыномъ Лихачева. Деревня Радомицы...“

По родословной росписи этотъ Дмитрій Дружина былъ пожалованъ потомъ „доходомъ и пошлиною“ „въ Новгородской земле у Спаса на Невѣ...“!..

[4]) Акты Арх. Эксп., т. I, № 205, стр. 192—193.

[5]) См., напримѣръ, К. А. Неволинъ: „О пятинахъ и погостахъ Новгородскихъ въ XVI вѣкѣ“, стр. 15.

[6]) „Писц. книги XVI стол.“, т. I, стр. 540—541 (Писцовая книга Коломенскаго уѣзда 7086 года).

чети [1]), а затѣмъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ упоминается дьякомъ Пушечнаго приказа, состоя въ походахъ „у наряда“ [2]).

Въ 1575 году Терентій Григорьевъ сынъ Лихачевъ участвовалъ въ заключеніи перемирія со Шведами на рѣкѣ Сестрѣ. Государевымъ уполномоченнымъ князю Василью Сицкому, Михаилу Колычеву и Терентью Лихачеву приказано было: „...запечатавъ грамоты съ кустодіями трема печатми на черномъ воску, а печати къ грамотѣ приложити первую княжъ Васильеву печать, другую свою Михайлову печать, третью Терентьеву печать. А которыми печатми тою грамоту, запечатавъ, пошлютъ, и имъ тѣ печати для переду держати у себя и пріѣхавъ сказати про нихъ государю царю и великому князю...“. То есть, для вѣрности, царь условливался со своими уполномоченными относительно тѣхъ печатей (личныхъ), которыя они будутъ употреблять.

Терентій Лихачевъ считался, повидимому, спеціалистомъ по артиллеріи и во время осады Пскова Стефаномъ Баторіемъ въ 1582 году былъ при „нарядѣ“. Повѣсть „о приближеніи Литовскаго короля Степана на великій и славный градъ Псковъ“ [3]) тщательно помѣчаетъ относительно совѣщаній воеводъ: „...съ ними же пушечнаго приказу государевъ діякъ Терентей Лихачевъ на совѣтъ къ воеводамъ съѣзжаяся и богомудрено о градоукрѣпленіи смышляху...“. Дѣятельный и умный дьякъ выдвинулъ сына Богдана въ Московское дворянство [4]), а три внука Василій, Петръ и Даніилъ были уже стольниками, несли придворную службу, бывали воеводами. Старшій изъ нихъ Василій, сначала стольникъ патріаршій, потомъ царскій воевода въ Цивильскѣ въ 1641 году [5]), въ 1659 году былъ посыланъ въ Италію посланникомъ во Флоренцію. Въ Италіи это событіе увѣковѣчено картиной, въ архивахъ хранится весьма любопытный статейный списокъ, изданный еще Н. И. Новиковымъ [6]). Въ этомъ документѣ Василій Богдановичъ вы-

---

[1]) „Разрядные дьяки XVI вѣка“, стр. 147.

[2]) См. „Древ. Росс. Вивл.“, ч. XIV: „Симбирскій сборникъ“ и вообще разряды за эти годы.

[3]) „Чтенія Моск. Общ. Ист. и Древ. Росс.“, за 1847 г., № 7.

[4]) См. „Указатель къ боярскимъ книгамъ“, кн. №№ 1 и 2. Богданъ Терентьевичъ значится и въ Великолуцкой десятнѣ 7130 (1622) года (Арх. Мин. Юст., № 198) съ окладомъ въ 450 четей. Въ боярскомъ спискѣ 1621—22 г.г. съ окладомъ въ 500 четей по городу Торопцу („Чтенія Моск. Общ. Ист. и Древн. Росс.“, за 1909 г., кн. 3, стр. 142). Генеалогическая справедливость родословныхъ подтверждается актами - Богданъ Терентьевичъ именуется братомъ Ѳедора Ѳедоровича, см. „Матеріалы“ Холмогоровыхъ, вып. VI.

[5]) Актъ, написанный при его воеводствѣ и за его печатью находится въ собраніи рукописей Казанскаго Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи, подъ № 46.

[6]) См. „Древ. Росс. Вивл.“ а также „Пам. Дипл. Сношъ.“. т. X, стр. 509 — 670 (подлинникъ въ Архивѣ Министерства Иностранныхъ дѣлъ, рукопись in 4⁰ на 360 л.л.).

казываетъ большую наблюдательность и недалѣе какъ въ текущемъ 1913 году молодой казанскій ученый, анализируя свѣдѣнія, заключающіяся въ „статейномъ спискѣ“ приходитъ къ весьма лестному выводу относительно автора [1]).

Если вѣрить показаніямъ кормовой книги Псково-Печерскаго монастыря (къ этой обители особенно прилежали всѣ вѣтви рода Лихачевыхъ), то старшій братъ Терентія Григорьевича — Ѳедоръ Григорьевичъ скончался 8 февраля 1576 года, а подъ 17 февраля 1582 года записано: „молити Бога о здравіи и спасеніи за Ѳедора Ѳедоровича Лихачева [2]). Даты эти любопытны и вѣроятны, но только вѣроятны. Изъ достовѣрныхъ источниковъ мы знаемъ, что Авксентій Ѳедоровичъ убитъ подъ Москвою отъ Поляковъ [3]), что сынъ его Иванъ Авксентьевичъ въ 1606 году былъ уже старымъ помѣщикомъ Деревской пятины и въ десятнѣ этого года окладъ его повышенъ и доведенъ до 400 четвертей [4]). По родословной и Иванъ Авксентьевичъ умеръ бездѣтнымъ [5]).

Ѳедоръ Ѳедоровичъ появляется въ документахъ лишь въ исходѣ XVI вѣка подъячимъ въ одномъ изъ Приказовъ. Отъ 1604 года мы имѣемъ двѣ его автографическихъ подписи, какъ подъячаго [6]). Въ 1606 году Ѳедоръ Ѳедоровичъ уже дьякомъ ѣдетъ въ числѣ воеводъ въ Калугу [7]), въ 1611 году онъ въ

---

[1]) См. Л. К. Ильинскій: „Русскій на Западѣ въ 1659 году“ (Казань. 1913. 8⁰, 18 стр. Отдѣльный оттискъ изъ „Сборника статей, посвященныхъ Д. А. Корсакову“).

[2]) Кормовая книга эта еще не издана и при изданіи требуетъ строжайшей критики и провѣрки, такъ какъ при перепискѣ все вписанное позднѣе входило въ текстъ и хронологическій порядокъ не выдержанъ. Весьма любопытна первая запись подъ „1558 года Октября 28 дня: Память творити по родителяхъ Бориса Стефановича Лихачева — по инокѣ Соватіи, схимникѣ, по инокинѣ Маріи схимницѣ, по Никифорѣ (отце его?) по Иванѣ убіенномъ, по Андрее, по Анисимѣ, по Ермолае, убіенномъ, по Иванѣ убіенномъ, по Наталіи схимницѣ, по инокинѣ Еленѣ, схимницѣ...“ и т. д. Возможно, что эта запись доказываетъ однородство и Никифора Ивановича Лихачева (дѣятеля первой половины XVI в.) и дьяка Степана съ прочими Торопецкими, Великолуцкими и Холмскими Лихачевыми, которые пропустили этихъ лицъ въ родословной росписи, поданной въ Разрядъ. По записямъ кормовой книги можно предполагать и то, что дьякъ Степанъ скончался инокомъ Саввatіемъ, а Григорій Кирилловичъ, дѣдъ думнаго дьяка Ѳедора Ѳедоровича — инокомъ Геннадіемъ.

[3]) Въ 1594 году онъ помѣщикъ Городенскаго погоста Деревской Пятины, см. Д. Я. Самоквасовъ: „Архивный Матеріалъ“, т. II, стр. 456. Въ этомъ „Арх. Мат.“ упоминается и „старый“ помѣщикъ Бѣжецкой пятины (первой полов. XVI в.) — Микула Семеновъ сынъ Лихачевъ, совсѣмъ не занесенный въ „роспись“.

[4]) Десятни Арх. Мин. Юст., № 121, л. 26.

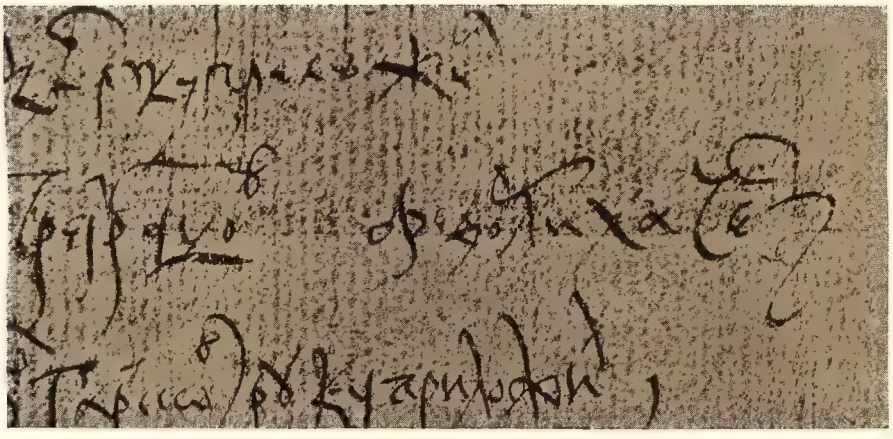
[5]) Возможно. что Воинъ Ивановъ сынъ Лихачевъ, помѣщикъ Бѣжецкой пятины по десятнямъ 7114 (кн. 130, л. 112) и 7116 (кн. 124, л. 112), убитый въ 1607 — 8 г.г., былъ сыномъ Ивана Авксентьевича и не попалъ въ запись, какъ погибшій въ юныхъ годахъ раньше отца и дѣда.

[6]) „Чтенія Москов. Общ. Ист. и Древн. Росс.“, за 1912 г., кн. 2, стр. 13, 27.

[7]) Ibidem, за 1907, кн. 3, стр. 142 и 213: „в Калугу бояринъ кнѧз Іван Іановичь Шуиской да кнѧз Борісъ Петровічъ Татевъ да околничеи ї воевода Міхаіло Ігнатьевичь Татіщевъ да діакъ Ѳедоръ Ліхачовъ“.

одномъ изъ Приказовъ въ Москвѣ, гдѣ и проводитъ самое тяжкое время смуты и осаду.

Дѣятельность Ѳедора Ѳедоровича въ это время заслуживаетъ особаго упоминанія [1]). До насъ дошли документы по отчету о расходахъ изъ царской казны во время разгрома Москвы поляками въ 1611—1612 годахъ. Несмотря на фрагментарность этого архивнаго памятника онъ производитъ сильное впечатлѣніе. На „рыцарство", „Сапѣгину войску" и т. д. выдавали не только всякую рухлядь и золото и серебро, ковши, чарки, суда и блюда, посохи, чепи, запоны и т. д., но и пуговицы съ шубы, что „была" на гробу царя Ѳедора, Спасовъ образъ золотой въ 105 гривенокъ, церковные сосуды изъ соборовъ, покровы съ великокняжескихъ и царскихъ гробовъ, золото съ государева посоха и даже съ чудотворныхъ иконъ, напримѣръ, Божіей Матери Донской—всѣ приклады. Выдавали дьяки—Иванъ Чичеринъ, Евдокимъ Витовтовъ, Ѳедоръ Апраксинъ, Ѳедоръ Лихачевъ.



Подпись Ѳедора Ѳедоровича Лихачева на грамотѣ утвержденной объ избраніи Михаила Ѳеодоровича Романова на царство.

Эти лица охранили, повидимому, что могли охранить и дѣятельность ихъ была награждена съ избраніемъ новаго царя. За труды въ „розруху" почти всѣ они поѣхали на воеводства—а это значило „покормиться".

Въ 1614 году видимъ (конечно съ другими воеводами, а не единолично) Ѳедора Апраксина въ Муромѣ, Андрея Варѣева

[1]) См. „Боярскій списокъ 1610—1611 г." въ „Чтеніяхъ Моск. Общ. Ист. и Древн. Росс." за 1909 годъ, кн. 3. „Русская Историческая Библіотека" (СПБ. 1875. 8º).

въ Нижнемъ Новгородѣ, Ѳедора Лихачева въ Казани. Всѣ эти дьяки принимали участіе въ соборѣ и подписи ихъ находятся на обоихъ экземплярахъ грамоты утвержденной объ избраніи на царство Михаила Ѳеодоровича Романова.

Ѳедоръ Лихачевъ ѣздилъ еще разъ въ провинцію въ числѣ воеводъ. Все остальное время долгой службы его прошло въ Москвѣ. Подписавъ грамоту въ 1613 году, онъ подписалъ и Уложеніе въ 1649 году [1]). По придворной службѣ онъ участвовалъ въ церемоніалахъ обѣихъ свадебъ царя Михаила и въ свадьбѣ царя Алексѣя Михаиловича. По службѣ государственной онъ управлялъ постепенно приказами Разбойнымъ, Разряднымъ, Посольскимъ, былъ членомъ Боярской Думы, какъ Думный Дьякъ, а потомъ Думный Дворянинъ, въ теченіе тридцати лѣтъ, былъ, наконецъ, и государственнымъ печатникомъ. Администраторъ, юристъ, дипломатъ, онъ при случаѣ, какъ „книгочій“ былъ экспертомъ при преніяхъ о катехизисѣ Лаврентія Зизанія. На соборѣ по вопросу объ Азовѣ онъ избранъ былъ на важную роль докладчика всего дѣла.

Только престарѣлые годы помѣшали продолженію его карьеры. Съ разрѣшенія государя, онъ удалился на покой, принялъ монашество и погребенъ, какъ старецъ Филаретъ во Псково-Печерскомъ монастырѣ, который такъ чтили всѣ Лихачевы.

Естественно, что сына своего Ѳедоръ Ѳедоровичъ могъ устроить хорошо. Въ 1621 году Ѳедоръ Ѳедоровичъ сынъ уже стольникъ [2]), но смерть прерываетъ его службу; онъ умираетъ въ 1634 году [3]), и при томъ бездѣтнымъ. За то ста-

---

[1]) Въ архивѣ Императорской Археографической Коммиссіи сохранилось подлинное письмо Ѳедора Ѳедоровича Лихачева въ Нижегородскій Печерскій монастырь (см. Акты Печерскаго монастыря, № 26/87). Оригиналъ, написанный почеркомъ очень четкимъ и твердымъ, былъ сложенъ конвертомъ, на которомъ писанъ адресъ: „Великіе и пречестные обители Вознесенія Господа Бога и Спаса нашего Исуса Христа Печерскова монастыря архимариту Макарию“. Другимъ почеркомъ подписано: „Подана грамотка во 148 году Сентября въ 6 день“. (= 1639 года). Въ письмѣ своемъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ пишетъ: „Великие и пречестные обители Вознесения Господа и Бога и Спаса нашего Исуса Христа Печерсково монастыря архимариту Макарию Федор Лихачев челомъ бьетъ. Буди, государь, здоровъ и (радо)стенъ на многие лѣта. А про меня похошъ въспросити и я на Москвѣ при царских свѣтлых очехъ дал Богъ жив до воли Божьи. Постригся у вас в монастыре крестьянинъ въ болести Михайло кузнецъ и вкладу въ монастырь по изможенью своему дал, а дѣти ево бьют челом, что двор и лавку отнимают у них в монастырь же. И тебѣ б пожаловать учинить по Бозѣ, не велети у детей ево отца ихъ лавки и двора отнимать и ему старцу налоги чинить, чтоб дѣтем ево того отцово двора и лавки не отбыть. А язъ тебѣ много челомъ бью“. По спискамъ П. М. Строева, архимандритъ Макарій въ Нижегородскомъ Печерскомъ Вознесенскомъ монастырѣ настоятельствовалъ въ 1639—1642 г.г.

[2]) См. „Чтенія Моск. Общ. Ист. и Древн. Росс.“, за 1909 г., кн. III, стр. 108.

[3]) См. „Указатель“ къ „книгамъ боярскимъ“ (М. 1853. 4°).

рый дьякъ хорошо пристроилъ младшаго ребенка — дочь Прасковью. Въ 1643 году онъ выдалъ ее замужъ за князя Ивана Семеновича Прозоровскаго, бывшаго потомъ бояриномъ и принявшимъ мученическую кончину отъ Стеньки Разина въ Астрахани [1]).

Прасковья Ѳедоровна явилась родоначальницей, черезъ внуку свою Анну Петровну Салтыкову, графской линіи Шереметевыхъ и черезъ другую внуку княжну Анастасію Петровну Прозоровскую („князь-игуменью"), въ замужествѣ княгиню Голицыну, родоначальницей московской вѣтви князей Голицыныхъ [2]). Недавно прямой потомокъ ея князь Михаилъ Михайловичъ Голицынъ въ очень интересной книгѣ [3]) коснулся, между прочимъ, и умной хозяйственной дѣятельности Ѳедора Ѳедоровича Лихачева, который и въ этой области былъ большой мастеръ.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что у такихъ лицъ, какъ Терентій Григорьевичъ и Ѳедоръ Ѳедоровичъ Лихачевы, были книги. Къ сожалѣнію, такъ какъ эта вѣтвь вымерла еще въ XVII столѣтіи — не только книги, но и подлинныя грамоты и документы — все исчезло.

Можетъ быть, часть рукописей хранится въ различныхъ собраніяхъ, напримѣръ, во Псково-Печерскомъ монастырѣ, но лишенныя надписей, онѣ не свидѣтельствуютъ о бывшихъ собственникахъ. Ѳедоръ Ѳедоровичъ очень долго сидѣлъ въ Посольскомъ приказѣ, но сомнительно, чтобы слѣды его библіотеки нашлись и тамъ, хотя, если можно выразить пожеланіе о составленіи генеалогической исторіи какого либо книжнаго собранія, то прежде всего надо подумать о древней и весьма замѣчательной библіотекѣ Архива Министерства Иностранныхъ

---

[1]) Бояринъ князь Борисъ Ивановичъ Прозоровской, драгоцѣнный портретъ котораго (1694) нѣсколько разъ воспроизводился, былъ ея сыномъ.

[2]) Отъ третьей дочери — княжны Марѳы — родъ, кажется, не пошелъ. 8 Ноября 7182 (1673) года боярыня Прасковья Ѳедоровна княгиня Прозоровская (вдова князя Ивана Семеновича) сговорила дочь свою княжну Марфу Ивановну замужъ за князя Александра Ивановича Лобанова-Ростовскаго. По росписямъ линія эта прекратилась. См. рукоп. М. П. Погодина, № 1527, л. 654.

[3]) Кн. М. М. Голицынъ: „Петровское" (Спб. 1912. 8⁰). Родъ князей Голицыныхъ идетъ такъ:

кн. Иванъ ∞ кн. Анастасія Прозоровская.

кн. Ѳедоръ

кн. Николай

кн. Ѳедоръ

кн. Михаилъ

кн. Михаилъ.

Дѣлъ въ Москвѣ. Описаніе этого хранилища по ex libris'амъ, переплетамъ и разнымъ замѣткамъ бывшихъ владѣльцевъ было бы весьма поучительнымъ для русской библіофиліи.

Потомство второго сына „Лихача" Матвѣя Кошки къ половинѣ XVI вѣка оказалось въ Бѣжецкой Пятинѣ. Въ писцовой книгѣ 1545 года въ Петровскомъ Тихвинскомъ погостѣ значатся помѣщики — дѣти боярскіе Юшко и Михалецъ Аѳонасьевы дѣти Лихачевы [1]), внуки Матвѣя Кошки.

По родословной Михаилъ — старшій братъ Юрія, а по писцовой книгѣ выходитъ, какъ будто бы, наоборотъ. Въ 1544 году Юрій Аѳанасьевичъ скончался, оставивъ жену Ѳетинью и сына Еремѣя, 18 лѣтъ, за которымъ помѣстье отца и было справлено [2]). Младшіе братья Еремея (роспись указываетъ его крестное имя „Прокопій") по малолѣтству не показаны.

Потомство Михаила Аѳанасьевича перебралось изъ пятинъ въ Москву. Внукъ его Иванъ Ивановичъ Пѣшекъ успѣлъ въ концѣ XVI столѣтія пристроить своихъ сыновей Тимоѳея и Константина ко двору — въ Сытный Дворецъ.

Въ 1597 году Тимоѳей Ивановичъ уже „сытникъ", занесенный въ текстъ Посольскихъ книгъ [3]).

Вдохновитель и главный составитель родословной росписи, поданной въ Разрядъ — сынъ этого „сытника" — Михаилъ Тимоѳеевичъ Лихачевъ — показаніе о своей семьѣ начинаетъ такъ: „А у Ивана Ивановича, прозвище Пешка, дети Тимоѳей да Константинъ Ивановичи". О дядѣ Константинѣ — болѣе ни слова. Можетъ быть, это случайный пропускъ, можетъ быть намѣренный. Вѣдь все равно — Константинъ, по видимому, отъ другой жены Ивана Пѣшка, умеръ бездѣтнымъ и карьеры особой не сдѣлалъ. Но для насъ именно онъ представляетъ интересъ. Какъ исключеніе для служилыхъ Лихачевыхъ этого времени, онъ не касался письменныхъ дѣлъ и всю жизнь прослужилъ въ Дворцовомъ хозяйствѣ (много, много лѣтъ онъ былъ „путнымъ ключникомъ") [4]), но, повидимому, у него, человѣка чуждаго честолюбія, было иное увлеченіе, страсть библіофила. Объ этомъ можно судить по книгамъ, которыя онъ раздавалъ

[1]) Новг. Писц. Книги, VI, ст. 252, 253.

[2]) Ibidem, ст. 641 (Писцовая книга 1551 года). Въ книгѣ 1564 года упоминается, какъ бывшій, помѣщикъ Микула Лихачевъ (ст. 1030). Въ „обыскѣ" 15 Іюня 1564 года показано его отчество „Микула Семеновъ сынъ Лихачева" (Д. Я. Самоквасовъ: „Архивный матеріалъ", II, стр. 3). Какъ кажется — это троюродный братъ Михаила и Юрія, ошибочно въ родословной росписи названный Никитой.

[3]) Пам. Дипл. Сношн., II, стр. 472.

[4]) Однако въ 1629 году онъ упоминается уже „Степеннымъ ключникомъ"; см. Доп. Акт. Ист., III, стр. 328.

подъ старость. Умеръ Константинъ Ивановичъ глубокимъ старикомъ. Въ разрядѣ первой свадьбы царя Алексѣя Михаиловича (1648 годъ) „у питья и у ѣствы“ среди путныхъ ключниковъ значится и „Константинъ Ивановъ сынъ Лихачевъ“ [1]). Кто унаслѣдовалъ имущество Константина Ивановича [2]) — далъ ли онъ вкладъ въ монастырь, получили ли его племянники, намъ неизвѣстно, но до насъ дошло нѣсколько книгъ, ему принадлежавшихъ.

Такъ, на „Минеи Служебной“ (Московскаго изданія 1625 года, въ десть) — мѣсяцъ Апрѣль [3]) (см. Ундольскій, № 283), по листамъ идетъ запись: „Лѣта 7158 (1649) года Декабря въ 19 де(нь) сию книгу мѣсяцъ Апрѣл(ь) далъ въ домъ Пречистыя Богородицы Колесниковы пустыни путной ключникъ Константинъ Ивановъ сынъ Лихачевъ по своихъ родителяхъ“. Троицкая Колесникова пустынь (мужская) находилась въ 4 верстахъ къ югу отъ города Данилова [4]).

На части „Пролога“ [5]) Московскаго изданія 1643 года [6]), содержащей мѣсяцы — Іюнь, Іюль и Августъ (л.л. 463 — 866), по листамъ идетъ, повторяющаяся нѣсколько разъ, вкладная запись очень подробная и содержательная: „лѣта 7152 (1644)го сия книга Прологи во весь годъ въ переплете съ мѣсяца Сентября по Мартъ полгода шесть мѣсяцъ [7]), да Прологи ж в переплете две книги съ Марта по Июнь, а с Июня по Сентябрь, далъ въ монастырь на Вологду въ домъ великаго пророка Ильи и преподобнаго отца Варлама Хутынскаго, что у Ленивые площадки у Старово Гостиннаго двора, путной ключникъ Константинъ Ивановъ сынъ Лихачовъ по отце своемъ Иване Ивановиче прозвище Пешке Лихачове и по матери своей схимнице Еуѳимье и по жене своей Наталье и по сыне своемъ Петре и по всехъ своихъ родителяхъ“.

---

[1]) Др. Росс. Вивл., ч. XIII, стр. 220.

[2]) Константинъ Ивановичъ былъ зажиточенъ, но, къ сожалѣнію, завѣщаніе его не найдено. Между прочимъ у Константина Ивановича было помѣстье и во Владимірскомъ уѣздѣ, въ Ильмехотскомъ стану, въ селѣ Картмазовѣ (7145 — 7151, 7155 года). См. „Матеріалы для исторіи церквей Владимірской губерніи“, Отд. III, вып. 6-й [Москва, 1911. 8°], стр. 28). Родъ Константина Лихачева записанъ въ Синодикъ Спасо-Преображенскаго монастыря въ Ярославлѣ (см. сокращенное изданіе его А. А. Титовымъ [М. 1895. 8°.], стр. 16).

[3]) Въ собраніи автора настоящей статьи.

[4]) Упразднена въ 1764 году (нынѣ село Троица-Колясниково, Ярославской губерніи Даниловскаго уѣзда). См. В. В. Звѣринскій: „Матеріалы для историко-топографическаго изслѣдованія о православныхъ монастыряхъ въ Россійской Имперіи“, ч. II, № 1229.

[5]) См. Ундольскій, № 537.

[6]) Экземпляръ въ собраніи автора, пріобрѣтенъ отъ С. Т. Большакова.

[7]) См. Ундольскій, № 528.

Указанный монастырь — въ настоящее время приходская церковь въ городѣ Вологдѣ [1]).

Въ собраніи Овчинникова имѣется рукопись (№ 536) XVI вѣка (въ десть), Минея Четья за Декабрь, по листамъ которой идетъ надпись: „Сия книга Константина Иванова сына Лихачева дана. . . . въ домъ Троице-Сергіева монастыря. . . .“

Въ собраніи П. И. Щукина хранится „Псалтырь слѣдованная“, рукопись in 4⁰, на 325 листахъ [2]), писана полууставомъ въ 1586 году трудами Гавріила Сергѣева сына Басова въ Москвѣ по заказу Діомида Дементьева сына.

По листамъ черезъ всю рукопись идетъ запись скорописью:

„Книга глаголемая Псалтырь (съ) следован(ь)мъ и с седмишною службою, и святцы с новыми чюдотворцы, и с трепари, и с кондаки, и с молитвами толки сижачоша и ешо лыпа некма куплена села Глобовскаго у Никольского попа Никиты Иванова сына, а дана кмикданъ някь аскыпъ 121 го сентября въ 28 день“.

Тайнопись, раскрываемая по обычному ключу „литореи немудрой“, даетъ имя покупателя и цѣну рукописи:

„Кости Лихачова и его сына Петра“ и „тридцать пять алтынъ“.

Библіофилъ покупатель, обрадованный пріобрѣтеніемъ прекрасной рукописи, не только описалъ ее по листамъ, но еще потрудился и надъ составленіемъ литореи.

Если мы обратимъ вниманіе на время, когда нашъ книгочій наслаждался перечисленіемъ содержанія рукописи и составленіемъ ex-libris'a тайнописью, то поймемъ съ одной стороны, насколько онъ былъ увлеченъ страстью къ книгамъ и почему не сдѣлалъ большой карьеры.

Запись составлена 28 сентября 1612 года! Вся Русь волновалась изъ края въ край, близко было освобожденіе Москвы и изгнаніе поляковъ, но моментъ былъ наиболѣе критическій.

Нѣсколько Лихачевыхъ въ эту пору кончили свой жизненный путь, защищая родину — такъ Авксентій (извѣстно достовѣрно) убитъ отъ поляковъ въ Московское осадное сидѣнье подъ Москвою, Юрій, только что начинавшій свою карьеру,

[1]) Звѣринскій, В. В., l. c., II, № 874: „Кобылкинъ-Ильинскій-Дмитріевскій мужской, нынѣ приходская церковь въ городѣ Вологдѣ. Онъ существовалъ въ 1568 году и при нашествіи Литовцевъ былъ раззоренъ, но потомъ снова возобновленъ. По описи 1627 года находился близъ западной городской стѣны, въ Кобылкиной улицѣ, имѣлъ церковь св. Иліи холодную и Варлаама Хутынскаго теплую, съ трапезою. Въ 1764 году обращенъ въ приходъ“.

[2]) См. А. И. Яцимирскій: „Опись старинныхъ славянскихъ и русскихъ рукописей собранія П. И. Щукина“ (М. 1896. 4⁰), № 30, стр. 28 — 35.

просто исчезаетъ. Нѣсколько человѣкъ (напр. Иванъ, Ѳадѣй и др.) — участвуютъ въ освобожденіи Руси въ качествѣ „дѣтей боярскихъ", одинъ Константинъ Ивановичъ, найдя интересную рукопись у сельскаго попа, смакуетъ ея содержаніе и заботится о тщательной записи новаго пріобрѣтенія въ число книгъ, ему принадлежащихъ.

Бѣдный библіофилъ пережилъ своего сына Петра, о библіотекѣ котораго онъ заботился, но дождался времени, когда его на путномъ ключничествѣ смѣнилъ племянникъ — еще бо́льшій библіофилъ и книгочій.

Братъ Константина Ивановича — Тимоѳей Ивановичъ — сытникъ въ 1597 году [1]), стряпчій государева сытнаго дворца въ 1608 году [2]), путный ключникъ при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, несмотря на свою смерть гораздо раньше брата Константина, дослужился до званія „кормового Большого Дворца степеннаго ключника" [3]) и доставилъ возможность своимъ дѣтямъ служить при Дворѣ и достичь высокихъ чиновъ. Въ 1636 году помѣстье Тимоѳея Ивановича уже справляется за его сыномъ Алексѣемъ [4]). Скончался Тимоѳей Ивановичъ, имѣя никакъ не меньше шестидесяти лѣтъ, но дѣтей оставилъ очень юными — только Алексѣя подросткомъ, остальныхъ младенцами. Въ связи съ долголѣтіемъ Алексѣя Тимоѳеевича этотъ фактъ даетъ намъ поучительный генеалогическій примѣръ. Отецъ — чиновникъ царя Ѳедора Ивановича — сынъ пережилъ императора Петра I и императрицу Екатерину I! Алексѣй Тимоѳеевичъ Лихачевъ на свадьбѣ царя Алексѣя Михайловича въ 1648 году [5])

[1]) Пам. Дипл. Сношъ., II, ст. 472.

[2]) „Сборникъ князя Хилкова" (Спб. 1879. 8⁰), стр. 19.

[3]) Въ кормовой книгѣ Спасо-Прилуцкаго монастыря (извлеченіе сообщено Н. И. Суворовымъ въ „Изв. Арх. Общ.", т. III, ст. 313) подъ 9 ноября записано: „Мѣсяца того жъ въ 9 день поминати иноку схимницу Марфу, бабку Тимоѳея Ивановича Лихачева. А дача ихъ писана Генваря въ 15 день". А подъ 15 января (ст. 316): „Мѣсяца того жъ въ 15 день: поминати Кормового Большого Дворца степеннаго ключника Тимоѳея Ивановича Лихачева, отца его Тимоѳеева Ивана, да матерь его Анну, да бабку его иноку Марѳу. А дачи ихъ монастырю деревня Болотово, да деревня Тишинцово, да деревня Потрохово". Подъ 3 февраля (ст. 317) записано еще разъ: „Мѣсяца Февраля въ 3 день: поминати матерь степенного ключника Государева Кормового Дворца Тимоѳея Ивановича Лихачева Анну и отца его Тимоѳеева Ивана и бабку его иноку Марѳу". Такъ какъ Константинъ Ивановичъ Лихачевъ поминаетъ мать свою „схимницу Еуѳимью", то, слѣдуетъ думать, что съ Тимоѳеемъ они были братья — не единоутробные.

[4]) Арх. Мин. Юст., по Москвѣ, кн. 591. Было у Тимоѳея Ивановича имѣніе и въ Коломенскомъ уѣздѣ, межа въ межу съ землей Ивана Андреевича Новикова, предка Н. И. Новикова (См. „Чтенія Моск. Общ. Ист. и Древн. Росс." за 1909 г., кн. III, стр. 192).

[5]) Др. Росс. Вивл. XX, 131. Дядя автора настоящей статьи Борисъ Ѳедоровичъ Лихачевъ владѣлъ селомъ Ивановскимъ (Зубц. уѣзда Тверской губ.), принадлежавшимъ когда то Алексѣю Тимоѳеевичу Лихачеву. Въ домашнемъ обиходѣ при сервировкѣ кофе мелко наколотый сахаръ помѣщался въ небольшомъ серебряномъ

въ церемоніальномъ спискѣ почти рядомъ съ дядей Константиномъ записанъ чарошникомъ, черезъ десять лѣтъ онъ самъ путный ключникъ, въ 1676 году стряпчій съ ключемъ, въ 1677 — комнатный стольникъ, въ 1680 — постельничій, въ каковомъ званіи и подписываетъ въ 1682 году Дѣяніе объ уничтоженіи мѣстничества, въ 1683 году онъ окольничій [1]).

Царь Петръ, желая воспользоваться образованностью и знаніями Алексѣя Тимоѳеевича, поручаетъ ему 24 августа 1700 года вѣдать новоучрежденный Приказъ рудокопныхъ дѣлъ [2]). Однако престарѣлый сановникъ едва ли уже годился для кипучей дѣятельности великаго преобразователя; черезъ нѣсколько лѣтъ Алексѣй Тимоѳеевичъ былъ замѣненъ болѣе молодымъ человѣкомъ и затѣмъ имя его появляется лишь въ нѣсколькихъ придворныхъ нарядахъ, а еще черезъ нѣсколько лѣтъ старикъ-окольничій проживаетъ на покоѣ въ своемъ Переяславскомъ имѣніи. Часть вотчинокъ онъ распродалъ, а одной (фактъ весьма любопытный) поклонился царицѣ Марѳѣ Апраксиной, бракъ которой онъ устраивалъ.

Не будемъ отмѣчать государственной дѣятельности Алексѣя Тимоѳеевича, насъ интересуетъ другая сторона его жизни. Ревностный членъ кружка Ртищева, избранный въ учителя къ царевичу Алексѣю Алексѣевичу [3]), онъ былъ большой книголюбецъ и даже писатель. По показанію Татищева, который неоднократно пользовался разсказами Алексѣя Тимоѳеевича о временахъ давно минувшихъ [4]), перу А. Т. Лихачева принадлежало „Житіе царя Ѳеодора Алексѣевича“, до насъ не дошедшее [5]).

сосудикѣ, надпись на которомъ гласила, что „чарка“ принадлежитъ къ вещамъ царицы Евдокіи Лукьяновны. Къ сожалѣнію, наслѣдники Б. Ѳ. Лихачева продали эту чарку кому то изъ собирателей. Автору настоящей статьи принадлежитъ небольшое Евангеліе (изд. Москва. 1702. Февраль. 8⁰, Ундольскій № 1306), полученное отъ Б. Ѳ. Лихачева, но принадлежность этой книги А. Т. Лихачеву приписывается только на основаніи преданія.

[1]) „Указатель къ Боярскимъ книгамъ“, стр. 232.

[2]) Полн. Собр. Закон., т. IV, с. 75, № 1812.

[3]) У царевича, несмотря на хилость, у самого была цѣлая библіотека.

[4]) См., напримѣръ, примѣчанія къ Судебнику (изд. 2), стр. 29.

[5]) „Исторія Россійская“, кн. I (1768. 4⁰). стр. XIII: „Лихачевъ бывшей учитель царя Ѳеодора II жизнь онаго государя обстоятельно описалъ, которую я у него самъ видѣлъ и читалъ, но послѣ нигдѣ достать ея и о ней навѣдаться не могъ“. Алексѣй Лихачевъ былъ одинъ изъ главныхъ дѣятелей въ преобразовательныхъ стремленіяхъ времени второй половины царствованія царя Алексѣя Михаиловича и въ интересное время краткаго царствованія царя Ѳеодора Алексѣевича, но для эпохи Петра онъ былъ несомнѣнный „постепеновецъ“ и едва ли могъ сочувствовать рѣзкому разрыву со старой Русью. Исторія царя Ѳеодора должна была вылиться искреннимъ, сердечнымъ панегирикомъ. Въ эпоху страшнаго слѣдствія по дѣлу царевича Алексѣя такое сочиненіе могло показаться весьма „сумнительнымъ“ и, какъ кажется, осторожный авторъ имъ пожертвовалъ. Ни подлинника, ни списковъ до сихъ поръ нигдѣ не найдено.

Этого мало. Въ Императорской Публичной Библіотекѣ хранится рукопись, принадлежавшая нѣкогда Алексѣю Тимоѳеевичу Лихачеву. Это „Степенная книга“ изъ собранія графа Ѳ. А. Толстого (Отд. I, № 237). Запись о томъ, что рукопись принадлежитъ окольничему А. Т. Лихачеву сдѣлана не собственноручно владѣльцемъ, а кѣмъ либо по его приказанію. Въ началѣ рукописи, также рукою писца, изложено нѣчто вродѣ предисловія о томъ, что царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ думалъ о составленіи полной русской исторіи на европейскій образецъ. Важное значеніе этого „предисловія“ подчеркнуто покойнымъ Е. Е. Замысловскимъ въ его извѣстномъ изслѣдованіи; трудно только опредѣлить, кто былъ авторомъ статьи. Сомнительно, чтобы ее составилъ самъ Лихачевъ, хотя въ то же время несомнѣнно, что онъ долженъ былъ являться однимъ изъ иниціаторовъ предпріятія.

Едва ли Алексѣй Тимоѳеевичъ былъ начитанъ въ томъ направленіи, что авторъ „предисловія“, но съ лѣтописями и другими отечественными памятниками исторіи онъ, безъ всякаго сомнѣнія, былъ хорошо знакомъ.

Несмотря на то, что книжное имущество братьевъ Алексѣя и Михаила Лихачевыхъ, въ числѣ прочаго имущества, жестоко пострадало 15—17 Мая 1682 года, когда дворы Лихачевыхъ были разграблены и утратились дрѣвніе родовые документы [1]), послѣ Алексѣя Тимоѳеевича сохранилась, можно сказать, цѣлая небольшая библіотека [2]).

Недалеко отъ послѣдняго мѣстопребыванія А. Т. Лихачева находится Александровская слобода и въ ней женскій монастырь.

„Любимецъ царя Ѳедора Алексѣевича“, говоритъ архимандритъ Леонидъ (Кавелинъ) [3]), „его постельничій, окольничій Алексѣй Тимоѳеевичъ (Лихачевъ) ревностно навѣщалъ столь любимую имъ обитель, изъ своей Переславской вотчины, въ которой онъ проживалъ со времени кончины своего благо-

---

[1]) См. родословную роспись, поданную въ Разрядъ.

[2]) Братья Лихачевы избѣгли участи Матвѣева и Нарышкиныхъ, но были временно сосланы. Въ Калязиномъ монастырѣ до сихъ поръ хранятся грамоты: „№ 168:—о присылкѣ подъ началъ въ Калязинъ монастырь Алексѣя Тимоѳеевича Лихачева впредь до спросу, 1682 г.“ „и „№ 169: о высылкѣ изъ Калязина монастыря Алексѣя Тимоѳеевича Лихачева въ Сибирь на поселеніе, 1682 г.“ (см. „Описи древнимъ грамотамъ и другимъ документамъ, хранящимся въ архивѣ первокласнаго Троицкаго Калязина монастыря“. Тверь. 1891. 8⁰). Повидимому, въ Сибири А. Т. Лихачевъ не былъ и ссылка была кратковременной.

[3]) „Описаніе Успенскаго женскаго монастыря въ г. Александровѣ“, въ журн. „Вѣстникъ Археологіи и Исторіи, издаваемый Археологическимъ Институтомъ“. Вып. I (1885 г.), стр. 166.

дѣтеля въ удаленіи отъ двора, и при жизни своей въ 1724 году, по ходатайству строителя монаха Іоны Маслова, пожертвовалъ въ нее часть своей библіотеки, а остальныя рукописи были сюда же пожертвованы его наслѣдниками, уже послѣ его кончины въ 1729 году".

Приведенная фраза не совсѣмъ точна — Алексѣй Тимоѳеевичъ и при Петрѣ Великомъ служилъ болѣе двадцати пяти лѣтъ! По записямъ на рукописяхъ, онѣ были доставлены въ монастырь въ Сентябрѣ 1729 года. Значитъ, кончина Алексѣя Тимоѳеевича съ большой вѣроятностью относится именно къ этому году [1]). Вспоминая, что онъ былъ испомѣщенъ и за нимъ справлено отцовское помѣстье въ 1636 году, что въ 1648 году онъ былъ уже придворнымъ чиномъ и ничто не указываетъ, что это былъ первый годъ его службы, мы удостовѣряемся въ фактѣ необыкновеннаго долголѣтія.

Въ Успенскомъ женскомъ монастырѣ хранится, можно сказать, цѣлая библіотека послѣ А. Т. Лихачева. Знакомство съ монастыремъ было старое. Еще при царѣ Алексѣѣ Михаиловичѣ, по словамъ монастырскаго лѣтописца: „по Божію изволенію и ходатайствомъ Ѳедора Михайловича и Анны Михайловны Ртищевыхъ, пожаловала царица государыня и великая княгиня Марія Ильинична четыре скатерти да семнадцать шубъ барановыхъ, а привезъ Алексѣй Тимоѳеевичъ Лихачевъ".

Рукописи передавались въ монастырь постепенно при жизни, но большая часть передана по кончинѣ. На нѣкоторыхъ книгахъ сохранились и записи о покупкѣ самимъ Лихачевымъ. Любопытно отмѣтить, что старая связь съ Вологдой сохранилась и нѣсколько рукописей было куплено у Вологжанъ (напримѣръ, у дьякона, что служилъ у Спаса обыденнаго на Вологдѣ). Одна рукопись куплена „послѣ думнаго дьяка Василія Семенова". Кромѣ цѣлаго ряда книгъ богословскихъ и богослужебныхъ въ монастырь попали — 1) Превосходный списокъ Стоглава, 2) Тетрадь дворовая, 3) Списокъ бояръ, 4) Хронографъ.

Интересны историческія рукописи переводныя — „Церковныя лѣтописи Баронія" (въ десть, 464 л.л. XVII вѣка), „Хроника литовская Матвѣя Стрыйковскаго (на 402 л.л.,

[1]) О. архимандритъ Леонидъ въ предисловіи къ статьѣ „Историческое и археологическое описаніе первоклассnаго Успенскаго женскаго монастыря въ городѣ Александровѣ" (въ „Вѣстникѣ Археологіи и Исторіи" за 1885 годъ), опредѣленно указываетъ, что А. Т. Лихачевъ скончался въ 1729 году.

въ десть, скороп. XVII вѣка), „Похожденіе въ землю святую Николая Радивила“ (въ десть, на 164 л.л. XVII вѣка).

Если мы примемъ во вниманіе, что въ монастырь передана была лишь часть рукописей и ни одной печатной книги, каковыя несомнѣнно должны были быть, то и по наличнымъ указаніямъ нельзя не признать, что Алексѣй Тимоѳеевичъ имѣлъ не случайно нѣсколько книгъ, а цѣлое книжное собраніе и былъ настоящимъ библіофиломъ.

Старшая вѣтвь потомства второго сына родоначальника Лихачевыхъ Матвѣя Кошки вымерла, какъ и потомство перваго сына (Дмитрія Дружины). Даже вѣтвь Дашковыхъ, происходившая отъ брака сестры Алексѣя Тимоѳеевича — Матрены съ думнымъ дворяниномъ Василіемъ Яковлевичемъ Дашковымъ, прекратила свое существованіе.

Продолжающіяся донынѣ линіи рода Лихачевыхъ происходятъ отъ двухъ сыновей второго внука Матвѣя Кошки — Юрія Аѳанасьевича. Отъ Павла Юрьевича — происходятъ — Тверскіе, Ярославскіе Лихачевы. Три внука Павла: Иванъ Ивановичъ Нехорошій, подъячій Юрій Ивановичъ[1]), Новгородскій помѣщикъ и недѣльщикъ Богданъ Ивановичъ — были дѣятелями конца XVI вѣка и эпохи смутнаго времени. Потомки ихъ выдвинулись въ XVII вѣкѣ, служили московскими дворянами и стольниками. Дѣло ихъ прямыхъ потомковъ, буде пожелаютъ, отмѣтить библіофиловъ среди своихъ предковъ. Таковые несомнѣнно были. Мы же здѣсь упомянемъ только извѣстнаго собирателя гравюръ (а отчасти и книгъ), неоднократно упоминаемаго Д. А. Ровинскимъ — Григорія Васильевича Лихачева.

Потомство третьяго сына Юрья Аѳанасьевича — Василья Мухи служило по Холму и Торопцу, гдѣ имѣло помѣстья. По смерти Карпа, по прозванію Ворошило, Васильевича около 1595 года, Ѳадѣй Ворошиловъ сынъ Лихачевъ испомѣщается, какъ новикъ, въ Холмскомъ уѣздѣ съ окладомъ въ 200 четвертей[2]); по Торопецкой десятнѣ 7114 (1606) года[3]) онъ уже значится съ окладомъ въ 300 четвертей и денежнымъ въ 8 рублей. Этотъ окладъ сохраняетъ сынъ его Григорій Ѳадѣевичъ по Торопецкимъ десятнямъ 7157 (1649) и 7161 (1653) г.г.[4]). Въ 1661 году „на государевѣ службѣ подъ Кушниковыми го-

[1]) Упоминанія этого Юрія Лихачева см. С. Б. Веселовскій: „Акты подмосковныхъ ополченій и земскаго собора 1611 — 1613 г.г.“ („Чтенія Моск. Общ. Ист. и Древн. Росс.“, 1911 г., кн. IV, стр. 164 — 165).

[2]) Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, № 127/167, in 4⁰, списокъ съ десятни 7104 года.

[3]) Арх. Мин. Юст., кн. Десятенъ, № 60, л. л. 113 — 114.

[4]) Арх. Мин. Юст., кн. Десятенъ, №№ 61 (л. 91) и 289 (л. 177).

рами на бою" Григорья убили „польскіе люди". По десятнѣ 1665—1666 года [1]) значатся городовой дворянинъ Василій Григорьевъ и недоросль Евсигнѣй, Леонтью же Григорьевичу въ 1670 году было только 14 лѣтъ. Юные городовые дворяне служили обычную службу, но служили ревностно и дослужились до Московскаго дворянства. Въ „боярскихъ книгахъ" (такъ называемыхъ) 1692 и 1696 годовъ всѣ три брата и сынъ Евсигнѣя — Иванъ — значатся дворянами Московскими, а Иванъ Евсигнѣевичъ и стольникомъ. Въ „Записныхъ книгахъ" (№№ 21 и 24) найдемъ указаніе и на то, что Василій Григорьевичъ былъ воеводою въ Островѣ, а Евсигнѣй Григорьевичъ воеводою въ Изборскѣ. Въ походѣ боярина Алексѣя Семеновича Шеина къ Азову (Спб. 1773 г. изд. В. Рубанъ) въ 1696 году Иванъ Евсигнѣевичъ Лихачевъ былъ стольникомъ и завоеводчикомъ (стр. 10 и 22).

По документамъ Лихачевыхъ можно прослѣдить, какъ въ XVII столѣтіи понимали и цѣнили родство. Троюродные и даже пятиюродные въ одномъ колѣнѣ называютъ себя просто братьями. А Михаилъ Тимоѳеевичъ Лихачевъ 10 Октября 1706 года завѣщалъ свои Бѣлозерскія вотчины — „Дороѳею да Любиму Аѳанасьевымъ дѣтямъ, Ивану да Никитѣ Ивановымъ дѣтямъ, Ивану Иванову сыну, Ивану Евсигнѣеву сыну, Логину Васильеву сыну и Степану Самсонову сыну Лихачевымъ" [2]). Въ этомъ перечисленіи не было никого изъ родственниковъ ближе шести-юродныхъ (если можно такъ выразиться) племянниковъ и внуковъ. Михаилъ Тимоѳеевичъ дѣйствовалъ какъ идеалистъ-генеалогъ, умирая бездѣтнымъ [3]) при бездѣтномъ богатомъ братѣ, своимъ завѣщаніемъ онъ подчеркивалъ и проповѣдывалъ единство рода, торжество родовыхъ началъ.

Среди перечисленныхъ лицъ, только Любимъ Аѳанасьевичъ [4])

---

[1]) Арх. Мин. Юст., кн. Десятенъ, № 282, л.л. 48, 49 и 117.

[2]) Арх. Мин. Юст., Отказныя книги Бѣлозерскаго уѣзда 1707 года.

[3]) Михаилъ Тимоѳеевичъ былъ женатъ дважды, второй разъ на Маріѣ Ѳеодоровнѣ Строгановой. Одного сына, пользуясь своимъ положеніемъ, онъ устроилъ комнатнымъ стольникомъ, то есть въ должность, которая открывала путь къ самой широкой карьерѣ, были бы способности, но Ѳедоръ Михайловичъ умеръ рано и бездѣтнымъ. Были и другія дѣти у Михаила Тимоѳеевича, но умирали во младенчествѣ. Въ 1889 году при работахъ въ Никитскомъ монастырѣ, что на Никитской (основанъ Никитою Романовичемъ), нашли, между прочимъ, надгробную плиту (оставлена въ монастырѣ), на которой надпись вязью — 1687 годъ — свидѣтельствуетъ, что надгробіе сооружено надъ могилами дѣтей окольничаго Михаила Тимоѳеевича Лихачева (см. „Прав. Вѣстн." отъ 8 окт. 1889; „Русскія Вѣдом.", 20 Авг. 1889 года; „Записки Импер. Русс. Археол. Общ." за 1889 г., стр. 382).

[4]) У потомковъ Любима Аѳанасьевича, какъ старшихъ въ родѣ, сохранились грамоты жалованныя Алексѣю и Михаилу Тимоѳеевичамъ Лихачевымъ, роскошные образцы подобнаго рода документовъ, которые желательно было бы вос-

да Иванъ Евсигнѣевичъ стали родоначальниками существующихъ Лихачевыхъ. Сынъ Ивана Ивановича Алексѣй Ивановичъ умеръ бездѣтнымъ [1]), внукъ двоюроднаго брата Ивана Евсигнѣевича — генералъ-майоръ Петръ Гавриловичъ славно закончилъ свою вѣтвь на поляхъ Бородинскихъ (ум. отъ ранъ въ Кенигсбергѣ).

Иванъ Евсигнѣевичъ — помѣщикъ небогатый, но умный и дѣятельный, служилъ долго и усердно. Въ службу онъ поступилъ въ 1692 году, въ 1696 году стольникъ и завоеводчикъ, въ 1722 году ротмистръ [2]), въ 1744 году показанъ капитаномъ (въ духовной Василія Леонтьевича Лихачева), въ 1752 году, когда онъ написалъ 18 Апрѣля свое духовное завѣщаніе, онъ былъ уже отставнымъ секундъ-майоромъ [3]).

Въ этомъ завѣщаніи весьма любопытны заботы о просвѣщеніи малолѣтней внуки. Иванъ Евсигнѣевичъ придавалъ значеніе женскому образованію: „а буде, паче чаянія", грозитъ онъ, „оная моя внука въ наученіи грамоты имѣть будетъ небреженіе и оной совершенно не обучится и Закона Божія знать не будетъ, то ее внуку мою отъ предписаннаго даннаго ей въ наследство недвижимаго именія отрешаю . . .".

Эта угроза лишить наслѣдства — „ежели она словесной и письменной грамотѣ не обучится" — многозначительна, въ ней слышится традиціонное уваженіе къ образованію, къ знанію.

Иванъ Евсигнѣевичъ былъ женатъ дважды — 1) на Меланіи Ѳедоровнѣ Зеленой и 2) на Иринѣ Аѳанасьевнѣ N. N. Ко времени составленія завѣщанія сына отъ второго брака — Матвѣя — уже не было въ живыхъ: онъ оставилъ вдову и дочь. Сынъ отъ перваго брака Логинъ Ивановичъ въ это время былъ уже человѣкомъ пожилымъ.

Въ началѣ 1745 года Логинъ Ивановичъ Лихачевъ женился на Марьѣ Яковлевнѣ Новосильцовой. Рядную запись, писанную 19 Декабря 1744 года онъ подписалъ, какъ „лейбъ-

---

произвести. Серебряные щитки, покрытые тончайшей орнаментикой чернью, находящіеся на мѣстѣ прикрѣпленія шнуровъ печати, представляютъ рѣдкость въ области русской дипломатики.

[1]) Но дочь Евдокія Ивановна вышла замужъ за князя Илью Петровича Касаткина-Ростовскаго и въ этомъ родѣ продолжила кровь Лихачевыхъ. Алексѣй Ивановичъ жилъ очень долго и, умирая въ 1754 году, передалъ кн. Касаткину-Ростовскому все накопленное имъ состояніе. (См., между прочимъ, П. Н. Петровъ: „Исторія Дворянскихъ Родовъ", стр 103).

[2]) Герольдм. конт., кн. $^{34}/_{32}$, л. 762: „1722 году Ѳевраля въ 1 день — Ротмистръ Иванъ Евсигнеевъ сынъ Лихачевъ, отъ роду ему 51 годъ, служитъ съ 200 года ..." („Иванъ Лихачевъ руку приложилъ").

[3]) Текстъ духовной напечатанъ въ статьѣ Н. П. Лихачева: „О разрѣшительныхъ грамотахъ восточныхъ патріарховъ" (М. 1893. 4°).

гвардіи Семеновскаго полку сержантъ". Въ числѣ свидѣтелей подписались три брата—бароны Строгановы [1]), д. с. с. Соковнинъ, Хрущовъ и нѣсколько Новосильцовыхъ. Все это родство съ той или другой стороны и люди, которые были не чужды книгъ.

На имя Марьи Яковлевны Лихачевой и было пріобрѣтено 23 Марта 1754 года покупкою отъ бабушки ея Прасковьи Петровны Змѣевой [2]) село Полянки-Никольское (Спасскаго уѣзда Казанской губерніи).

Въ завѣщаніи отца въ 1752 году (18 Апрѣля) Логинъ Ивановичъ значится лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка порутчикомъ, въ томъ же чинѣ упомянутъ онъ и при покупкѣ села Полянокъ.

3 Апрѣля 1756 года Логинъ Ивановичъ уже „Казанскаго гарнизона Свияжскаго полку подполковникъ" [3]), 14 Мая 1758 года пріобрѣтаетъ въ городѣ Казани у генералъ-майора Нефеда Никитича Кудрявцева порозжее мѣсто подъ домъ [4]), 29 Февраля 1760 года „Казанскаго гарнизона Свіяжскаго пѣхотнаго полку подполковникъ Логинъ Ивановъ сынъ Лихачевъ" далъ племянницѣ своей Еленѣ Матвѣевнѣ, въ замужествѣ Нащокиной, „въ Казани у крѣпостныхъ дѣлъ раздѣльную запись" [5])

---

[1]) Подписи Строгановыхъ на документѣ объясняются родственными связями. Окольничій Михаилъ Тимоѳеевичъ Лихачевъ былъ женатъ на Маріѣ Ѳеодоровнѣ Строгановой. Братъ его, окольничій Алексѣй Тимоѳеевичъ Лихачевъ, въ 1702 году продалъ село Ивановское (Зубцовскаго уѣзда Тверской губерніи) стольнику Алексѣю Яковлевичу Новосильцову. Село это преемственно принадлежало сыну Алексѣя Яковлевича — Якову Алексѣевичу, внуку Василію Яковлевичу и правнуку Александру Васильевичу Новосильцовымъ. По кончинѣ этого послѣдняго село Ивановское перешло въ родъ Лихачевыхъ, такъ какъ внука Алексѣя Яковлевича Марья Яковлевна Новосильцова была замужемъ за Логиномъ Ивановичемъ Лихачевымъ. Родная сестра Алексѣя Яковлевича Новосильцова Марія Васса Яковлевна была въ замужествѣ за именитымъ человѣкомъ Григоріемъ Дмитріевичемъ Строгановымъ. Такимъ образомъ Марія Яковлевна Лихачева приходилась племянницей баронамъ Александру, Николаю и Сергѣю Григорьевичамъ Строгановымъ.

[2]) Прасковья Петровна, рожденная княжна Хованская, въ первомъ бракѣ была за княземъ Степаномъ Борятинскимъ (ум. до 1723 года), а во второмъ за стольникомъ Ѳедоромъ Ивановичемъ Змѣевымъ (ум. въ 1738 году). Дочь отъ перваго брака княжна Анастасія Степановна Борятинская въ 1723 году вышла замужъ за Якова Алексѣевича Новосильцова (ум. въ 1747 году), а овдовѣвъ вышла замужъ во второй разъ за подпорутчика графа Сергѣя Алексѣевича Шереметева.

[3]) 3 Апрѣля 1756 года Л. И. Лихачевъ получилъ засвидѣтельствованную копію съ дѣла и съ отказныхъ книгъ по отказу за нимъ села Каратаи Свіяжскаго уѣзда. Это село досталось Л. И. Лихачеву въ 1745 году, какъ наслѣдство отъ тетки Татьяны Ѳеодоровны, рожденной Зеленой, въ первомъ бракѣ Нармацкой, во второмъ Останковой, и умершей въ 1744 году.

[4]) Подлинникъ за подписью Н. Н. Кудрявцева хранится у Н. П. Лихачева среди другихъ фамильныхъ бумагъ.

[5]) Извлечено изъ оффиціальной выписи, данной изъ Архива Министерства Юстиціи въ Москвѣ въ 1887 году.

и въ томъ же году умеръ [1]). Можно думать, что Логинъ Ивановичъ скончался отъ паралича безъ завѣщанія и внезапно (чѣмъ и объясняется фактъ, что разрѣшительная грамота, выданная ему отъ патріарха Іерусалимскаго, не была положена въ гробъ). И раздѣльной записи 1760 года онъ не могъ подписать: „... а что жъ я подполковникъ Логинъ Лихачевъ къ сей раздѣльной записи самъ руки не приложилъ и то за одержимою моею болѣзнью".

С. Мельниковъ въ статьѣ: „Замѣчательныя селенія по Волгѣ въ предѣлахъ Казанской губерніи" [2]) описалъ подробно село Полянки и указалъ, что „полковникъ [3]) Логинъ Ивановичъ Лихачевъ, строитель настоящей каменной церкви, замѣчателенъ тѣмъ, что въ концѣ первой половины прошлаго столѣтія путешествовалъ къ святымъ мѣстамъ для поклоненія гробу Господню и въ 1748 году отъ святѣйшаго патріарха Парѳенія получилъ письменное отпущеніе грѣховъ ...".

Этотъ разсказъ не совсѣмъ точенъ. Дѣйствительно Логинъ Ивановичъ Лихачевъ является строителемъ церкви, существующей и въ настоящее время, но освящена она была послѣ его кончины, а грамоту разрѣшительную онъ получилъ не ранѣе 1752 года. Грамота, печатанная мѣшанымъ славянскимъ шрифтомъ, помѣчаетъ 1748 годъ какъ годъ печати въ Іерусалимѣ. Этотъ рѣдкій библіографическій листокъ является единственнымъ остаткомъ документовъ и библіотеки Логина Ивановича [4]). Все погибло въ огнѣ, когда шайка пугачевцевъ разорила Полянскую усадьбу.

Село Полянки-Никольское, отмѣченное и въ атласѣ изданія 1745 года, имѣетъ свою исторію. Въ новѣйшихъ руководствахъ мы можемъ прочесть: „Въ 2 верстахъ отъ Волги недалеко отъ Булымери находится село Никольское (Полянки), основанное при царѣ Борисѣ Годуновѣ при проведеніи Тетюш-

[1]) 21 Іюля 1770 года „отставной подпорутчикъ Николай да лейбъ-гвардіи Семеновскаго полку фурьеръ Александръ Логиновы дѣти Лихачевы" били челомъ о раздѣлѣ имущества, доставшагося имъ послѣ отца, и въ челобитьѣ показали: „въ прошломъ 1760 году отца нашего подполковника Логина Ивановича Лихачева, а потомъ въ 761 году и матери нашей Марьи Яковлевны Лихачевой волею Божіею не стало ...".

[2]) „Казанскія Губернскія Вѣдомости" за 1858 годъ, № 14, стр. 103—106.

[3]) Ошибка. Л. И. Лихачевъ умеръ подполковникомъ.

[4]) Документъ этотъ воспроизведенъ (по подлиннику, хранящемуся у Н. П. Лихачева) фототипіей въ величину оригинала при статьѣ Н. П. Лихачева: „О разрѣшительныхъ грамотахъ восточныхъ патріарховъ" (М. 1893. 4⁰).

Книги Ивана Евсигнѣевича, вѣроятно, перешли въ родъ Нащокиныхъ. У потомковъ Логина Ивановича хранится лишь икона Божей Матери Милостивой, написанная въ городѣ Торопцѣ попомъ Досиѳеемъ въ 7194 (1686) году (находится у Н. П. Лихачева).

ской засѣки и названное Полянскимъ городкомъ" [Н. А. Спасскій: „Очерки по родиновѣдѣнію: Казанская губернія" (2 изд. Казань. 1913. 8°), стр. 184]. Въ 7176 (1668) году въ мѣстности отъ Утки рѣки къ Балымерскому городищу, тамъ гдѣ была прежде патріаршая деревня „Полянка", испомѣшена была Полоцкая шляхта — ротмистръ Петръ Костенецкій [1]) да рядовая шляхта Иванъ Кошка и съ нимъ двадцать человѣкъ другихъ шляхтичей. Въ 7199 (1691) и 7200 (1692) годахъ стольникъ Ѳедоръ Змѣевъ вымѣнялъ въ Полянкахъ помѣстья нѣсколькихъ шляхтичей изъ числа указанныхъ двадцати.

24 Іюля 7200 (1692) года Ѳедоръ Змѣевъ билъ челомъ государямъ, что ему въ его помѣстный окладъ — изъ тысячи четвертей — много не додано и въ 7201 году Аѳанасій Бутлеровъ отмежевалъ ему окончательно помѣстья цѣлаго ряда шляхтичей [2]). Кромѣ этого ему были даны луга, которые онъ просилъ и еще 50 четвертей въ полѣ. При этомъ же случаѣ Ѳедоръ Ивановичъ Змѣевъ вымѣнялъ отъ Семена Самотыева помѣстье, бывшее въ Полянкахъ за шляхтичемъ Иваномъ Глушанинымъ. Въ 7203 (1695) году по челобитью стольника Ѳедора Ивановича Змѣева дана была ему выпись изъ переписныхъ книгъ на село Полянки. Въ 7208 (1699—1700) году Иванъ Герасимовичъ и сынъ его Ѳедоръ Ивановичъ Змѣевы получили выписи на рыбныя ловли по рѣкамъ Уткѣ и Майнѣ (а немного раньше Иванъ Герасимовичъ получилъ въ помѣстье дачу помѣстную шляхтича Юрья Савицкаго у села Полянокъ).

Княгиня Прасковья Петровна Борятинская, вдова князя Степана Борятинскаго, вступила во второй разъ въ бракъ за стольника Ѳедора Ивановича Змѣева. Переживъ и второго мужа, она получила въ наслѣдство въ 1738 году село Полянки-Никольское, Березовую гриву на Уткѣ рѣкѣ, да дачи въ Луховскомъ уѣздѣ въ селѣ Молитвенномъ, да въ деревнѣ Волынкинѣ.

Продавая село Полянки — въ 1754 году — своей внукѣ Марьѣ Яковлевнѣ Лихачевой, Прасковья Петровна, между прочимъ, поставила условіемъ построеніе каменной церкви, для которой начала было готовить кирпичъ. Логинъ Ивановичъ свято ис-

---

[1]) Помѣстье Петра Костенецкаго перешло къ Егору Ѳедоровичу Брехову и отъ внука этого послѣдняго — Ивана Михайловича Матюнина было куплено въ 1774 году Александромъ Логиновичемъ Лихачевымъ.

[2]) Михаила Бузыцкаго, Василія Яковлевича Болдыша, Ивана Ивановича Романовскаго, Ивана Шапчинскаго, Казиміра Венкѣева, Станислава Голубицкаго, Ѳедора Ломыша, Юрья и Григорія Шапчинскихъ и Ивана Медвѣдскаго.

полнилъ условіе и выстроенная имъ, рядомъ съ усадьбой, церковь существуетъ до сихъ поръ.

Полянская помѣщичья усадьба, расположенная по серединѣ села, на второй, не заливаемой террасѣ у Волги, съ весьма живописнымъ видомъ на эту рѣку, въ разливъ подходящую по заливнымъ луѣамъ къ самому саду, основана была не Лихачевыми. Мѣсто для нея выбрали вѣроятно первые насельники, но обстроилась она постепенно при Лихачевыхъ. Едва ли не ко временамъ Логина Ивановича относится существующая понынѣ каменная кладовая, сложенная изъ остатковъ кирпича послѣ построенія церкви. Помѣщичій домъ былъ деревянный, Змѣевскій, и погибъ отъ огня, новый былъ выстроенъ послѣ Пугачевцевъ и простоялъ почти сто лѣтъ.

Два сына Логина Ивановича остались круглыми сиротами въ 1761 году. Если вѣрить паспорту, выданному изъ Конторы Герольдмейстерскихъ Дѣлъ 9 Марта 1761 года — недорослю Александру Логиновичу Лихачеву было въ это время всего семь лѣтъ. Въ послужномъ спискѣ, хранящемся въ архивѣ Казанскаго Университета, въ дѣлѣ 1803 года, Александру Логиновичу показанъ 51 годъ, а въ графѣ семейнаго положенія сказано: „женатъ, имѣетъ сына Семена 29 лѣтъ, въ отставкѣ поручикомъ, и дочь дѣвицу Марію 30 лѣтъ. У Семена дѣти Ѳедоръ 6 лѣтъ и дочь Екатерина 4-хъ лѣтъ".

Оба показанія сходятся.

Опекуномъ малолѣтнихъ сиротъ Николая и Александра Логиновичей съ 1762 года и по смерть свою 9-го Февраля 1770 года былъ статскій совѣтникъ Иванъ Васильевичъ Лихачевъ. Онъ былъ однородецъ опекаемымъ, но довольно отдаленнаго родства [1]), ближе было родство его по женѣ Елизаветѣ Петровнѣ, рожденной Соковниной [2]).

[1]) Иванъ Васильевичъ Лихачевъ былъ внукъ стольника Лазаря Любима Аѳанасьевича Лихачева, родоначальника Ярославской вѣтви Лихачевыхъ. Иванъ Васильевичъ прадѣдъ и прапрадѣдъ нынѣ здравствующихъ: Владиміра Ивановича и его племянниковъ Льва и Якова Яковлевичей Лихачевыхъ.

[2]) Елизавета Петровна Соковнина въ замужествѣ Лихачева, была дочь Дарьи Алексѣевны Новосильцевой (р. 1709), супруги Петра Алексѣевича Соковнина. Дарья Алексѣевна, родная тетка Марьи Яковлевны Лихачевой. Жена Ивана Васильевича Лихачева такимъ образомъ была двоюродная тетка Николаю и Александру Логиновичамъ Лихачевымъ. Однородство Лихачевыхъ было подчеркнуто окольничимъ Михаиломъ Тимоѳеевичемъ Лихачевымъ въ его завѣщаніи, написанномъ 10 Октября 1706 года. Онъ завѣщалъ свои Бѣлозерскія вотчины родичамъ своимъ: „Дороѳею да Любиму Аѳанасьевымъ дѣтямъ, Ивану да Никитѣ Ивановымъ дѣтямъ, Ивану Иванову сыну, Ивану Евсигнѣеву сыну, Логину Васильеву сыну и Степану Самсонову сыну Лихачевымъ" (Отказныя книги Бѣлозерскаго уѣзда 1707 года, въ Архивѣ Министерства Юстиціи въ Москвѣ). Наслѣдниками Михаила Тимоѳеевича одинаково явились и дѣдъ Ивана Васильевича — Любимъ Аѳанасьевичъ, и дѣдъ опекаемыхъ Иванъ Евсигнѣевичъ.

Александръ Логиновичъ былъ записанъ въ Лейбъ-Гвардіи Семеновскій полкъ рядовымъ въ 1761 году, каптенармусомъ сдѣланъ въ 1771, а 1 Января 1773 года уже уволился подпорутчикомъ въ отставку.

Сохранился паспортъ, выданный 27 Марта 1770 года „лейбъ гвардіи Семеновскаго полка ѳурьеру Александру Логиновичу Лихачеву“ на полугодичное проживаніе въ селѣ Полянкахъ для устройства своихъ дѣлъ.

Александръ Логиновичъ ѣздилъ дѣлиться съ братомъ Николаемъ, а по возвращеніи изъ деревни женился на Елизаветѣ Семеновнѣ Кисловской (р. 7 Декабря 1756 года). Новобрачному было не болѣе 18 лѣтъ, новобрачной четырнадцать лѣтъ безъ одного мѣсяца!!!

По выходѣ въ отставку Александра Логиновича, юные супруги поселились въ Полянкахъ въ 1773 году, какъ разъ въ началѣ надвигавшейся смуты. Она разразилась въ 1774 году. Шайка Пугачевцевъ напала на Полянки. Крестьяне и дворовые спасли помѣщика и его семью. По преданію Александръ Логиновичъ былъ въ отсутствіи — уѣхалъ въ Казань, шайка появилась неожиданно. Юная помѣщица съ годовалой дочерью дворовыми людьми были переодѣты въ крестьянское платье и перевезены черезъ Волгу къ тому мѣсту, гдѣ около Тетюшъ находится такъ называемый „Богородицынъ рынокъ“. Тамъ въ кустахъ около Святого ключа Елизавета Семеновна разрѣшилась отъ бремени сыномъ Семеномъ.

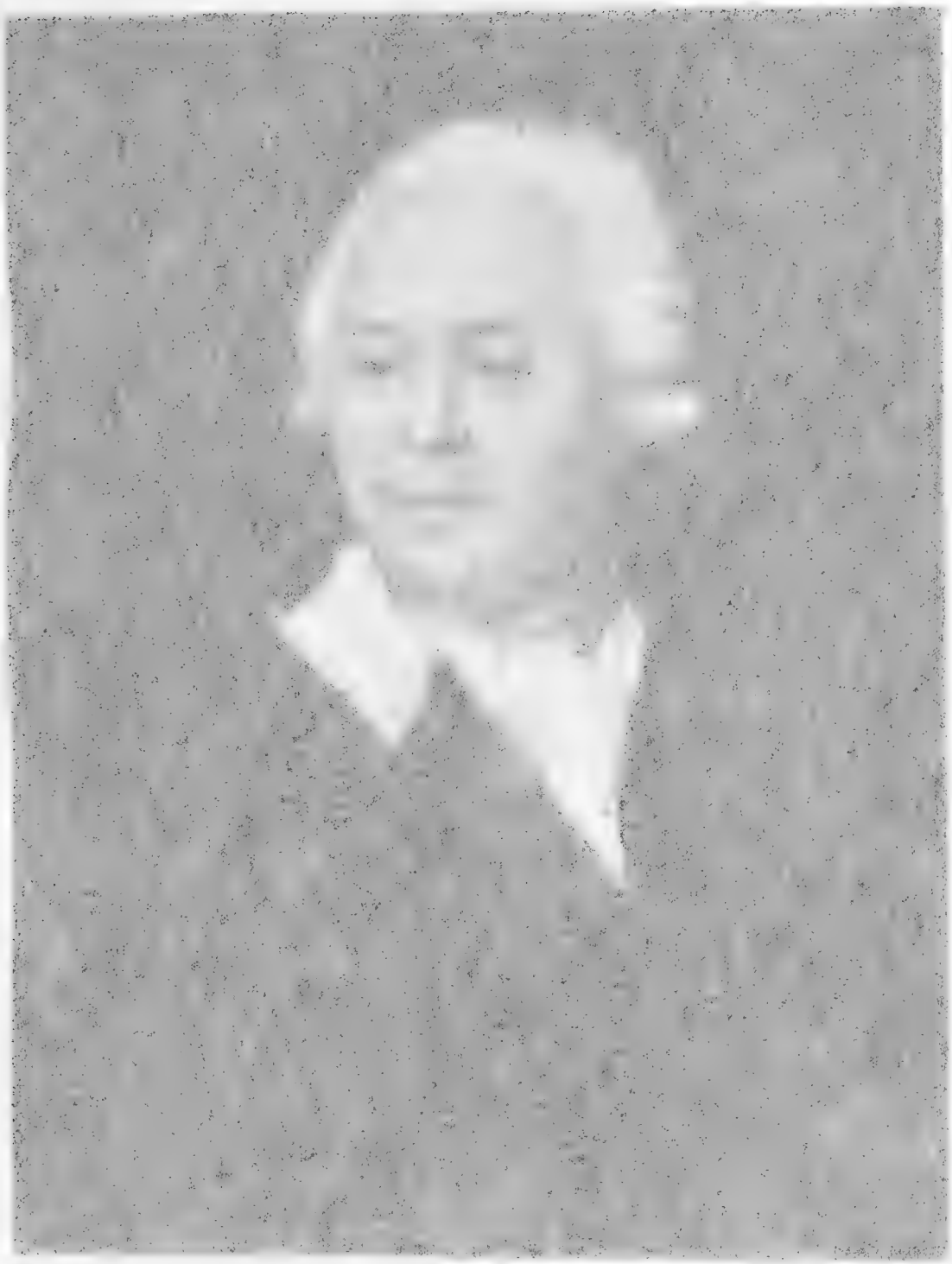
Построивъ новый домъ на мѣстѣ стараго, Александръ Логиновичъ надолго поселился въ деревнѣ и посреди сельскихъ досуговъ занялся собираніемъ и чтеніемъ книгъ.

Поволжье этого времени представляется намъ глубокою глушью, но оно выставило не мало дѣятелей и книголюбцевъ.

М. Де-Пуле, изучивъ по частному случаю (біографія Второва) общество Поволжья въ концѣ XVIII и началѣ XIX столѣтій, вспоминаетъ о многочисленныхъ русскихъ дѣятеляхъ, выставленныхъ Поволжьемъ и категорически утверждаетъ — „мы не можемъ отказать Поволжской Руси, едва уцѣлѣвшей отъ Пугачевскаго разгрома, въ значительномъ умственномъ движеніи, конечно, въ тѣхъ видахъ и формахъ, какіе тогда были намъ доступны“ [1]).

---

[1]) „Русскій Вѣстникъ“, 1875 г., т. CXVI, стр. 515.



Александръ Логиновичъ былъ записанъ [illegible] ([illegible]) [illegible] въ 17[illegible] [illegible] въ 1771, а 1 Января 177[illegible] [illegible] р[illegible]никомъ въ отставку.

[illegible] 1779 [illegible] [illegible] Логиновичу [illegible] въ [illegible] устройства своихъ дѣлъ.

[illegible] (р. 7 Декабря 17[illegible] года). Новобрач[illegible] не [illegible] лѣтъ, новобрачной четырнадцать лѣтъ безъ одного мѣсяца!!!

[illegible] Александръ Логиновичъ [illegible] въ [illegible] въ началѣ надвигавшейся смуты. Она разразилась въ 1774 году. [illegible] спасли помѣщика и его семью. По преданію Александръ Логиновичъ былъ въ отсутствіи — уѣхалъ въ Казань, шайка появилась неожиданно. Юная помѣщица съ годовалой дочерью дворовыми людьми были переодѣты въ крестьянское платье и пе[illegible] Елизавета Семеновна разрѣшилась отъ бремени сыномъ Семеномъ.

Построивъ новый домъ на мѣстѣ стараго, Александръ Логиновичъ [illegible] поселился въ деревнѣ и [illegible] досуговъ занялся собираніемъ и чтеніемъ книгъ.

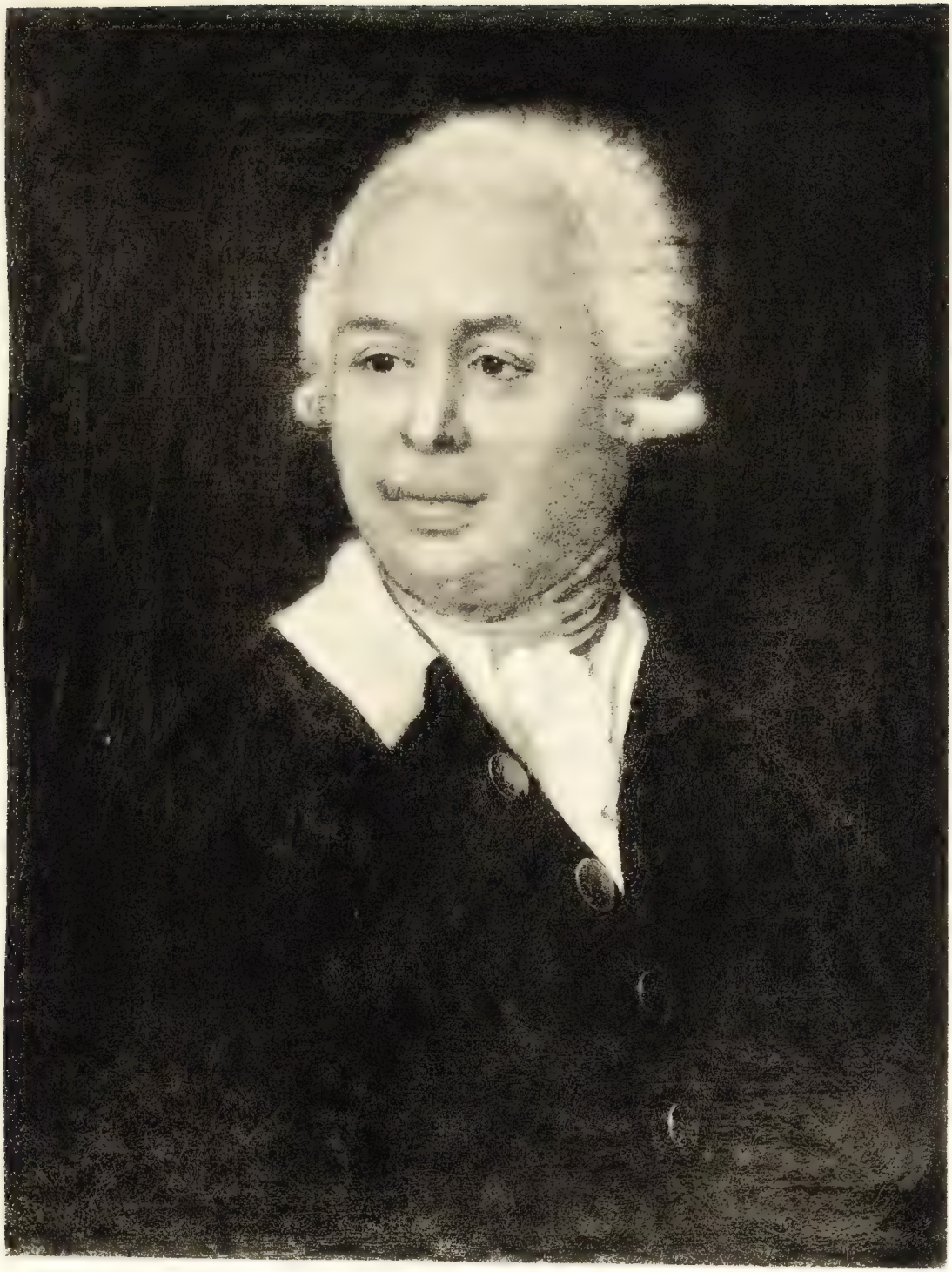
[illegible] этого времени [illegible] [illegible] любителей и книголюбовъ.

[illegible] (біографія [illegible]) [illegible] въ концѣ XVIII и началѣ XIX [illegible] [illegible] категорически [illegible] Поволжской Руси, [illegible] отъ пугачевскаго разгрома, въ значительной [illegible] женій, конечно, въ тѣхъ видахъ и формахъ [illegible] намъ доступны“ [1]).

[illegible] къ книгамъ С. [illegible] Аксакова и И. И. [illegible] послѣдніе разсказываютъ:

---

[1]) „Русскій Вѣстникъ“, 1875 г., т. CXVI, стр. 515.



Александръ Логиновичъ
ЛИХАЧЕВЪ
(1752—1814).

„Посѣщеніе книжныхъ лавокъ было любимою моей прогулкою; большая часть ихъ закрывала собою отъ Воскресенскихъ воротъ древнюю церковь Василія Блаженнаго“ [1]).

Отношеніе къ книгамъ иногда выливалось въ глубокую любовь и не только у какого нибудь будущаго поэта, литератора и министра И. И. Дмитріева, или прирожденнаго барчука Аксакова, но и у нищаго канцеляриста, напримѣръ, И. А. Второва („... вся моя веселость въ книгахъ и больше ничего мнѣ не надобно“). Извлеченія изъ Второвскаго дневника, сообщенныя Де-Пуле („Русскій Вѣстникъ“ за 1875 годъ), въ этомъ отношеніи иногда чрезвычайно любопытны.

Такимъ образомъ нельзя сказать, чтобы Александръ Логиновичъ былъ явленіемъ вполнѣ исключительнымъ, но во всякомъ случаѣ онъ не былъ просто любителемъ. Въ немъ жила страсть коллекціонерства (надо сказать, что онъ, между прочимъ, собиралъ и монеты).

Отъ библіотеки его осталась лишь часть, тѣмъ болѣе разрозненная, что послѣдніе годы жизни Александръ Логиновичъ не жилъ въ Полянкахъ и книжное собраніе хранилось въ нѣсколькихъ мѣстахъ.

Но и теперь, разбираясь въ сотняхъ книгъ съ его надписями, мы можемъ подмѣтить разнообразіе интересовъ собирателя.

Книги церковно-славянской печати, книги по богословію, законамъ и „юриспруденціи“, путешествіямъ, географіи и исторіи (русской и всеобщей) встрѣчаются одинаково съ книгами по сельскому хозяйству, медицинѣ. Надъ всѣмъ этимъ доминируетъ, конечно, обиліе романовъ, повѣстей, трагедій, комедій и оперъ, рѣчей и словъ, но нельзя не отмѣтить подбора Новиковскихъ мистическихъ книгъ.

Александръ Логиновичъ былъ масонъ и основаніе Казанской ложи надо приписывать или ему, или Ивану Ивановичу Панаеву [2]).

Извѣстно, что еще въ 1776 году въ Казани существовала масонская ложа „Восходящаго солнца“ (системы Елагина) [3]), но подробностей никакихъ неизвѣстно. Т. О. Соколовской былъ сообщенъ оттискъ печати этой ложи. По словамъ сообщившаго, оригиналъ печати находился въ рукахъ „студента Лихачева“. Думается, что печать находится у наслѣдниковъ

[1]) „Взглядъ на мою жизнь“ (М. 1866. 8⁰), стр. 24.

[2]) Въ Полянкахъ, по разсказамъ старожиловъ, долго сохранялись масонскія одѣянія, множество знаковъ и даже какія то декораціи, нарисованныя крѣпостными малярами. Почти все это было уничтожено вдовою внука Александра Логиновича.

[3]) См. между прочимъ „Русскій Вѣстникъ“, 1875, т. CXVI, стр. 582.

А. Ѳ. Лихачева, и этотъ фактъ позволяетъ предполагать, что Александръ Логиновичъ Лихачевъ, если и не былъ основателемъ ложи, то во всякомъ случаѣ игралъ въ ней видную роль.

Въ остаткахъ его библіотеки не мало масонскихъ книжекъ и на иностранныхъ языкахъ [1]).

Александръ Логиновичъ выписывалъ и журналы. Н. Н. Буличъ подчеркнулъ фактъ, что этотъ Лихачевъ былъ единственнымъ подписчикомъ на „Московскій журналъ“ Н. М. Карамзина въ 1791 году (экземпляръ журнала въ библіотекѣ не сохранился). И раньше этого, и позднѣе Александръ Логиновичъ слѣдилъ за литературой и въ своихъ вкусахъ не былъ одностороннимъ. Повидимому, онъ пріобрѣталъ новости до послѣднихъ лѣтъ жизни [2]).

Имѣя большую библіотеку, Александръ Логиновичъ пытался каталогизировать ее и при томъ даже по отдѣламъ. На книжкахъ ставились №№, потомъ перечеркивались, писались другіе. По распространенному обычаю, Александръ Логиновичъ писалъ въ видѣ ex-libris — имя и фамилію. Дѣлалъ онъ это всегда самъ, что надо отмѣтить, потому что въ тѣ времена, случалось, приказывали дѣлать надписи своимъ служащимъ.

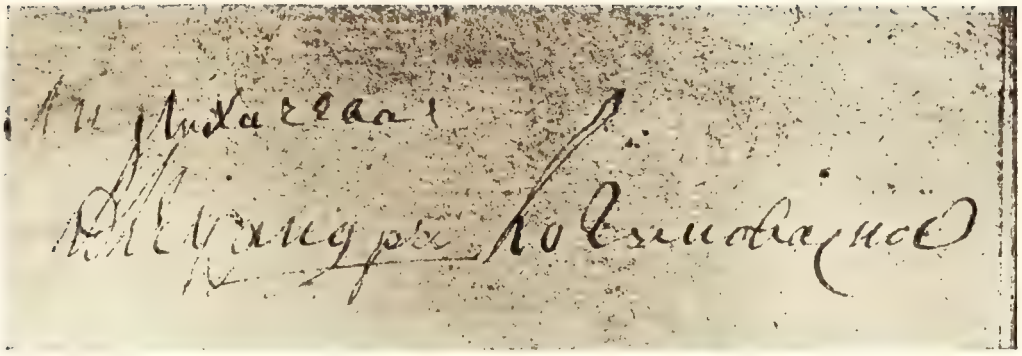
Иногда, но рѣдко, Александръ Логиновичъ писалъ подробнѣе — „изъ книгъ Александра Лихачева“ (и даже показывалъ стоимость книги).

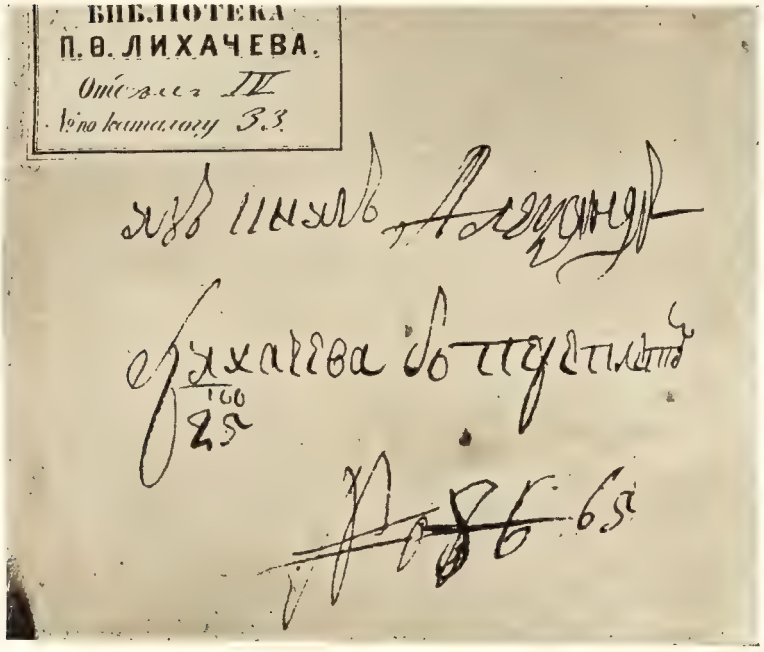
Такая надпись сдѣлана, напримѣръ на брошюрѣ „Грецiя, изъ енциклопедіи“ („статья г. кавалера де Жокурта“) [3]).

[1]) Отмѣтимъ, напримѣръ, „L'adoption ou la maçonnerie des femmes, en trois grades“ („A la Fidelité. Chez le Silence. 100070075“. 8⁰), купленную Александромъ Логиновичемъ за 50 коп. и „Les jésuites chassés de la maçonnerie et leur poignard brisé par les maçons“ въ двухъ частяхъ. („Orient de Londres. 1788“. 8⁰). Первая часть озаглавлена: „La maçonnerie écossoise comparée avec les trois professions et le secret des Templiers du XIV siècle“, вторая часть имѣетъ заглавіе: „Mêmeté des quatre voeux de la compagnie de S. Ignace et des quatre grades de la maçonnerie de S. Jean“.

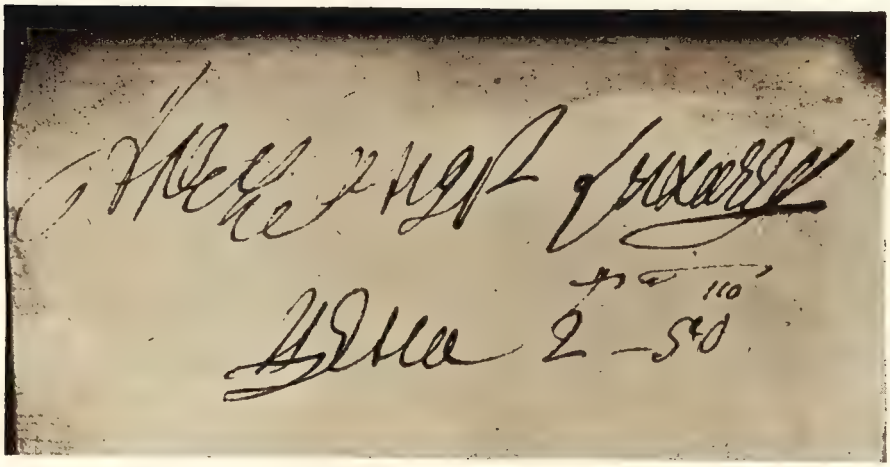
[2]) Сергѣй Тимоѳеевичъ Аксаковъ въ своихъ воспоминаніяхъ относится довольно недружелюбно къ Александру Логиновичу Лихачеву, что объясняется отчасти тѣмъ, что авторъ былъ товарищемъ гимназистовъ, которымъ грозило увольненіе. Въ первомъ упоминаніи уже слышится предвзятое нерасположеніе: „...что ходятъ по городу слухи, будто директоромъ будетъ богатый тамошній помѣщикъ Лихачевъ, и что теперь самое удобное время помѣстить меня въ гимназію своекоштнымъ ученикомъ, потому что Яковкинъ да и весь совѣтъ на это согласенъ, и что, можетъ быть, будущій директоръ посмотритъ на это дѣло иначе и заупрямится“ („Собраніе сочиненій“, изд. 1909 года, стр. 537). И относительно невзрачной наружности новаго директора Сергѣй Тимоѳеевичъ усилилъ краски: „предварительно надобно сказать, что директоръ гимназіи Лихачевъ былъ очень плохимъ директоромъ и сверхъ того имѣлъ карикатурную наружность, не внушавшую расположенія; между прочимъ, нижняя его губа была такъ велика, какъ будто ее разнесло отъ укушенія благой мухи или осы“ (ibidem, стр. 568). На двухъ существующихъ портретахъ Александра Логиновича — въ молодости и лѣтъ пятидесяти, дѣйствительно, толстыя губы кидаются въ глаза.

[3]) Напечатано in 8⁰ безъ указанія мѣста и времени печати (кат. П. Ѳ. Лихачева, отд. IV, № 33), но въ 1770 — 71 годахъ. См. Сопиковъ. № 11377.





Рукописные ex-libris Александра Лоциновича Лихачева.



Рукописный ex-libris Александра Лоциновича Лихачева (на книгѣ: Θ. Полунинъ: „Географическій лексиконъ Россійскаго государства". Москва. 1771. 8°).

Иногда Александръ Логиновичъ, надписывая о принадлежности ему книги, помѣчалъ и ея стоимость. Напримѣръ: „Александръ Лихачевъ. Цѣна 2 руб. 50 коп.“ [1]).

Въ рѣдкихъ случаяхъ и при томъ въ самое раннее время Александръ Логиновичъ надписывалъ на книгахъ свое имя и отчество. Такъ на рукописи: „Гисторическое описаніе россійскихъ медалей“, сочиненія Бергъ-Коллегіи Президента и монетной канцеляріи главнаго судіи Ивана Шлатера [2]), ex-libris гласитъ: „Лихачева Александра Логинова сына“.

Не довольствуясь рукописными записями, А. Л. Лихачевъ пользовался и наборомъ типографскихъ буквъ:

„ИЗЪ КНИГЪ
АЛЕКСАНДРЪ
ЛИХАЧЕВА“

и всегда безъ склоненія въ падежѣ — (Александра). Этотъ типъ ex-libris былъ распространеннымъ въ XVIII столѣтіи и на него стоитъ обратить вниманіе. Примѣровъ подобрать можно не мало.

ЙЗЪ КНИГЪ ЙЗЪ КНИГЪ

АЛЕКСАНДРЪ АЛЕКСАНДРЪ

ЛИХАЧЕВА ЛИХАЧЕВА

Книжный знакъ Александра Логиновича Лихачева (наборный штемпель изъ типографскихъ буквъ).

Книжные знаки, набранные самими любителями изъ купленнаго ими небольшого запаса типографскаго шрифта, были, можно сказать, излюбленными въ XVIII столѣтіи. Н. М. Петровскій, перечитывая старые каталоги, подмѣтилъ, что даже въ провинціи предлагали покупать шрифтъ для домашняго употребленія. Иногда такой ex-libris почти не отличается отъ шрифта книги. Изъ цѣлаго ряда подобныхъ книжныхъ знаковъ (имѣющихся въ распоряженіи автора) приведемъ здѣсь

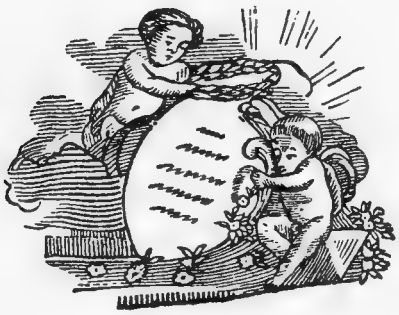
[1]) На книгѣ Ѳ. Полунина: „Географическій лексиконъ Россійскаго государства или словарь, описующій по азбучному порядку рѣки, озера, моря, горы, города, крѣпости, знатные монастыри, остроги, ясашныя зимовія, рудные заводы и прочія достопамятныя мѣста обширной Россійской Имперіи“ (М. 1771. 8⁰, иждивеніемъ Христіана Лудвига Вевера). По каталогу П. Ѳ. Лихачева, отд. V, № 21.

[2]) По кат. П. Ѳ. Лихачева, отд. IV, № 201.

[3]) На сочиненіи о. Василія Петрова: „Рука Богословія или наука изъясненія о Пасхаліи“ (М. 1787. 4⁰) и второй снимокъ на книгѣ: „Х. Ф. Геллерта нравоученіе“ (переводъ М. Протопопова). М. 1775 — 1777. 8⁰ (2 части).

ОПЫТЪ
О
РАСПОЛОЖЕНІИ САДОВЪ.

Переведено съ аглинскаго языка.

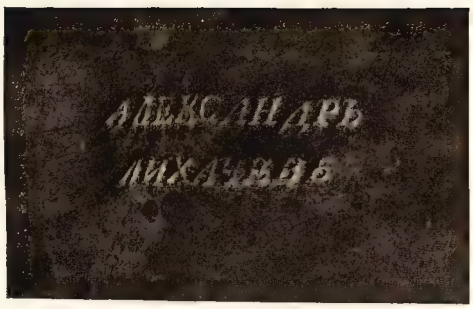


ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ,
Печатано при артиллерійскомъ и инженерномъ шляхетномъ Кадетскомъ Корпусѣ типографщикомъ И. К. Шномъ.

Принадлѣжитъ Аннѣ и Дмитрію Яньковымъ.

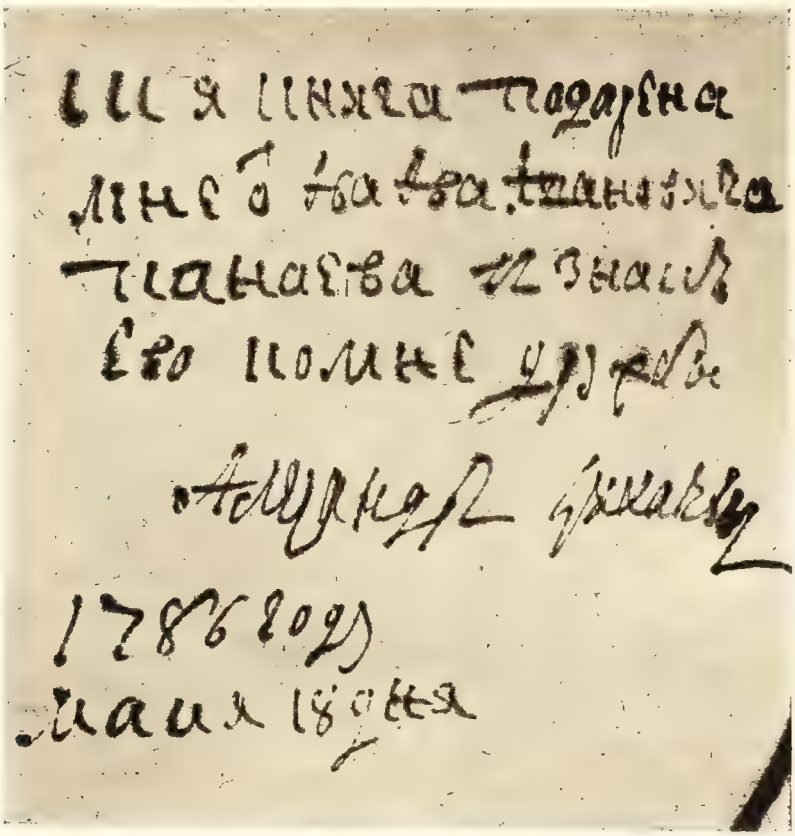
Печатный ex-libris библіотеки Дмитрія Александровича Янькова [1]).

[1]) Этотъ ex-libris долженъ относиться ко времени до женитьбы Дмитрія Александровича на Елизаветѣ Петровнѣ Римской-Корсаковой въ 1793 году. Экземпляръ „Опыта о расположеніи садовъ“ находится въ библіотекѣ Н. П. Лихачева.



Книжный знакъ Александра Логиновича Лихачева (super ex-libris) на кожаномъ переплетѣ [1].

Книжный знакъ (super ex-libris) Александра Логиновича Лихачева, оттиснутый на кожаномъ переплетѣ книги [2].



Надпись, сдѣланная Александромъ Логиновичемъ Лихачевымъ на книжкѣ „Картина Цебесова" (М. 1786. 8°).

---

[1]) Снятъ съ переплета книги Ѳ. Полунина: „Географическій лексиконъ Россійскаго государства" (М. 1771. 8°).

[2]) Снимокъ съ переплета книги „Х. Ф. Геллерта нравоученіе" (переводъ М. Протопопова). М. 1775 — 1777. 8° (2 части).

одинъ — Анны Александровны и Дмитрія Александровича Яньковыхъ [1]), потому что семья Яньковыхъ принадлежала все къ тому же обширному кругу родственниковъ и свойственниковъ. Анна Александровна и Дмитрій Александровичъ Яньковы по родословной таблицѣ придутся Александру Логиновичу Лихачеву троюродными сестрой и братомъ [2]).

„Женившись на Татищевой, Яньковъ (Александръ Даниловичъ) попалъ въ очень знатное родство: родная тетка его тещи, Марья Яковлевна Новосильцева, была за именитымъ человѣкомъ Григоріемъ Строгановымъ, слѣдовательно всѣ Строгановы — Григорьевичи: Николай, Александръ, Сергѣй, сколько ихъ тамъ было, приходились Аннѣ Ивановнѣ двоюродными дядями, а другая Новосильцева Марья Іонишна, двоюродная ея тетка, была за адмираломъ Александромъ Ивановичемъ Головинымъ; тоже въ свое время люди со значеніемъ“ [3]).

Обычный super ex-libris Александра Логиновича состоялъ изъ штемпеля: „Александръ Лихачевъ“, того же набора шрифта, что ex-libris на переплетныхъ листахъ.

А. Л. Лихачевъ былъ любитель печатей, сочинилъ ихъ нѣсколько и изъ монограммъ, и гербовыхъ (даже съ самостоятельными и произвольными измѣненіями фамильнаго герба). Изъ монограмматическаго штемпеля Александръ Логиновичъ устроилъ и другой super ex-libris, оттискивавшійся на кожаныхъ переплетахъ. Это былъ небольшой овалъ — въ вѣнкѣ изъ листвы монограмма изъ французскихъ буквъ рукописнаго характера A. и L.

Такой штемпель положенъ, напримѣръ, на книгѣ „Х. Ф. Гел-

[1]) См. Д. Благово: „Разсказы бабушки“ (Спб. 1885. 8⁰), стр. 59 — 65.

[2]) Ibidem, стр. 383: „Яньковы съ Лихачевыми, будучи въ родствѣ, были и въ дружбѣ“. Эта фраза относится къ потомству того Ивана Васильевича Лихачева, который былъ опекуномъ Александра Логиновича Лихачева.

[3]) Д. Благово: „Разсказы бабушки“ (Спб. 1885. 8⁰), стр. 53. Такимъ образомъ Яньковы роднились и съ Лихачевыми:

Братъ Θедора Алексѣевича Татищева, прадѣда Дмитрія Александровича Янькова, былъ Никита Алексѣевичъ, отецъ историка Василія Никитича Татищева.

лерта нравоученіе съ нѣмецкаго на россійскій языкъ переведено Московской Академіи Еврейскаго и Греческаго языковъ учителемъ Михайломъ Протопоповымъ“ [1]).

Послѣ девяти лѣтъ пребыванія въ отставкѣ Александръ Логиновичъ соблазнился службой хотя и штатской, и по выбору отъ дворянства. Съ 1782 по 1785 онъ „находился по выбору отъ дворянъ въ бывшемъ Казанскомъ верхнемъ земскомъ судѣ засѣдателемъ, съ 1787 по 1803 былъ въ Казанскомъ Дворянскомъ собраніи Депутатомъ и участвовалъ въ составленіи родословныхъ книгъ, съ 1798 по 1804 былъ директоромъ главнаго народнаго училища. За безкорыстную службу („не получая жалованія“) А. Л. Лихачевъ достигъ, наконецъ, 9 Марта 1800 года чина надворнаго совѣтника. Если такой чинъ и не могъ особенно удовлетворять честолюбіе, то самая служба несомнѣнно наполняла жизнь и сталкивала со множествомъ людей.

Эти знакомства ярко отражаются даже на остаткахъ библіотеки, въ которыхъ имѣется цѣлый рядъ книгъ, подаренныхъ и пріобрѣтенныхъ.

Прежде всего надо отмѣтить книги отъ Ивана Ивановича Панаева, любопытная личность котораго хорошо обрисована сыномъ его поэтомъ — Владиміромъ Ивановичемъ Панаевымъ. О Панаевыхъ намъ придется еще говорить, потому что внукъ Александра Логиновича — Ѳедоръ Семеновичъ женился на дочери И. И. Панаева.

Среди окружающихъ Иванъ Ивановичъ Панаевъ пользовался, повидимому, большимъ уваженіемъ и отношенія его къ Александру Логиновичу не составляли исключенія. Въ 1786 году Иванъ Ивановичъ Панаевъ подарилъ ему книгу „Картина Цебесова“ [2]). Александръ Логиновичъ сдѣлалъ на ней надпись: „Сия книга подарена мне отъ Ивана Ивановича Панаева въ знакъ ево ко мне дружбы. Александръ Лихачевъ. 1786 году Маия 18 дня“.

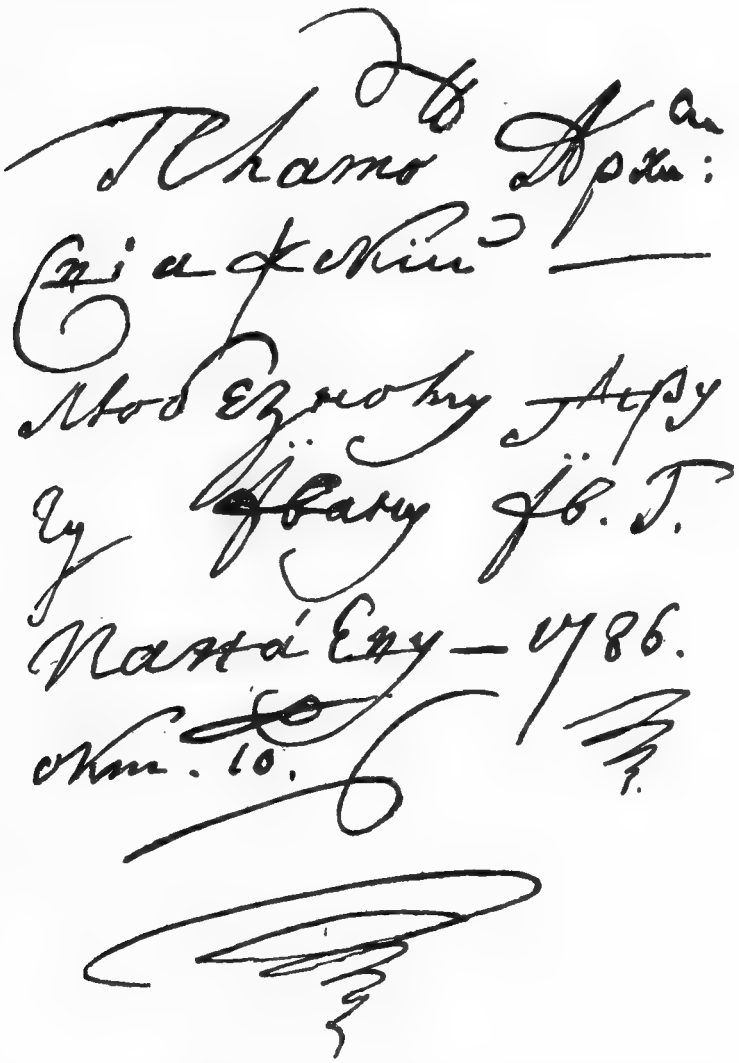
Конечно, не цѣнность маленькой книжки играла тутъ роль, а личность дарителя и значеніе, придаваемое его дружбѣ.

Изъ книгъ Ивана Ивановича Панаева въ библіотеку Александра Логиновича попала и небольшая книжка: „Антона Попова, забавные сатирическіе и нравоучительные надписи, или

[1]) Въ двухъ частяхъ, „Печатано при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ“ въ 1775 — 1777 годахъ, 8⁰. Сопиковъ, № 6889. По каталогу П. Ѳ. Лихачева, отд. VIII, 21.

[2]) „Картина Цебесова. Переводъ съ древней Греческой рукописи на Нѣмецкой, а съ онаго на Россійской языкъ“ (Иждивеніемъ Типографической Компаніи. Москва. Въ Типографіи Компаніи Типографической, съ указнаго дозволенія. 1786. 8⁰). Съ приложеніемъ гравюры. По каталогу П. Ѳ. Лихачева, отд. VI, № 368.

епиграммы. Для пользы и увеселенія Общества изданные. Вторымъ тисненіемъ. Печатаны въ Санктпетербургѣ въ Типографіи М. Овчинникова: 1786 года“ [1]).



Надпись Платона, архимандрита Свіяжскаго, на книгѣ, подаренной Ивану Ивановичу Панаеву.

Брошюра подарена была Панаеву архимандритомъ Свіяжскимъ Платономъ съ собственноручной надписью:

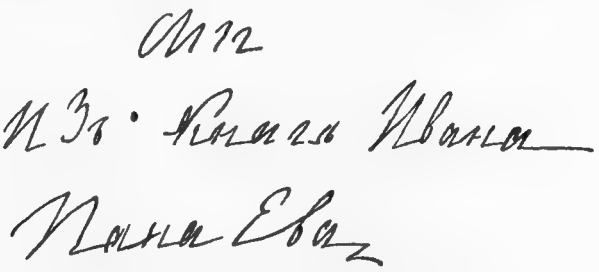
„Плато^{н} Архи^{м} Свіажскїй
любезному другу Ївану Їв. Г.
Панаеву — 1786 окт. 10.$^{д(ня)}$“

[1]) Изданіе in 12^{0} на 51 нумер. стр., стр. 52, ненумерованная, содержитъ списокъ продажныхъ книгъ. Антонъ Поповъ былъ „Вятской Семинаріи Префектъ“. Книжку эту, въ описанномъ нами изданіи, см. Сопиковъ, № 1990 (Смирдинъ, № 8080).

Изъ числа книгъ Ивана Ивановича Панаева у Александра Логиновича были и другія книги. Такъ на сочиненіи Павла Львова „Россійская Памела или исторія Марій (sic) добродѣтельной Поселянки“ [1]) имѣется надпись „изъ книгъ Ивана Панаева“, а на заглавномъ листѣ надписано:

„отъ Автора Его Высокоблагородію
Ивану Ивановичу Панаеву“.

На этой книжкѣ Иванъ Ивановичъ надписалъ и свой рукописный ex-libris.



Рукописный ex-libris Ивана Ивановича Панаева [2]).

Другая любопытная личность, книги которой встрѣчаются въ библіотекѣ Александра Логиновича—это Иванъ Петровичъ Осокинъ. Генеалогія Осокиныхъ изложена подробно Н. Я. Агафоновымъ[3]). Родъ былъ купеческій, породнившійся съ Казанскими фабрикантами Михляевыми и Дрябловыми, богатство которыхъ было унаслѣдовано Иваномъ Петровичемъ Осокинымъ. Иванъ Петровичъ, оставаясь „директоромъ фабрики“, дослужился однако до подполковника и коллежскаго совѣтника и былъ первымъ дворяниномъ въ роду, который въ лицѣ его внуковъ пользовался въ Казани вообще и среди дворянства въ особенности большимъ значеніемъ и уваженіемъ.

Весьма естественно, что Иванъ Петровичъ, наблюдая издали за дѣлами, по долгу жилъ въ столицахъ. И этотъ поволжанинъ несомнѣнно питалъ пристрастіе къ литературѣ и имѣлъ библіотеку.

Любопытныя свѣдѣнія объ Иванѣ Петровичѣ Осокинѣ даетъ И. И. Дмитріевъ: „Въ другой разъ, около того же времени, я иду съ нимъ“ (Г. Р. Державинымъ) „по Невской

[1]) Издана въ 2 частяхъ „Во градѣ С. Петра, печатано въ Императорской Типографіи 1789 года (Спб. 1789. 8⁰). См. Сопиковъ, № 8045. По каталогу П. Ѳ. Лихачева, отд. VI, № 495.

[2]) Иванъ Ивановичъ Панаевъ р. 23 сент. 1753—ум. 26 окт. 1796 года. Снимокъ сдѣланъ съ автографа на книгѣ Павла Львова: „Россійская Памела“ (Спб. 1789. 8⁰. 2 части).

[3]) „Изъ Казанской Исторіи“ (Казань. 1900. 8⁰). Отмѣтимъ, что самъ Иванъ Петровичъ былъ сочинитель по своей спеціальности, см. Сопиковъ, № 9015.

набережной. Чей это великолѣпный домъ? спрашиваетъ меня, проходя мимо дома Принцессы Барятинской-Гольстейнъ-Бекъ. Я сказываю. Да она въ Италіи, кто же теперь занимаетъ его? — Иванъ Петровичъ Осокинъ.—Осокинъ! подхватилъ онъ, зайдемъ, зайдемъ къ нему!.. и съ этимъ словомъ, не ожидая моего согласія, поворотилъ на дворъ, и уже всходитъ на лѣстницу. Мнѣ легко было за нимъ слѣдовать потому, что я давно былъ знакомъ съ Осокинымъ. Хозяинъ изумился, оторопѣлъ, увидя у себя новаго вельможу, съ которымъ уже нѣсколько лѣтъ нигдѣ не встрѣчался. Державинъ бросается цѣловать его, напоминаетъ ему объ ихъ молодости, объ старинномъ знакомствѣ. Хозяинъ же съ почтительнымъ молчаніемъ или съ короткими отвѣтами кланяется и подноситъ намъ кубки шампанскаго. Черезъ полчаса мы съ нимъ разстались, и вотъ развязка внезапнаго нашего посѣщенія.

Отецъ Осокина, изъ купеческаго сословія, имѣлъ суконную фабрику въ Казани: сынъ его по какимъ то домашиимъ дѣламъ проживалъ въ Петербургѣ; по склонности своей къ чтенію книгъ на русскомъ языкѣ, онъ познакомился съ именитыми того времени словесниками: съ піитою и филологомъ Тредіаковскимъ, съ Киріакомъ Кондратовичемъ и ихъ учениками. Онъ заводилъ для нихъ пирушки, приглашая всякой разъ и земляка своего Державина, который тогда былъ Гвардіи Капраломъ. Кондратовичъ привозилъ иногда и дочь свою. Она восхищала хозяина и гостей игрою на гусляхъ и была душею бесѣды. Молодой Осокинъ (Иванъ Петровичъ) и самъ стихотворствовалъ. Я читалъ его пастушескую пѣсню, отысканную добрымъ Державинымъ въ своихъ бумагахъ.

Поэтъ, на обратномъ пути, разсказывая мнѣ объ этомъ старинномъ своемъ знакомствѣ, не позабылъ прибавить, что Осокинъ помогалъ ему въ нуждахъ, и нерѣдко ссужалъ его деньгами“ [„Взглядъ на мою жизнь“ (Москва. 1866. 8⁰), стр. 67—68].

Въ библіотекѣ Александра Логиновича, сохранилось нѣсколько книгъ, принадлежавшихъ Ивану Петровичу, что совсѣмъ понятно, такъ какъ давняя пріязнь была завершена родствомъ. Александръ Логиновичъ женилъ единственнаго сына своего Семена на дочери Ивана Петровича Прасковьѣ Ивановнѣ [1]). Бо-

[1]) Иванъ Петровичъ породнился еще съ Родіоновыми и Великопольскими, а черезъ внуковъ и внучатъ—съ кн. Баратаевыми, Мергасовыми, гр. Толстыми, Молоствовыми, Коковцевыми, Левашевыми, Бестужевыми и т. д.

гатый баринъ Иванъ Петровичъ въ противоположность Александру Логиновичу Лихачеву не любилъ надписывать самъ своихъ книгъ.

По крайней мѣрѣ, приводя два клише съ ex-libris И. П. Осокина, мы можемъ констатировать, что надписи сдѣланы разными почерками.

Въ библіотекѣ А. Л. Лихачева имѣется книга съ автографомъ: «Jules de Canitz» [1]), то есть извѣстнаго Казанскаго дѣятеля XVIII столѣтія Юлія Ивановича фонъ Каница [2]), бывшаго „директоромъ Казанскихъ Гимназій“ съ 1764 года.

Каницъ былъ не чуждъ литературы, работалъ по исторіи Казани и составилъ „Расположеніе древняго города Казани въ 1552 году“. Главнымъ же образомъ онъ устраивалъ и описывалъ различныя торжества и иллюминаціи. Такъ извѣстно его „Описаніе и изъясненіе картинъ и эмблемъ на тріумфальныхъ вратахъ, въ Казани построенныхъ, для всевысочайшаго прибытія Ея Императорскаго Величества Екатерины Вторыя, изобрѣтенія и сочиненія Юлія фонъ-Каница, надворнаго совѣтника и главнаго Казанскихъ Гимназій Командира“, напечатанное въ Москвѣ въ 1767 году (4°, 26 стр., Сопиковъ, № 7662).

Другая брошюра Каница любопытна по роскоши изданія. Это: „Слово въ публичномъ собраніи при Казанскихъ Гимназіяхъ по возстановленіи общаго покоя говоренное 1775 года (печатано при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ)“, съ гравированнымъ портретомъ преосвященнаго Веніамина, митрополита Казанскаго и Свіяжскаго [3]).

Нѣкоторыя творенія Каница остались въ рукописи. Такъ напримѣръ: „Описаніе иллюминаціи, которая въ Казани на все-

---

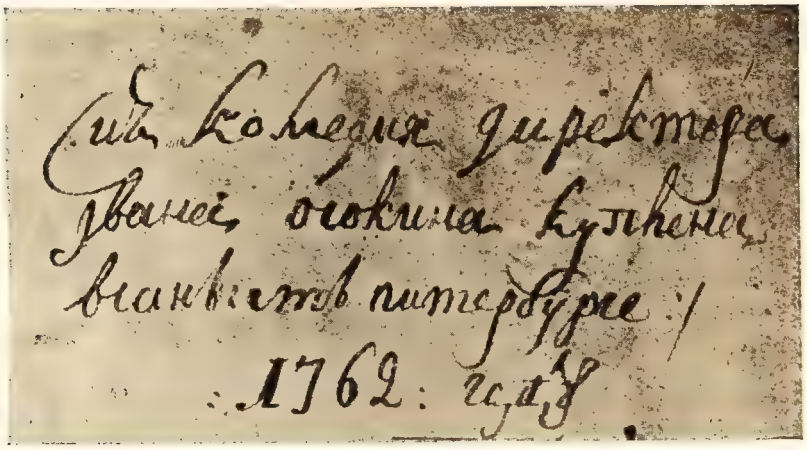
[1]) На книгѣ: J. Palairet: „Abrégé de la nouvelle introduction à la géographie moderne (Londres. 1761. 8°). Каталогъ П. Ѳ. Лихачева, отд. VII, 104. Книжка попала къ Александру Логиновичу Лихачеву очень рано; юный владѣлецъ сдѣлалъ на ней слѣдующую, на латинскомъ языкѣ надпись:

„Hic liber pertinet
ad me Alexandrum
1769
L.“

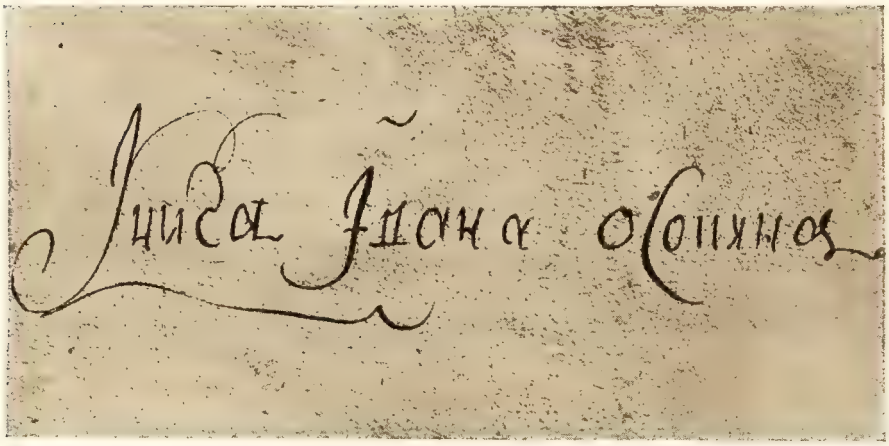
[2]) Краткая біографія (съ указаніемъ на первоисточники — труды Артемьева, Владимірова и др.). Ю. И. Каница въ „Русскомъ Біографическомъ Словарѣ“ (Спб. 1897. 8°) Каницъ умеръ въ 1781 году. Ю. И. Каницъ написалъ разборъ Россіады и напечаталъ въ Рижскомъ журналѣ. Переводъ напечатанъ въ „С.-Петербургскомъ Вѣстникѣ“ (Августъ 1779 года).

См. М. А. Дмитріевъ: „Мелочи изъ запаса моей памяти“ (Москва. 1854. 8°), стр. 17.

[3]) Роскошное изданіе въ десть бумаги большого формата. Текстъ окруженъ рамкою. Портретъ прилагался только къ нѣкоторымъ экземплярамъ. Экземпляръ

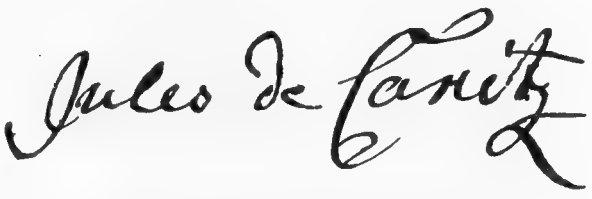


Рукописный книжный знакъ Ивана Петровича Осокина на книгѣ „Комедія изъ театра господина Мольера“ [1]).



Рукописный книжный знакъ Ивана Петровича Осокина на рукописи „Собраніе указовъ“.

[1]) Объ этомъ изданіи см. подробное изслѣдованіе въ книгѣ Губерти: „Хронологическое обозрѣніе русскихъ книгъ“, ч. 3 (М. 1891), № 77.

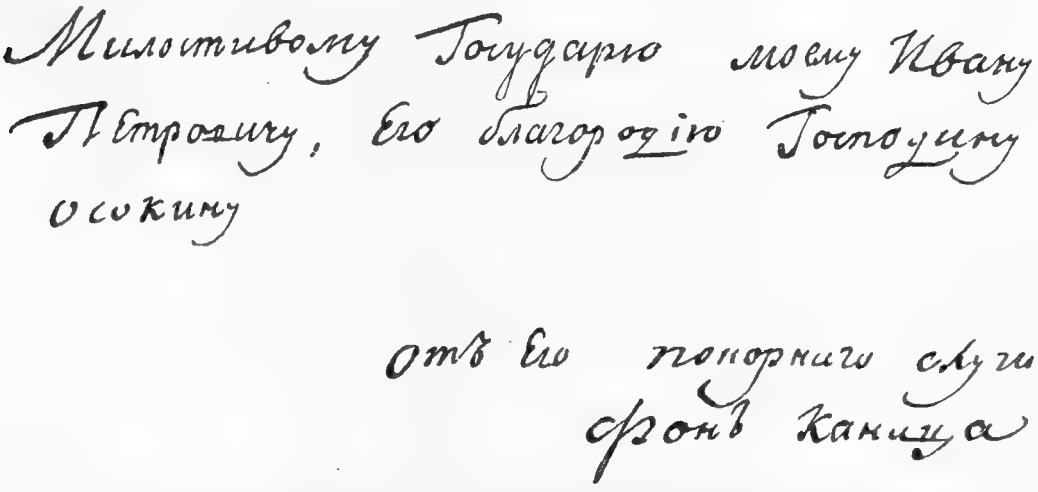


Рукописный ex-libris библіотеки Юлія Ивановича фонъ Каница.

радостнѣйшее торжествованіе о замирѣніи поставлена была его сіятельствомъ господиномъ генералъ порутчикомъ ковалеромъ и Казанскимъ губернаторомъ князь Платономъ Степановичемъ Мещерскимъ. Учинено Ю. Фонъ-Каницомъ, въ Казани 1775-го года, Іюля 10-го дня".

На этой рукописи, состоящей изъ 10 листовъ in 4^0, автографъ:

„Милостивому Государю моему Ивану Петровичу, Его благородію Господину Осокину отъ его покорнаго слуги фонъ Каница" [1]).



Автографъ Юлія Ивановича фонъ Каница на рукописи, подаренной имъ И. П. Осокину.

Полянской библіотеки безъ портрета (листъ посвященія, листъ заглавный, два листа (= 4 ненум. стр.) — обращенія автора къ преосв. Веніамину, и 10 стр. текста), по каталогу П. Ѳ. Лихачева, Отд. IV, № 161.

Сопиковъ, № 10813 указываетъ „М. 1775, въ л.; рѣдкое изданіе". Время выхода въ свѣтъ, кажется, надо перемѣтить на 1777 или 1778. Въ библіотекѣ автора настоящей статьи имѣется экземпляръ съ автографическою надписью: „отъ Свіяжскаго Архим. Платона Василію Ивановичу г. Чемезову. 1788" и съ портретомъ. На портретѣ подпись: „G. G. Endner sculps. Lipsiae. 1777". Эта подпись издана и Д. А. Ровинскимъ.

[1]) Рукопись находится въ библіотекѣ автора.

Въ библіотекѣ автора имѣется еще и экземпляръ сочиненія Василія Петрова „Епистола" имп. Екатеринѣ II (Сопик., № 3748. М. 1767. 4^0), съ авторской надписью: „почтенному господину директору Ивану Осокину".

Александръ Логиновичъ доставалъ книги изъ разныхъ источниковъ. Такъ у него были книги отъ ряда лицъ, служившихъ въ Казанскомъ Университетѣ.

Напримѣръ, надпись „Петра Кондырева“ находится на „C. Julii Caesaris commentarii... [1]).

C. IVLII
CAESARIS
COMMENTARII
DE
BELLO GALLICO ET CIVILI
VNA CVM
HIRTII VEL OPPII
SVPPLEMENTIS.

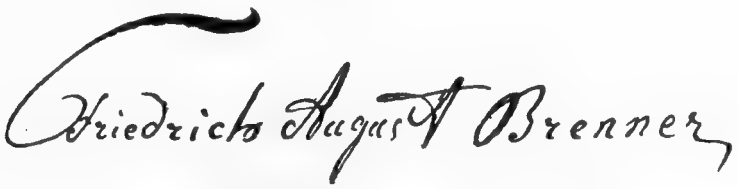
Петра Кондырева
HALAE,
IMPENSIS ORPHA-NOTROPHEI,
MDCCLXL

Рукописный ex-libris профессора Петра Сергѣевича Кондырева.

Петръ Сергѣевичъ Кондыревъ (род. въ 1788 или 1789 — ум. 24 Марта 1823), профессоръ Казанскаго Университета, учился въ Казанской Гимназіи, когда Александръ Логиновичъ былъ ея Директоромъ.

[1]) „C Julii Caesaris commentarii de bello gallico et civili una cum Hirtii vel Oppii supplementis“. Halae. 1761. 8⁰. На книгѣ Wilhelm Hyacinth Bougeant, Historie des dreyssigjährigen Krieges (aus dem Französischen übersetzt). Halle. 1758. 8⁰, имѣется ex-libris изъ библіотеки Фридриха Августа Бреннера.

Рукописный ex-libris Александра Матвѣевича Карамышева (ум. 22 Ноября 1791 года), русскаго ученаго натуралиста, ученика Линнея.



Рукописный ex-libris библіотеки Ф. А. Бреннера.

Весьма любопытно появленіе въ библіотекѣ А. Л. Лихачева книги изъ числа принадлежавшихъ Карамышеву съ рукописнымъ ex-libris: «Karamyscheff» [1]).

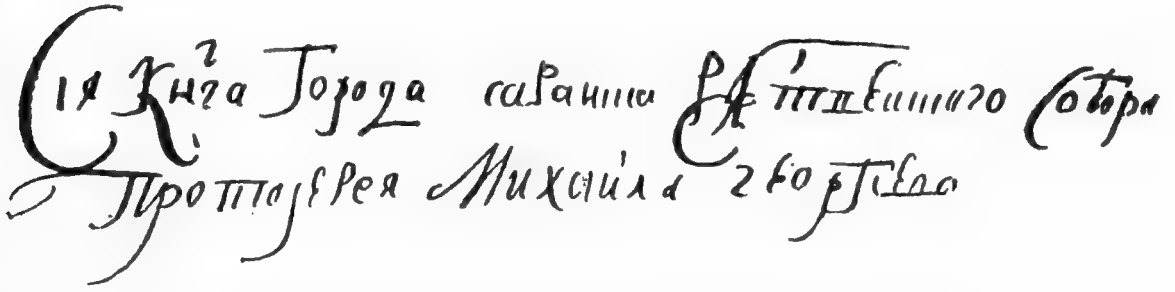
Это Александръ Матвѣевичъ Карамышевъ, русскій ученый, ученикъ Линнея, изъ „сибирскихъ дворянъ“ и, по возвращеніи изъ Упсалы въ Россію, долго служившій въ Иркутскѣ и Нерчинскѣ. Скончался 22 Ноября 1791 года [2]).

Личность Карамышева очень интересна, но свѣдѣній о какихъ бы то ни было сношеніяхъ съ нимъ А. Л. Лихачева не имѣется.

Къ сожалѣнію, едва ли не изъ за масонства А. Л. Лихачева, архивъ его, кромѣ дѣловыхъ бумагъ, уничтоженъ такъ, что не сохранилось ни одного письма, ни одной записки!

Нѣкоторыя книги и рукописи, по всей вѣроятности, были пріобрѣтены покупкою. Такъ, напримѣръ, на рукописи XVIII столѣтія, содержащей слова о. Іоанна, игумена горы Синайскія [3]), находится рукописный ex libris:

„Сія книга города Саранска [4]) Рождественскаго Собора протоіерея Михаила Георгіева“.



Рукописный ex-libris протоіерея Михаила Георгіева (на рукописи XVIII ст.).

[1]) Книга эта „Versuch einer neuen Mineralogie aus dem Schwedischen übersetzt“ (Kopenhagen. 1760. 8⁰). Экземпляръ пріобрѣтенъ въ Упсалѣ въ 1761 году (много примѣчаній на латинскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, сдѣланныхъ, какъ кажется, Карамышевымъ).

[2]) Біографія А. М. Карамышева напечатана въ „Русскомъ біографическомъ словарѣ“ (Спб. 1897. 8⁰).

[3]) По каталогу П. Ѳ. Лихачева, отд. I, № 4.

[4]) Гор. Саранскъ, Пензенской губерніи.

Очень испорченный экземпляръ Библіи на церковнославянскомъ языкѣ попалъ — „ex numero librorum sacerd. Andr. Basilieff. $17^{7}/_{25}93$“.

Разрозненный экземпляръ (ч. 1 и 2) „Писемъ фельдмаршала Бориса Петровича Шереметева къ императору Петру Великому“ (M. 1778. 8⁰) интересенъ тѣмъ, что на переплетѣ полной кожи оттиснуто извѣстное клише, гербовый super-ex-libris графа Шереметева. Фактъ этотъ представляетъ библіографическій интересъ, доказывая, что упомянутый super-ex-libris употреблялся не только для личной графской библіотеки, но и помѣщался на нѣкоторыхъ экземплярахъ его изданій, вѣроятно, предназначенныхъ для подарковъ. Наоборотъ, у автора настоящей статьи имѣется, напримѣръ, томикъ этихъ писемъ того же изданія, съ подписью гр. П. Б. Шереметева и, между тѣмъ, въ простой папкѣ.

Любопытна рукописная азбука съ прописями.

Въ 1709 году она принадлежала Пушникову: „Сия азбука Ярославца Семена Алексѣева сына Пушникова, потъписал въ 709-мъ году Августа въ 20 день“. Въ 1736 году она принадлежала Змѣйкину: „1736 году Октября 31 дня куплена сия азбука у купца Пориса Бушникова у прикащика ево у Аѳонасья Иванова купил я пищикъ Василей Змѣйкин, дал пятдесят копѣекъ“. Запись о принадлежности Змѣйкинъ повторялъ нѣсколько разъ и болѣе грамотно — безъ такихъ искаженій, какъ „Пориса Бушникова“ вм. „Бориса Пушникова“. Такъ напримѣръ: „сия азбука секретаря Василья Іванова сына Змѣйкина“.

Борисъ Пушниковъ, надо думать, былъ сынъ перваго владѣльца рукописи. На переплетномъ листѣ имѣется такая надпись латинскими буквами:

„Sia Azbuka Kazansqago Bolsaho soboru swesceprodawocnogo starosti afanas'a Iwanowa sina Kazareninowa prikascika hostino(j) sotni Borisa Puzsikowa“ [1]).

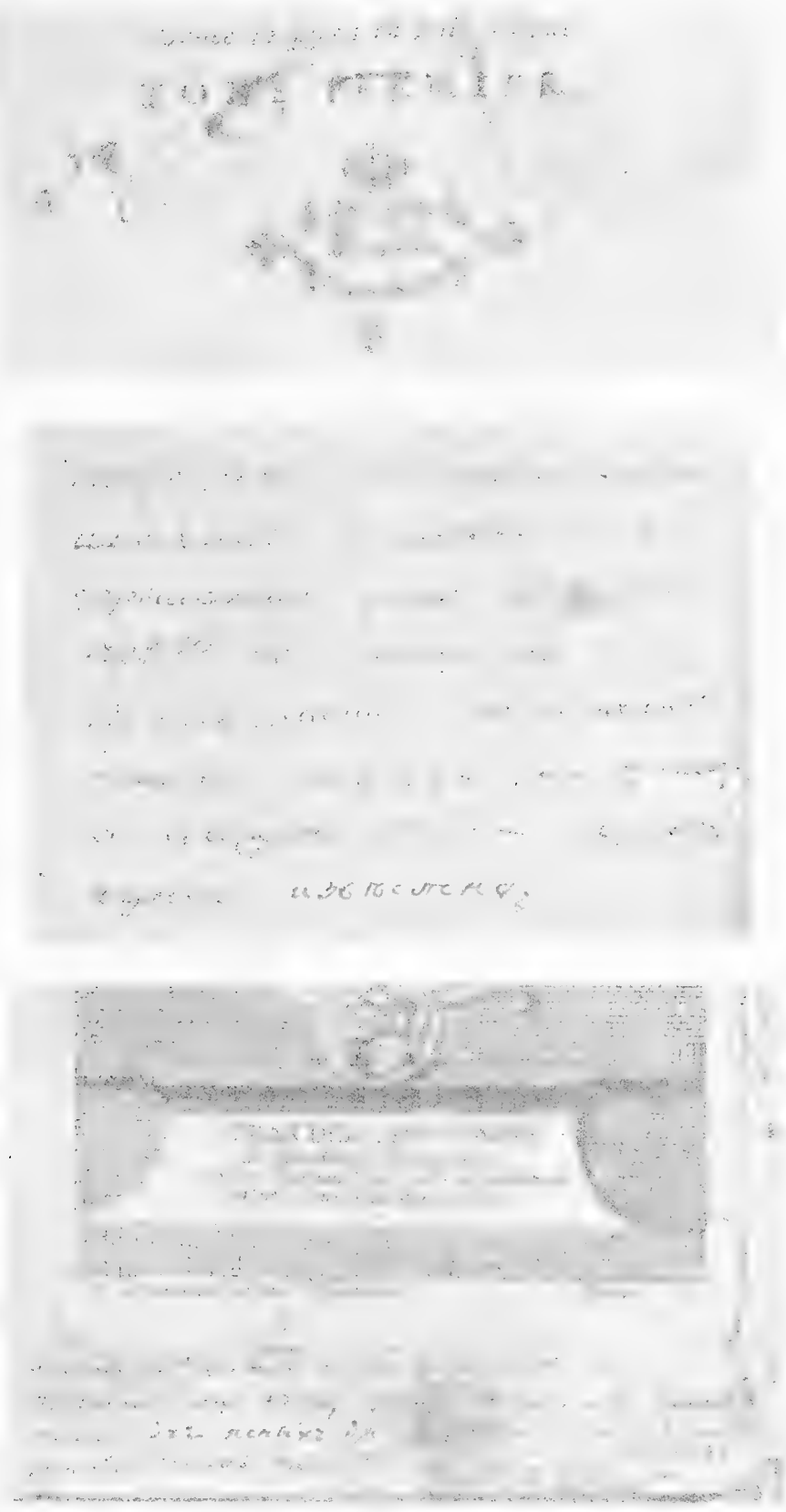
Вѣроятно, рукопись перешла къ Лихачевымъ покупкой.

Несомнѣнно, что самой любопытной книгой, поступившей въ Полянскую библіотеку, повидимому, еще при Александрѣ Логиновичѣ, былъ экземпляръ французскаго изданія басенъ Лафонтена (1772 года) [2]) съ автографической припиской Ивана

---

[1]) Описка — „s“ вмѣсто „n“.

[2]) „Fables choisies, mises en vers par monsieur de La Fontaine, avec un nouveau commentaire par M. Coste“. Tome premier. A Lausanne. Cher J. Pierre Heubach. MDCCLXXII. 8⁰.



Автограф Ивана Андреевича Крылова

Очень непорченый экземпляръ Библіи на церковносла-
вян
silie

Поврежденный экземпляръ (ч. 1 и 2) „Писемъ фельдмар-
шала Бориса Петровича Шереметева къ императору Петру Ве-
ликому“ (М. 1778 г.) интересенъ тѣмъ, что на переплетѣ
ной
гра
фи
упо
пом
пре
щей
изд
въ простой папкѣ.

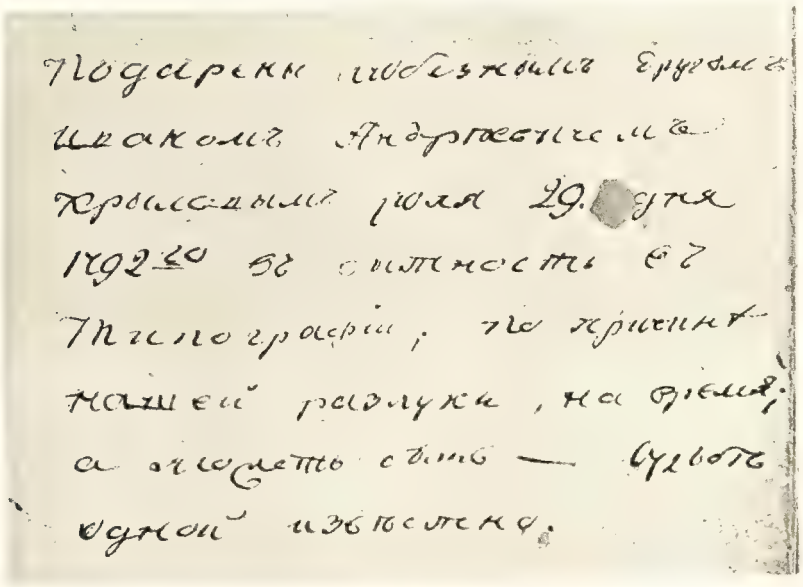
Любопытна рукописная азбука съ прописями.

Въ 1709 году
бук
пис
прин
сия
Аѳ
пят
вто
же
нап
вла
надпись латинскими буквами:

sta
Bo

Вѣроятно, рукопись перешла къ Лихачевымъ покупкой.
Несомнѣнно, что самой любопытной книгой, поступившей
въ
Ло
Ла

[1]) Описка — „s“ вмѣсто „n“.
[2]) „Fables choisies, mises en vers par monsieur de La Fontaine,
Cher J. Pierre Heubach. MDCCLXXII. 8°.



Автографъ Ивана Андреевича Крылова на книжкѣ, имъ подаренной и принадлежавшей Клушину.

Андреевича Крылова. Самый текстъ приписки изданъ авторомъ настоящей статьи почти тридцать лѣтъ тому назадъ [1]) и вошелъ въ научное пользованіе, но онъ заслуживаетъ припоминанія и воспроизведенія. И. А. Крыловъ подъ портретомъ Лафонтена написалъ:

„Залогомъ дружества прими фонтена ты;
И пусть оно въ сердцахъ тогда у насъ увянетъ
Когда богъ ясныхъ дней свѣтить нашъ міръ престанетъ
Или фонтеновы затмитъ кто красоты.

I. Крыловъ".

Цѣнность этой надписи увеличивается слѣдующей записью на одномъ изъ переплетныхъ листовъ:

„Подарены любезнымъ другомъ Иваномъ Андрѣевичемъ Крыловымъ Іюля 29 дня 1792-го въ бытность въ типографіи, по причинѣ нашей разлуки, на время; а можетъ быть — судьбѣ одной извѣстно".

Въ сопоставленіи съ автографомъ Крылова, эта запись свидѣтельствуетъ, что юный Крыловъ уже въ 1792 году былъ заинтересованъ и восхищался „Фонтеновыми красотами".

Книжка, подаренная И. А. Крыловымъ, принадлежала А. И. Клушину, совладѣтелю типографіи. На заглавномъ листѣ имѣется какъ бы ex-libris — „№ Клушина", но Клушинымъ ли сдѣлана запись — весьма сомнительно. Почеркъ ex-libris и записи едва ли тотъ же самый, да и Клушинъ въ 1792 году дѣятельно работалъ въ типографіи въ сотрудничествѣ съ Крыловымъ.

Возможно, что Крыловъ взялъ книгу Клушина и подарилъ ее кому-нибудь изъ друзей.

Пониже записи имѣется помѣтка другимъ почеркомъ, едва ли не шуточнаго характера:

„Принадлежитъ Казимиру князю Молдавскому".

Тѣмъ же небрежнымъ почеркомъ на переплетномъ листѣ написано:

„На белыхъ волосахъ
У Фишера зима
И лѣто на глазахъ
Горящихъ от вина.
Какъ пьетъ, то
По носу фіалки разцветают
И точно темъ весну въ средину представляютъ
Какъ в осень щоки всѣ брусники полны зрелой
Не всякъ ли видитъ годъ изображенъ тутъ целой".

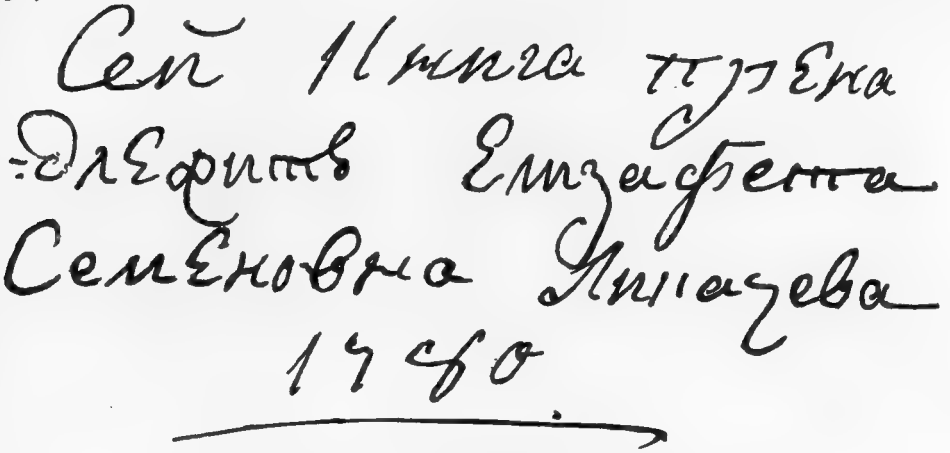
[1]) См. „Волжскій Вѣстникъ", за 1886 годъ, № 169 (Н. П. Лихачевъ — „Автографъ И. А. Крылова").

Книжка дошла до насъ въ испорченномъ видѣ, значительная часть листовъ вырвана и сама она изрядно потрепана. Никакихъ помѣтокъ и внѣшнихъ слѣдовъ того, чтобы французскій текстъ переводился — не имѣется.

Супруга Александра Логиновича Елизавета Семеновна привезла съ собой также нѣсколько книгъ, но по всему видно, что она не была библіофилкой.

Елизавета Семеновна не любила надписывать своихъ книгъ сама, а кому нибудь поручала. Такъ, на книжкѣ „Повѣсть о княжнѣ Жеванѣ“ [1]) ex-libris начертанъ вѣроятно бонной, такъ какъ гласитъ:

„Сей книга пренадлежитъ Елизафета Семеновна Ликачева. 1780“.



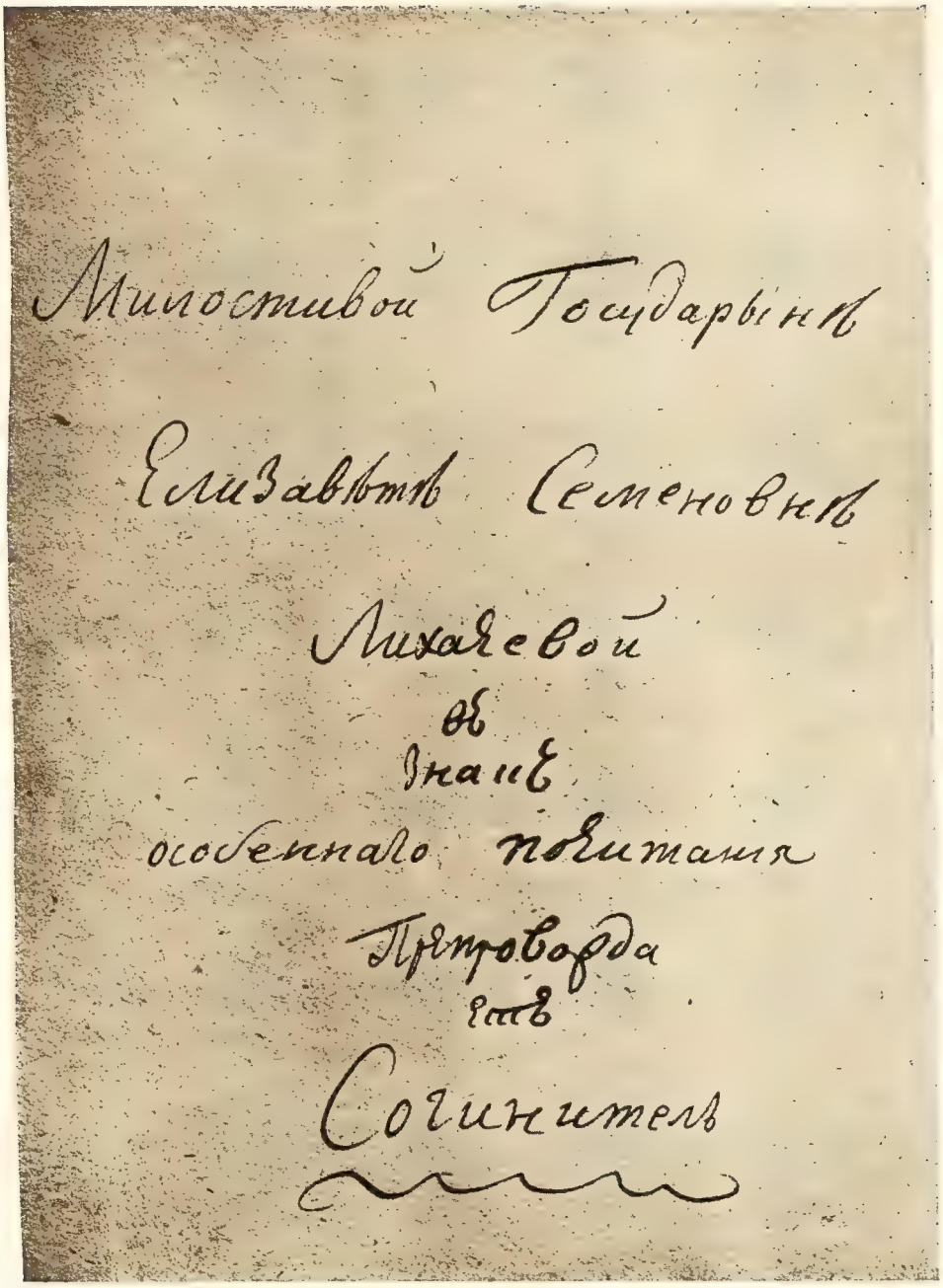
Рукописный ex-libris на книгѣ „Повѣсть о княжнѣ Жеванѣ“.

Однако Елизавета Семеновна, повидимому, не чуждалась литературы и литературныхъ знакомствъ. Имѣется, между прочимъ, подарокъ въ знакъ особеннаго почитанія автора.

Подполковникъ Иринархъ Завалишинъ свое сочиненіе „Суворoида“ [2]) сопроводилъ слѣдующею надписью:

[1]) „Повѣсть о княжнѣ Жеванѣ, королевѣ Мексиканской. Часть Первая. Переведенная съ Гишпанскаго на Французской, а съ Французскаго на Россійскій языкъ“. „Въ Санктпетербургѣ. Въ Типографіи морскаго Шляхетнаго кадетскаго корпуса. 1765“. (Вторая часть имѣетъ заглавный листокъ безъ года и какъ стр. 91 — 92 общей нумераціи). Книжка представляетъ малое in 8⁰ на 191 стр. (на оборотѣ коей погрѣшности). См. Сопиковъ, № 8390. Каталога П. Ѳ. Лихачева, отд. VI, № 665.

[2]) „Суворoида, поема героическая. Творенія Иринарха Завалишина, фанагорійскаго гранодерскаго полку подполковника. Veni, vidi, vici. Iulius Caesar. Пришелъ, Увидилъ, Побѣдилъ. Юлій Цесарь. Сочинена въ Варшавѣ, въ 1795 году. Въ Санктпетербургѣ, съ дозволенія Управы Благочинія 1796 года“. XXXVII и 66 стр. in 8⁰. См. Сопиковъ, 8747; Смирдинъ, 6710. Клушинымъ подвергнута немилостивой критикѣ. Другія сочиненія Иринарха Ивановича Завалишина показаны у Геннади („Справочный словарь“, II, 18).

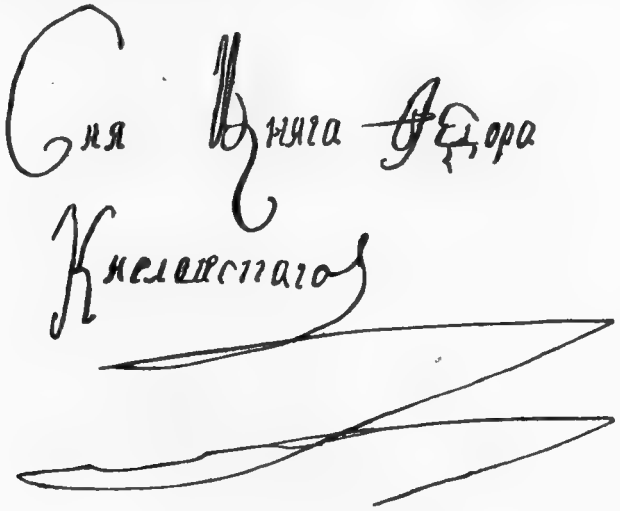


Автограф Иринарха Завалишина на экземпляре его поэмы „Суворoида“.

„Милостивой Государынѣ Елизавѣтѣ Семеновнѣ Лихачевой въ знакъ особеннаго почитанія препровождаетъ сочинитель".

Впрочемъ, въ данномъ случаѣ дѣло объясняется знакомствомъ и сосѣдствомъ. Если мы возьмемъ находящійся въ той же Полянской библіотекѣ — „Списокъ алфавитный Казанской провинціи дворянамъ и протчимъ владельцамъ", написанный около 1770 года[1]), то тамъ найдемъ — Завалишина Ивана Максимова сына, надворнаго совѣтника, который какъ разъ въ сосѣднемъ съ Полянками селѣ Балымерахъ имѣлъ одну крестьянскую душу (а жена его восемь). Иринархъ Ивановичъ Завалишинъ былъ сынъ этого помѣщика.

Вмѣстѣ съ супругой Александра Логиновича пріѣхали въ Полянки и попали въ библіотеку нѣкоторыя книги, принадлежавшія брату Елизаветы Семеновны — порутчику Ѳедору Семеновичу Кисловскому (род. 28 Дек. 1752—ум. 7 Авг. 1802 г.). Такова юношеская надпись „Сия книга Ѳедора Кисловскаго" (до 1770 года) на учебной книжкѣ на нѣмецкомъ языкѣ[2]).



Рукописный ex-libris Ѳедора Семеновича Кисловскаго (конецъ 1760-хъ годовъ).

Въ Полянскую библіотеку попало и нѣсколько книгъ съ рукописнымъ ex-libris зятя Александра Логиновича подпорутчика А. Горчакова, который размашисто сверху внизъ подписывалъ только свою фамилію: „А. Горчакова".

---

[1]) Изданъ по этой рукописи проф. Д. А. Корсаковымъ (Казань 1908. 8⁰).

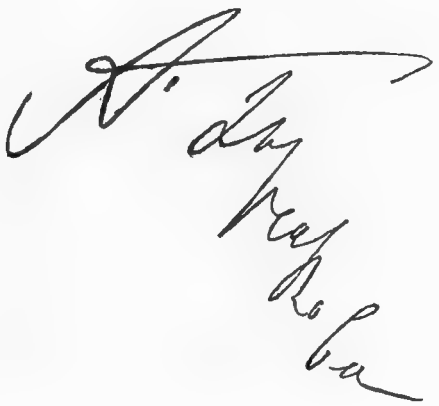
[2]) „Kern der Deutschen Sprachkunst, aus der ausführlichen Sprachkunst Herrn Professor Gottscheds" („Dritte verbesserte Auflage"), Leipzig. 1759. 8⁰.

Снимокъ сдѣланъ съ надписи на „Судебникѣ“ Башиловскаго изданія 1768 года (С.П.Б. 1768. 8⁰) [1]).

Дочь Александра Логиновича Марья засидѣлась въ дѣвкахъ очень долго и вышла замужъ, имѣя болѣе тридцати лѣтъ. Выбирать не приходилось и, кажется, Алексѣй Горчаковъ ничѣмъ не былъ замѣчателенъ.

Во всякомъ случаѣ Г. А. Власьевъ ошибочно причисляетъ его къ князьямъ Горчаковымъ [2]).

На одной рукописи, подаренной А. Л. Лихачевымъ зятю, сохранилась надпись, свидѣтельствующая, что Александръ Логиновичъ занимался переводами.



Рукописный книжный знакъ подпорутчика Алексѣя Горчакова, зятя Александра Логиновича Лихачева.

Александръ Логиновичъ послѣднее время жизни проживалъ въ деревнѣ Кошкарѣ (Мамадышскаго уѣзда Казанской губерніи) и тамъ скончался [3]). Какъ видно изъ раздѣльныхъ актовъ его наслѣдниковъ, „библіотеку, находящуюся при домѣ Кошкаринскомъ, и всякое тамже домашнее имущество, такъ какъ умершій Лихачевъ предъ кончиною своею пребывалъ въ семъ домѣ и жизнь кончилъ тамъ“ согласно съ завѣщаніемъ, не вводя въ раздѣлъ, предоставили подпорутчицѣ Маріи Александровнѣ Горчаковой.

Александръ Логиновичъ былъ избранъ на 1807 и послѣдующіе годы Мамадышскимъ уѣзднымъ предводителемъ дво-

[1]) По каталогу П. Ѳ. Лихачева, отд. II, № 44.
[2]) Томъ I, стр. 498.
[3]) Тѣло предано землѣ въ с. Байтеряковѣ, Лаишевскаго уѣзда. Въ церковныхъ записяхъ значится, что Александръ Логиновичъ скончался (отъ горячки, на 61 году жизни) 7 Марта, а тѣло предано землѣ 10 Марта 1814 года.

рянства, что и побудило его переѣхать въ село Кошкаръ, гдѣ у него была усадьба.

Вѣрный своимъ влеченіямъ, онъ и въ Кошкарѣ началъ собирать библіотеку и занимался не только чтеніемъ, но и переводами.

На склонѣ жизни его особенно интересовали вопросы о жизни и смерти. На эти темы онъ переводилъ и дѣлалъ выписки. Въ Императорской Публичной Библіотекѣ хранится небольшая рукопись [1]), содержащая: а) Предувѣдомленіе всякому полезное, взятое изъ Священнаго писанія, о смерти, о непостоянствѣ настоящаго вѣка и о суетѣ земныхъ вѣщей, о погребеніи, о воскресеніи мертвыхъ, о послѣднѣмъ судѣ, о адѣ и объ осужденіи грешниковъ, о вѣчной жизни, и б) Наука благополучно жить и благополучно умереть". На листѣ первомъ сдѣлана помѣта: „Перевелъ Александръ Лихачевъ", а на оборотѣ послѣдняго листа читаемъ:

„Подарена отъ Александра Логиновича Лихачева въ бытность мою у нево въ Кошкарѣ, ево усадьбѣ Мамадышскаго уѣзда, недалѣко отъ завода Иноземцова, 1814 года, Дек. 12 дня".

Надпись эта сдѣлана уже послѣ кончины Александра Логиновича, случившейся въ Кошкарѣ, зятемъ его подпорутчикомъ А. Горчаковымъ.

Хотя за три года до кончины А. Л. Лихачевъ и освободился отъ обязанностей предводителя дворянства, но онъ не переѣхалъ совсѣмъ въ Полянки, а бывалъ тамъ временами.

Въ одно изъ такихъ посѣщеній онъ подарилъ мальчику внуку — Ѳедору Семеновичу — книгу сочиненія г. Кампе: „Совѣты старца" [2]).

Внукъ написалъ на обратной сторонѣ обложки:

„Сіи старца совѣты
Мнѣ дедъ мой подарилъ,
Чтобъ я его любилъ,
Храня свои обѣты.

Ф. Лихачевъ".

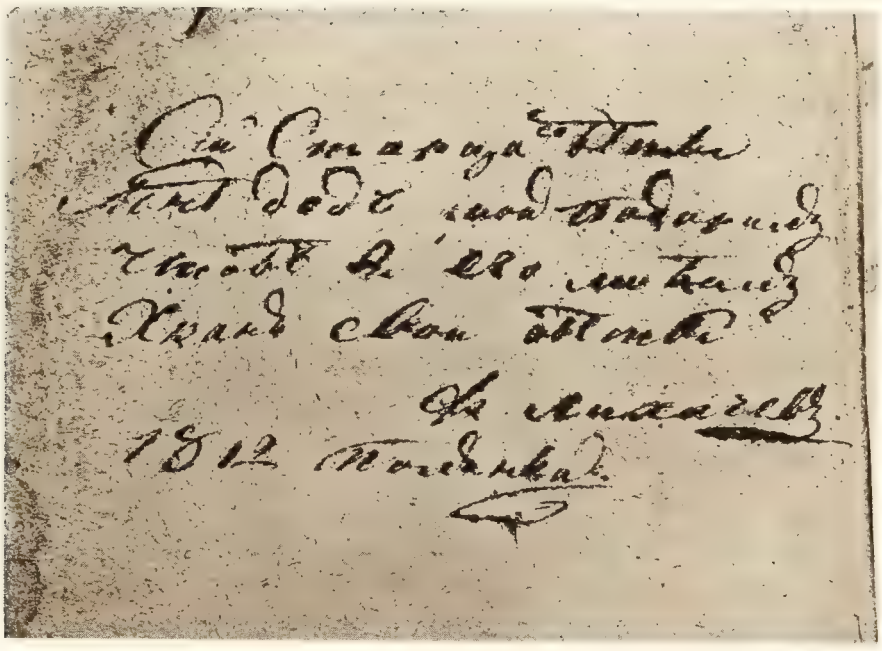
1812. Полянки.

Въ концѣ жизни Александръ Логиновичъ очень сердился на сына за его расточительность и широкую жизнь, можно думать, что „совѣты старца" и „обѣты внука" касались пред-

[1]) Q. I, № 1167 — Скорописью конца XVIII — нач. XIX ст., въ 4-ю д. л., на 72 листахъ (принесена въ даръ Н. Лихачевымъ). См. „Отчетъ" за 1894 годъ.

[2]) „Совѣты старца. Нравоучительная книга для дѣтей. Сочиненіе Г-на Кампе. Переведено съ Нѣмецкаго, съ пятаго изданія на Французской, а съ него на Россійской языкъ — Иваномъ Шелеховымъ". „Москва 1808. Въ Университетской Типографіи". in 8⁰, на 200 стр. См. Сопиковъ, № 5022. Каталогъ П. Ѳ. Лихачева, отд. VI, № 357.

стоящей жизненной карьеры юноши. И надо отдать справедливость — вся недолговременная жизнь кроткаго и высоконравственнаго Ѳедора Семеновича была въ полномъ смыслѣ слова безупречной.



Надпись Ѳедора Семеновича Лихачева на книжкѣ „Совѣты старца".

Съ кончиною Александра Логиновича село Полянки перешло во владѣніе сына его Семена Александровича. Александръ Логиновичъ отличался гордымъ и властнымъ характеромъ. Онъ высоко ставилъ свое родопроисхожденіе, записалъ себя въ четвертую книгу (знатные иностранные роды) и самовольно прибавилъ къ гербу княжескую мантію, а въ гербовый щитъ вставилъ особое поле съ тремя рыбами въ ознаменованіе того, что у него имѣлись выписи 1692 года на рыбныя ловли и онъ владѣлъ частью берега Волги на значительномъ пространствѣ.

Такія черты характера и воззрѣній Александра Логиновича очень дурно отразились на сынѣ. Семенъ Александровичъ не усвоилъ отцовской бережливости, домовитости, страсти къ книгамъ и литературѣ вообще, а всецѣло воспринялъ гордость съ прибавленіемъ преувеличеннаго сознанія о своемъ богатствѣ. Служба Семена Александровича продолжалась очень недолго: онъ побывалъ „въ Кирасирскомъ Его Императорскаго

Величества полку“ и 14 февраля 1801 года получилъ свидѣтельство объ отставкѣ его въ чинѣ порутчика. Послѣ этого онъ только въ ополченіи 1812 года былъ пятидесятникомъ и получилъ аттестатъ за ревностную службу и усердіе.

Если въ юные годы сына Александръ Логиновичъ и относился снисходительно къ образу его жизни, то широкія замашки Семена Александровича, отнюдь неисправленнаго ранней женитьбой, стали вызывать серьезныя опасенія отца почти тотчасъ по возвращеніи порутчика изъ Петербурга. На упреки въ расточительности Семенъ Александровичъ гордо отвѣчалъ — „таковъ ужъ у меня обычай“, на что огорченный отецъ замѣчалъ — „обычай то у тебя бычій, да разумъ телячій“.

Можетъ быть потому что Семенъ Александровичъ больше жилъ въ Петербургѣ, чѣмъ въ Полянкахъ, въ Полянской библіотекѣ сохранилось очень мало книгъ съ его рукописнымъ ex-libris и нѣтъ указаній, чтобы онъ заботился о переплетахъ и имѣлъ какой либо super-ex-libris.

Въ юношескіе годы почеркъ Семена Александровича размашистый, позднѣе мелкій, довольно нечеткій.

Надо думать, что Семенъ Александровичъ только въ молодости слѣдовалъ примѣру отца и надписывалъ свои книги. За время самостоятельнаго владѣнія Полянской библіотекой онъ мало оставилъ слѣдовъ, что, впрочемъ, можно объяснить тѣмъ, что книги, бывшія у него въ Петербургѣ, онъ не перевезъ съ собою.

Рукописный ex-libris Семена Александровича Лихачева.

Юношеской, скорѣе дѣтской рукой, пятнадцатилѣтнимъ Семеномъ Александровичемъ сдѣлана подробная надпись: „Изъ книгъ Семена Лихачева Марта 21 числа 1789 году“ на книгѣ: „Правила піитическія о стихотвореніи россійскомъ и латинскомъ“ (М. 1785. 8°) [1]).

Рукописный ex-libris Семена Александровича Лихачева.

Позднѣе Семенъ Александровичъ ограничивался однимъ именемъ и фамиліей: „Семенъ Лихачевъ“. Такъ написалъ

[1]) См. Сопиковъ, № 8837 (= изданіе 3), сочиненіе Московской Академіи ректора архимандрита Аполлоса, какъ точно показано въ „предувѣдомленіи“ — первое изданіе было въ 1774 году, второе въ 1780.

онъ, напримѣръ, свое имя и фамилію на брошюрѣ „Посланіе къ слугамъ моимъ Шумилову, Ванькѣ и Петрушкѣ“ (безъ года печати) [1]).

На заднемъ переплетномъ листѣ сынъ поставилъ такой же автографъ — „Федоръ Лихачевъ“.

Полянки находятся въ семидесяти верстахъ отъ г. Симбирска, славящагося своими конскими ярмарками, на каковыя и понынѣ Полянскіе помѣщики водятъ продавать своихъ лошадей, а тамъ покупаютъ другихъ. Въ прежнее время въ Симбирскѣ дѣлались и всякіе хозяйственные запасы.

Семенъ Александровичъ Лихачевъ былъ страстный лошадникъ и его лошади славились во всей округѣ. Какъ результатъ этой страсти, въ библіотекѣ остался любопытный слѣдъ — подарокъ, сдѣланный извозчикомъ.

Чѣмъ казалось бы думалъ угодить извозчикъ, вѣроятно державшій большую почту и торговавшій лошадьми, помѣщику-покупателю. Онъ даритъ книгу и книга эта: „Ключи познанія армянскаго языка“ [2]).

Надпись гласитъ:

«Сие ключи познание арманскаго язика дару моево благодетеля Семонъ Александровича Лихчева покорнешей слуга звочикъ Яковъ Тандавъ

1809 года
25 Ав[г]уста } Симбрскимъ“

Надо думать, что извѣстность Александра Логиновича, какъ библіофила была очень велика, если барышникъ не нашелъ ничего лучшаго какъ поднести книгу и Семену Александровичу, въ собираніи книгъ вовсе не столь страстному какъ отецъ.

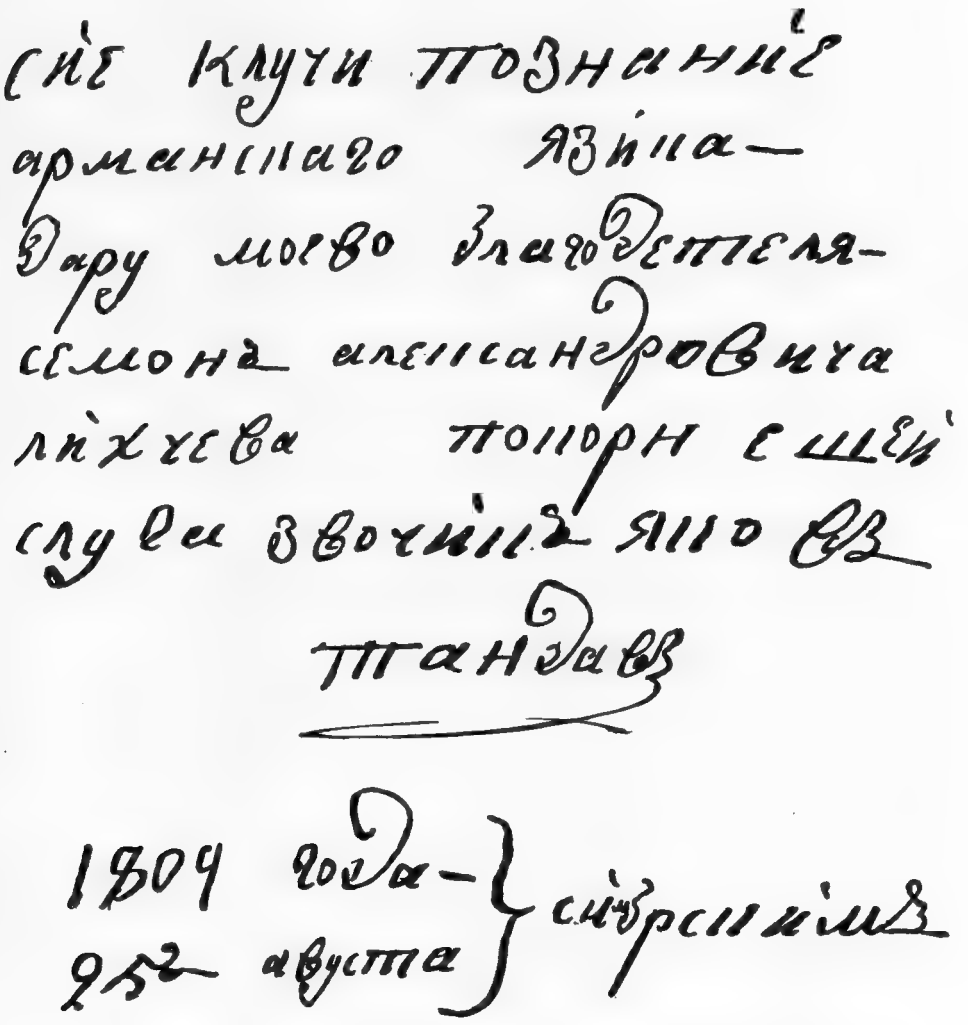
Для единственнаго сына своего Семенъ Александровичъ выбралъ блестящій кавалергардскій полкъ.

Владиміръ Ивановичъ Панаевъ разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ: „въ это самое время собирался въ Петербургъ одинъ короткій знакомый нашъ Семенъ Александровичъ Лихачевъ, чтобы отдать сына своего въ кавалергардскій полкъ.

---

[1]) Брошюра на 14 стр. въ концѣ „Цѣна 25 коп.“. Года печати нѣтъ, но на бумагѣ 1807 года. Весьма ходкая и распространенная брошюра эта печаталась неоднократно. Напримѣръ, см. Сопиковъ, №№ 8557, 13079, 13080 (всѣ три съ годомъ и мѣстомъ печати).

[2]) „Книга, содержащая въ себѣ ключь познанія букваря, словаря и нѣкоторыхъ правилъ изъ нравоученія. Сочиненная и переведенная съ Россійскаго на армянской и съ Армянскаго на россійской языки дѣвицею Клеопатрою Сарафовою“ (Спб. 1788. 4⁰ въ типогр. Григорія Халдарова). Сопиковъ, № 5192. Библіотеки П. Ѳ. Лихачева, отд. III. № 41.



Надпись на книгѣ, подаренной Семену Александровичу Лихачеву.

Признано было за удобнѣйшее отправить съ нимъ, какъ съ человѣкомъ бывалымъ, меня и меньшого брата моего Петра, назначеннаго тоже для поступленія въ кавалергарды... 29 Іюля 1815 года, выплакавъ, по выраженію Карамзина, сердце, выѣхалъ я изъ Казани..." [1]).

Юный Ѳедоръ Семеновичъ Лихачевъ въ это время былъ уже влюбленъ въ сестру Владиміра Ивановича Панаева Глафиру Ивановну, которая была гораздо старше его годами. Отецъ препятствовалъ этому браку, но онъ всетаки былъ совершенъ только уже послѣ смерти Семена Александровича.

[1]) „Вѣстникъ Европы", 1867 годъ, сентябрь, стр. 236.

Свадьба состоялась въ родовомъ имѣніи Панаевыхъ, с. Емельяновѣ Лаишевскаго уѣзда Казанской губерніи 22 Января 1822 года.

За полгода передъ этимъ—28 Мая 1821 года въ родныхъ Полянкахъ скончался Семенъ Александровичъ, гдѣ и положенъ около церкви рядомъ съ своей супругой Прасковьей Ивановной, рожденной Осокиной.

За семь лѣтъ самостоятельнаго управленія своимъ имуществомъ Семенъ Александровичъ окончательно его разстроилъ и умеръ, оставивъ большіе долги.

Служебная карьера Ѳедора Семеновича обѣщала быть блестящей. Онъ женился ротмистромъ и имѣлъ уже орденъ Владиміра 4 степени. Умный и кроткій, онъ былъ любимъ и начальствомъ, и товарищами. Начальство отговаривало отъ отставки, на которой настояла невѣста. Сохранившіяся жениховскія письма содержатъ любопытныя свѣдѣнія. Ѳедоръ Семеновичъ благодаритъ свою обожаемую Эльвиру, что она истребила въ немъ „пагубное честолюбіе“.

На самомъ дѣлѣ Глафира Ивановна вовсе не была чужда честолюбія, страстно любила власть, но въ высшей степени твердая и благоразумная, она только въ деревенской жизни видѣла возможность возстановить благосостояніе Лихачевыхъ.

Когда новая чета Лихачевыхъ поселилась въ Полянкахъ, обнаружилось, что отъ богатства, накопленнаго прадѣдомъ и дѣдомъ—остались обломки. Приходилось жить умѣренно и осмотрительно.

Дворянство, несмотря на молодость Ѳедора Семеновича, избрало его Спасскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства и онъ дѣлилъ свои досуги между этой службой и книжными занятіями.

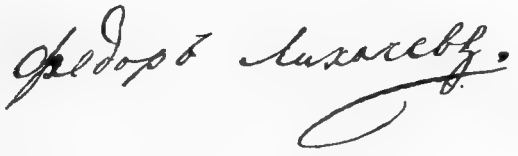
Какъ предводитель, онъ собиралъ матеріалъ для описанія уѣзда (съ планами имѣній), какъ любитель просвѣщенія, дѣлалъ огромныя выписки изъ книгъ, главнымъ образомъ интересуясь матеріалами по эпохѣ Петра Великаго.

Собирательская страсть дѣда вспыхнула, но она отразилась не на книгахъ, а, главнымъ образомъ, на коллекціи древняго оружія и собраніи чубуковъ и трубокъ всевозможныхъ видовъ.

На книгахъ, хотя несомнѣнно онъ выписывалъ ихъ въ довольно большомъ количествѣ, рѣдко надписаны ex-libris. Книги, за отсутствіемъ домашнихъ переплетчиковъ, почти не перепле-

тались. Только комплекты „Сѣверной Пчелы“ крѣпостные мастера облекали въ прочную крашенину [1]).

На весьма немногихъ книжкахъ имѣется простая подпись: „Федоръ Лихачевъ“.



Но за то не мало книжекъ носятъ автографическія надписи родныхъ и знакомыхъ, интересныя потому, что это родство состояло изъ людей, близко соприкасавшихся съ литературой.

Теща Ѳедора Семеновича Лихачева, вдова Ивана Ивановича Панаева — Надежда Васильевна — была урожденная Страхова [2]) и приходилась родной сестрой Александру [3]) и Ивану Васильевичамъ Страховымъ, близкимъ родственникамъ Г. Р. Державина. И сама Надежда Васильевна поддерживала поздравительную переписку съ „дядюшкой“ поэтомъ и вельможею. Если Иванъ Ивановичъ Панаевъ, обладавшій прекраснымъ слогомъ и писавшій статьи былъ литераторомъ немного потаеннымъ и анонимнымъ, то въ этомъ подражала ему вся семья его, сплошь писавшая стихи, и дѣлавшая переводы. Печатались рѣдко, но всетаки печатались, и главнымъ образомъ въ журналахъ Измайлова. Жена Ѳедора Семеновича въ дѣвицахъ тоже что то печатала въ „Благонамѣренномъ“, но безъ подписи.

Настоящимъ литераторомъ, попавшимъ въ исторію литературы, оказался братъ Владиміръ Ивановичъ, писавшій идилліи и закончившій свои труды интересными воспоминаніями. Книжка „Идиллій“, не касаясь содержанія, любопытна для насъ, какъ попытка дать красивое иллюстрированное изданіе.

---

[1]) Къ сожалѣнію, эти комплекты позднѣе были уничтожены на фейерверки!

[2]) Едва ли не въ родствѣ съ Надеждой Васильевной былъ и Н. И. Страховъ, литераторъ, издатель „Сатирическаго вѣстника“ и цѣлаго ряда книжекъ. О немъ, между прочимъ, см. замѣчанія Де-Пуле въ его „Отецъ и сынъ“ („Русскій Вѣстникъ“, 1875 г., томъ CXVIII).

[3]) Объ Александрѣ Васильевичѣ Страховѣ, жившемъ въ Нармонкѣ, Тетюшскаго уѣзда Казанской губерніи, много разсказываетъ В. А. Панаевъ въ началѣ своихъ „Воспоминаній“ („Русская Старина“ за 1893 годъ). Тамъ же описанъ и Иванъ Васильевичъ Страховъ, владѣвшій частью села Танкѣевки Спасскаго уѣзда (Казанской губ.). По словамъ В. А. Панаева, его двоюродный братъ Иванъ Ивановичъ Панаевъ, получившій по раздѣлу Танкѣевку, продалъ ее, чтобы имѣть средства на изданіе задуманнаго имъ журнала „Современникъ“.

тались. Только комплекты „Сѣверной Пчелы“ крѣпостные мастера [illegible] [1]).

На весьма немногихъ книжкахъ имѣется простая подпись: „Федоръ Лихачевъ“.

Но [illegible] не мало книжекъ носятъ автографическія надписи р[illegible] знакомыхъ, интересныя потому, что это родство состоял[illegible] близко соприкасавшихся [illegible] литературой.

Те[illegible] Панаева — Надежда Васильевна — была урожденная Страхова [2]) и приходилась родной сестрой Александру [3]) [illegible] Ивану Васильевичамъ Страховымъ [illegible] камъ Г. Р. Державина [illegible] Надежда Васильевна [illegible] живала [illegible] съ „дядюшкой“ поэтомъ и вельмож[illegible] Панаевъ [illegible] красным[illegible] статы быть литераторомъ [illegible] много [illegible] мымъ, то въ этомъ подражала ему вся сем[illegible] писавшая стихи, и дѣлавшая переводы. Печатал[illegible] печатались, и главнымъ образомъ въ жур[illegible] Измайлова. Жена Өедора Семеновича въ дѣвицахъ [illegible] что-то печатала подъ „[illegible]“, но безъ подписи.

Нас[illegible] литераторамъ, [illegible] въ исторію литературы, о[illegible] Панаевъ Ивановичъ, писавшій идилліи [illegible] интересными воспоминаніями. Книжка [illegible] содержанія, [illegible] насъ, к[illegible] иллюстрированная [illegible].

---

[1]) Къ сожалѣнію, эти комплекты позднѣе были уничтоже[illegible]

[2]) Едва ли не въ родствѣ съ Надеждой Васильевной бы[illegible] Страховъ, литераторъ, издатель „Сатирическаго вѣстника“ и [illegible] книжекъ. О немъ, между прочимъ, см. замѣчанія Де-Пуле въ его „Отеч[illegible]“ („Русскій Вѣстникъ“, 1875 г., томъ CXVIII).

[3]) Об[illegible] Александрѣ Васильевичѣ Страховѣ, [illegible] тюшскаго [illegible] губерніи много разсказывалъ [illegible] чалѣ своих[illegible] „[illegible] Старина“ [illegible] Иванъ Васильевичъ Страховъ, владѣвшій частью села Танкѣевки Спасскаго уѣзд[illegible] И. А. Панаева, его [illegible] Иванъ Ива[illegible] Танкѣевку, [illegible] чтобы имѣ[illegible] журнала „Современникъ“.

Владиміръ Ивановичъ

ПАНАЕВЪ

(р. 6 Ноября 1792, ум. 20 Ноября 1859 г.).

Всѣ свои печатныя произведенія Владиміръ Ивановичъ посылалъ сестрѣ и ея мужу, иногда въ двухъ экземплярахъ, каждому отдѣльно, сопровождая соотвѣтствующими надписями. Въ перепискѣ состоялъ, повидимому, до самой смерти.

Прилагаемый портретъ Владиміра Ивановича едва ли не самый ранній его портретъ [1]).

Воспроизведенный портретъ писанъ масляными красками и находится среди фамильныхъ портретовъ въ собраніи автора. Надо думать, что портретъ написанъ вскорѣ послѣ свадьбы В. И. Панаева. Б. Федоровъ въ своемъ „Воспоминаніи“ упоминаетъ о другомъ портретѣ, болѣе позднемъ (вѣроятно съ него и сдѣлана литографія) „художникъ Тырановъ, лѣтъ за 18, снялъ съ него превосходный портретъ, въ которомъ замѣтно сохранилось сходство съ подлинникомъ, до послѣднихъ лѣтъ его жизни“ (стр. 13). Значитъ портретъ Тыранова изображалъ В. И. Панаева приблизительно 49 лѣтъ.

Подарковъ Владиміра Ивановича Панаева Лихачевымъ въ Полянской библіотекѣ довольно много. Отмѣтимъ, между прочимъ:

„Любезному брату Федору Семеновичу Лихачеву въ знакъ памяти и дружбы отъ сочинителя. 30 Декабря 1823. Казань“ на брошюрѣ: „Похвальное слово свѣтлѣйшему князю Голенищеву-Кутузову Смоленскому“ [2]).

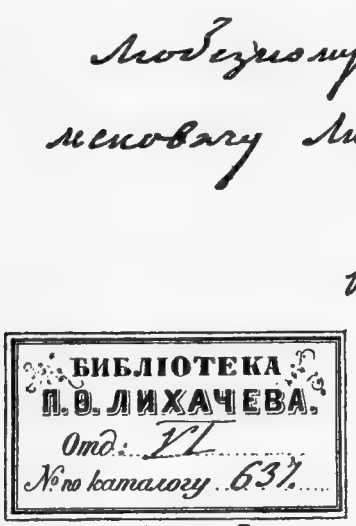
„Идилліи“ свои В. И. Панаевъ подарилъ обоимъ супругамъ по экземпляру и съ одинаковой надписью.

Ѳедоръ Семеновичъ Лихачевъ, еще мальчикомъ влюбившійся въ свою будущую супругу и связавшій дѣдовскую дружбу родствомъ, былъ очень друженъ со всѣми Панаевыми и сблизился, между прочимъ, и съ семьею своякa Ѳедора Михайловича Рындовскаго.

По спеціальности своей Ѳедоръ Михайловичъ былъ врачъ. Сынъ священника, дослужившагося до потомственнаго дво-

[1]) Владиміръ Ивановичъ Панаевъ род. 6 ноября 1792 года въ городѣ Тетюшахъ, ум. 20 ноября 1859 года въ Харьковѣ. Литографированный портретъ Владиміра Ивановича Панаева, изображающій его въ очень пожилыхъ годахъ, приложенъ къ брошюрѣ Б. Федорова: „Владиміръ Ивановичъ Панаевъ, воспоминаніе съ обозрѣніемъ его идиллій“ (С.-Петербургъ, типогр. Имп. Акад. Наукъ. 1860. 8⁰. 47 стр.). У инженера Б. Н. Казина (внука сестры В. И. Панаева Глафиры Ивановны Лихачевой) имѣется большая фарфоровая ваза Императорскаго завода съ портретомъ В. И. Панаева, также въ пожилыхъ лѣтахъ, съ орденомъ св. Владиміра на шеѣ.

[2]) „Историческое похвальное слово Свѣтлѣйшему князю Голенищеву-Кутузову Смоленскому, читанное въ С.-Петербургскомъ Вольномъ Обществѣ Любителей Словесности Декабря 5 1821 года, членомъ онаго Владиміромъ Панаевымъ. Санктпетербургъ. Въ Типографіи Н. Греча. 1823“. (Заглав. листъ и 52 нумеров. стр. in 8⁰).



Автографъ Владиміра Ивановича Панаева.

рянства, онъ послѣ Черниговской Семинаріи [1]) поступилъ въ Медико-Хирургическую Академію, которую и окончилъ успѣшно (лѣкарь съ 7 Апрѣля 1805 года, штабъ-лѣкарь съ 18 Мая 1809 года). Въ 1811 году (9 Сентября) былъ откомандированъ въ Казанскую губернію въ Тетюшское Рекрутское Депо, переведенъ вмѣстѣ съ этимъ учрежденіемъ въ Таганрогъ, 16 Апрѣля 1815 года назначенъ въ „Казанскую военную Гошпиталь", 24 Марта 1819 года уволенъ по болѣзни отъ службы (съ правомъ ношенія военно-медицинскаго мундира).

Въ Казани Рындовскій познакомился съ семьей Панаевыхъ и въ 1818 году женился на Поликсенѣ Ивановнѣ (1789—1848), второй дочери Ивана Ивановича Панаева [2]).

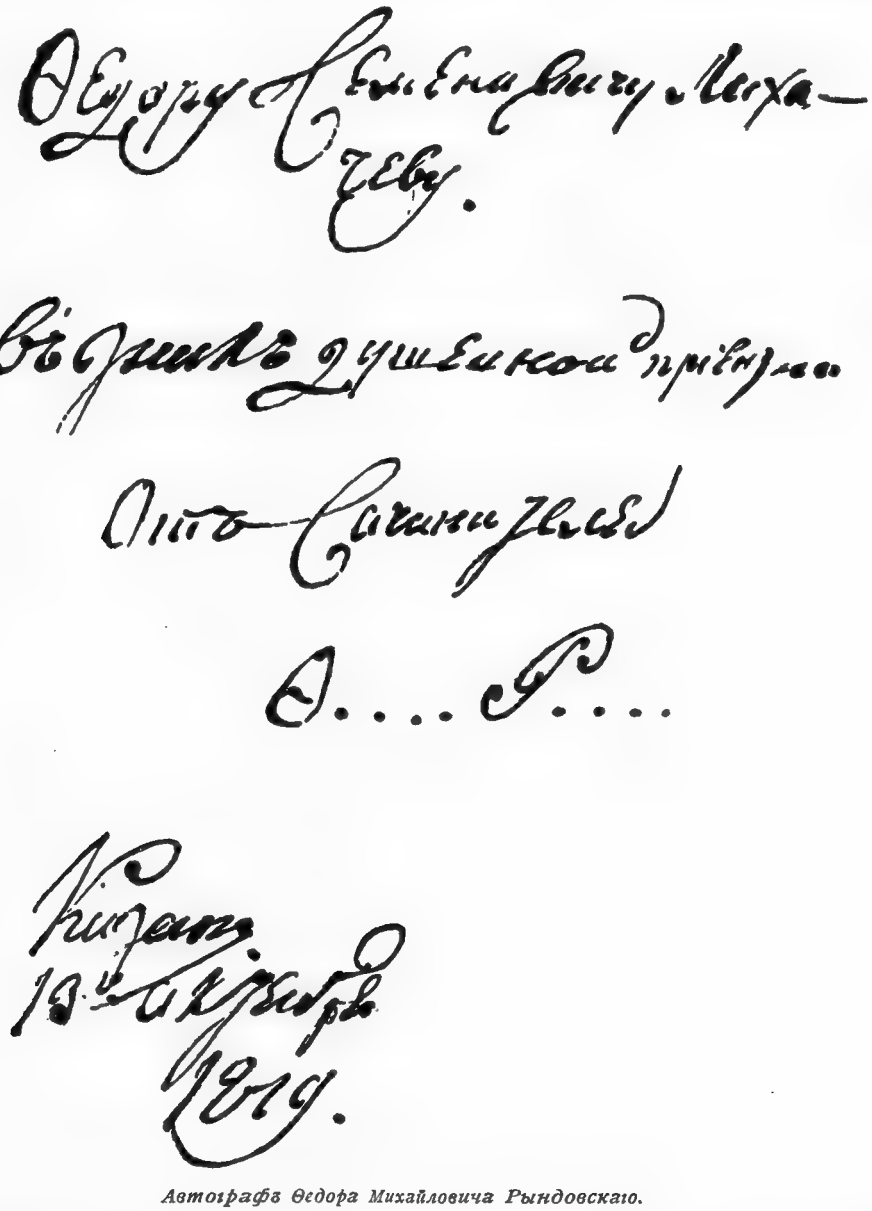
Чета Рындовскихъ унаслѣдовала, кстати сказать, вмѣстѣ съ имѣніемъ вдовы Ивана Ивановича — „племянницы" Гавріила Романовича Державина — Надежды Васильевны весь архивъ Панаевыхъ. Въ этомъ архивѣ, между прочимъ были многочисленныя письма Державина и его краткій дневникъ, веден-

[1]) Первое стихотвореніе Рындовскаго и написано въ Черниговѣ. Авторъ настоящей статьи пользовался послужнымъ спискомъ, находящимся у внука Ѳедора Михайловича, Ипполита Александровича Рындовскаго, нынѣ члена Государственной Думы.

[2]) 28 Апрѣля 1819 года родился сынъ Александръ, 9 Іюля 1821 года сынъ Иванъ.

ный въ юности — и все это сгорѣло неиспользованнымъ въ началѣ 1890-хъ годовъ, оставшись неизвѣстнымъ Я. К. Гроту.

Въ запискахъ Второва (И. А.) — неоднократно упоминается семейство Рындовскихъ. Это былъ литературный домъ, со-



Автографъ Ѳедора Михайловича Рындовскаго.

перничавшій съ салономъ Фуксовъ. Отецъ Второвъ благодаритъ сына за дружбу съ сыномъ Ѳ. М. Рындовскаго и совѣтуетъ продолжать ее („Русс. Вѣстн.“, 1875, т. CXVIII, стр. 606—615). Де-Пуле въ этой хроникѣ „Отецъ и сынъ“

очень подробно останавливается на родѣ Рындовскихъ и родствѣ съ Панаевыми и перечисляетъ творенія Ѳ. М. Рындовскаго, извѣстныя ему въ отдѣльныхъ изданіяхъ [1]).

Какъ литературный дѣятель, Ѳедоръ Михайловичъ, конечно, малозначителенъ, но въ свое время онъ напечаталъ въ Казани нѣсколько книгъ и принималъ дѣятельное участіе въ лучшемъ Казанскомъ журналѣ „Заволжскій Муравей“.

Ѳедоръ Михайловичъ конечно поднесъ свое твореніе „Печальные, веселые и унылые тоны моего сердца“ [2]) своему будущему родственнику „въ знакъ душевной пріязни“ еще въ 1819 году.

По тогдашнему обычаю и Ѳедоръ Михайловичъ и его супруга Поликсена Ивановна написали въ Альбомъ Лихачеву прочувственные стихи:

I.

Вездѣ въ Альбомахъ много словъ,
Но мало искренности видишъ.
Вездѣ въ нихъ дружба и любовь,
Повѣришъ — истину обидишъ.
Пріязнь не терпитъ много словъ,
Безъ словъ въ ней сердце говорливо.
Будь веселъ духомъ, будь здоровъ,
Люби друзей, живи щастливо,
Вотъ все, чего пріязнь моя
Тебѣ, о Лихачевъ! желаетъ,
Не лесть слова сіи сплетаетъ,
Я, какъ родныхъ, люблю тебя.

Гор. Казань.
Генваря 1-го
1818 года.

Ф. Рындовскій.

II.

Ни кистью, ни перомъ — нельзя такъ сходно снять,
Какъ въ мысляхъ я тебя умѣю рисовать:
Любезенъ, добръ, уменъ — съ чувствительной душой
Всякъ скажетъ — мой портретъ сходнѣе всѣхъ съ тобой.

---

[1]) („Русскій Вѣстникъ“, l. c.). Бѣдственное состояніе Рындовскихъ, несчастья, ихъ постигшія и смерть Ѳ. М. Рындовскаго 27 Сентября 1839 года, Де-Пуле описываетъ въ той же статьѣ (см. „Русскій Вѣстникъ“, 1875 г., т. CXIX, стр. 159—160). Рындовскіе продали за безцѣнокъ свой домъ на главной Казанской улицѣ, вдова съ тяжко больнымъ сыномъ переѣхала въ деревню. Были сохранены библіотека и архивъ — въ настоящее время уже, къ сожалѣнію, не существующіе.

[2]) „Печальные, веселые и унылые тоны моего сердца“ (Санктпетербургъ, въ медицинской типографіи. 1809 года) 8°, 61 стр. и 2 стр. ненумеров. (погрѣшности). См. Сопиковъ, № 11806. Имени автора нѣтъ (см. Смирдинъ, № 6641). В. Н. Рогожинъ неправильно называетъ эту брошюру — „книгой“.

Слова сіи за лесть не чти,
Но чувство дружбы въ нихъ прими,
Которую къ тебѣ всегда мы сохранимъ,
А здѣсь желаннымъ заключимъ:
Да будешъ рокомъ ты водимъ
По розамъ лишъ однимъ,
Да будешъ милою любимъ
И шастливъ жребіемъ своимъ.

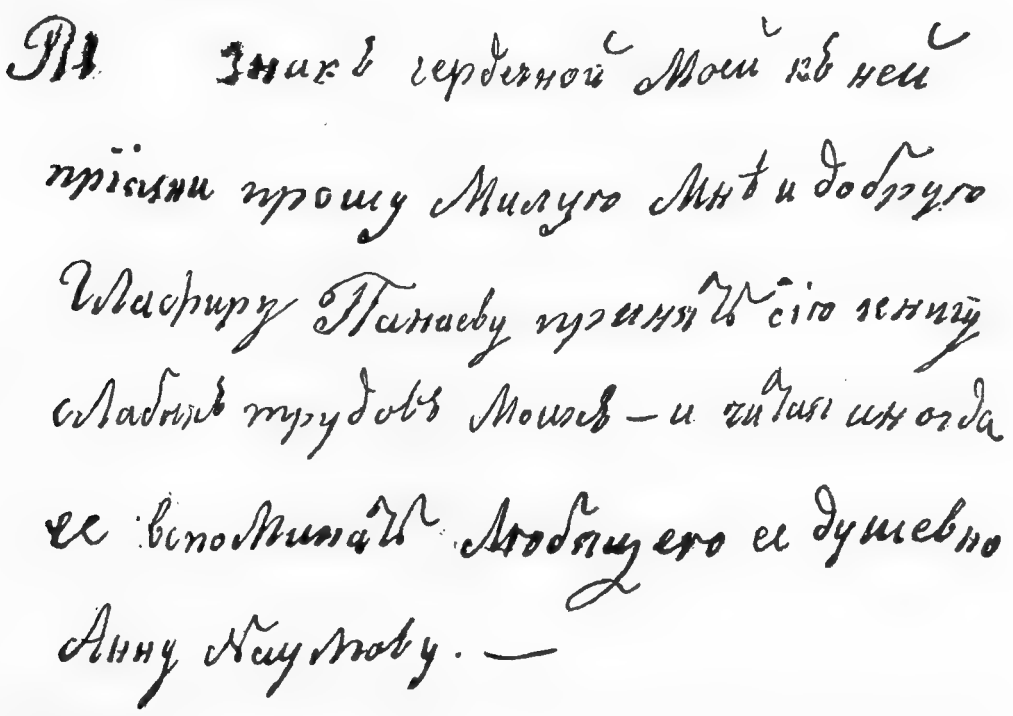
1818 года.
1-го Генваря.

П. Рындовская.

Стихи неважны, для печати не предназначались, что можетъ быть, ихъ улучшило. Они искренни и просты.

Въ первой половинѣ XIX столѣтія въ Казанской губерніи среди мѣстныхъ помѣщицъ явилась „поэтесса“ дѣвица Анна

БИБЛІОТЕКА
П. Ѳ. ЛИХАЧЕВА.
Отд. VI
№ по каталогу 573.



Автографъ казанской поэтессы Анны Александровны Наумовой на ея твореніи „Уединенная Муза закамскихъ береговъ“ (Москва. Универс. типографія. 1819. 8°).

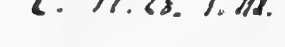
Александровна Наумова[1]). Некрасивая, что надо замѣтить среди этой фамиліи исключеніе, она осталась въ старыхъ дѣвахъ и, можетъ быть, отъ этого отличалась нѣкоторыми странностями.

Глафира Ивановна Лихачева была въ большой дружбѣ съ казанской поэтессой и получила отъ нея экземпляръ ея твореній съ надписью: „въ знакъ сердечной моей къ ней пріязни прошу милую мнѣ и добрую Глафиру Панаеву принять сію книгу слабыхъ трудовъ моихъ — и читая иногда ее вспоминать любящею ее душевно Анну Наумову".

Подъ этимъ автографомъ кѣмъ-то подписано (можетъ быть однимъ изъ братьевъ Глафиры Ивановны):

„Уединенна муза
Закамскихъ береговъ
Ищи съ умомъ союза
И не пиши стиховъ".

Среди сосѣдей Ѳедора Семеновича Лихачева, у него былъ другъ, помѣщикъ, князь Андрей Гундоровъ. Отъ этого друга въ Полянскую библіотеку попалъ, между прочимъ, первый томъ сочиненій Буало, экземпляръ хорошо переплетенный, но безъ заглавнаго и послѣдняго листа. Можно думать, что князь Гундоровъ такъ и пріобрѣлъ книгу уже испорченной. На книгахъ библіотеки князя Гундорова, владѣлецъ помѣчалъ время покупки и сокращенно приписывалъ еще какія то не совсѣмъ понятныя замѣчанія:



Рукописный ex-libris на книгахъ князя Андрея Гундорова.

[1]) Свѣдѣнія объ Аннѣ Александровнѣ Наумовой, между прочимъ, имѣются въ воспоминаніяхъ Валеріана Александровича Панаева (см. „Русская Старина" за 1893 годъ, Сентябрь, стр. 461 — 468). Сестра поэтессы была замужемъ за княземъ Хованскимъ. Черезъ это родство И. А. Второвъ, знакомый съ семьей кн

Князья Гундоровы были давними сосѣдями Лихачевыхъ. Около 1770 года капитанъ князь Андрей Гундоровъ владѣлъ въ селѣ Матвѣевкѣ 47 душами крестьянъ. Князь Андрей Александровичъ Гундоровъ былъ членомъ Казанскаго Общества Любителей Русской Словесности и какъ другъ Ѳедора Семеновича, въ альбомѣ его написалъ шутливое стихотвореніе съ интереснымъ указаніемъ на свою газетную дѣятельность:

„Желающій теперь вписаться въ твой Альбомъ
Былъ нѣкогда писцомъ,
Бухгалтеромъ, секретаремъ,
Уѣзднымъ стряпчимъ, офицеромъ,
Въ пѣхотѣ, въ конницѣ служилъ
И цѣлой мѣсяцъ былъ,
О рокъ! въ Казани газетеромъ.
Быть можетъ, скоро онъ пойдетъ въ краю чужомъ
Мириться съ мачихой судьбою,
Искать пріюту и покою.
Досужею порою,
Открывши твой альбомъ,
Ты вспомни иногда о немъ.

К. Гундоровъ“.

Указаніе князя Гундорова на свою газетную дѣятельность можетъ относиться только къ первой Казанской газетѣ „Казанскія извѣстія“.

У Семена Александровича Лихачева кромѣ сына Ѳедора была еще дочь Екатерина, проведшая раннее дѣтство въ Полянкахъ.

Сестра Ѳедора Семеновича—Екатерина Семеновна родилась 14 Мая 1799 года. На десятомъ году отвезли ее въ Петербургъ и помѣстили въ Екатерининскій институтъ, въ 1828 году она вышла замужъ за полковника Ивана Петровича Юрьева (ум. 2 Іюня 1868 года, 68 лѣтъ)[1]). По выходѣ замужъ жила въ Орловской губ. въ с. Бастыевѣ и тамъ скончалась 10 Ноября 1864 года. Естественно, что немного книгъ могла она оставить Полянской библіотекѣ. Память объ Екатеринѣ Семеновнѣ сохранилась, напримѣръ, въ ея учебникѣ съ надписью, сдѣланной гувернанткой:

Хованскаго, познакомился и съ Анной Александровной Наумовой, проживавшей въ Казани и пользовавшейся извѣстностью и какъ „литераторша“, и какъ чудачка въ теченіе многихъ лѣтъ.

[1]) Отъ этого брака родилась дочь Варвара (въ Окт. 1829 года) и сынъ Николай (род. 1841 — ум. 10 Сент. 1871). Варвара Ивановна Юрьева вышла замужъ за Егора Дмитріевича Алферова и имѣла многочисленную семью. Чета Юрьевыхъ и потомъ чета Алферовыхъ жили и умерли въ сельцѣ Бастыевѣ, Орловской губ. Мценскаго уѣзда, а погребены при церкви села Бѣленькова.

„Cette grammaire appartienne à Mad-elle Catherine Lihatchev“ [1]).

Не дѣтской рукою подписана и „Нѣмецкая азбука“, купленная для Екатерины Семеновны на новый 1808 годъ [2]). Можетъ быть это рука матери или также воспитательницы.

Ѳедоръ Семеновичъ недолго владѣлъ Полянками, воспаленіе легкихъ свело его въ могилу 14 Октября 1835 года, всего на сороковомъ году жизни. Осталась многочисленная семья малолѣтнихъ сиротъ, изъ которыхъ старшему, будущему моряку, Ивану Ѳедоровичу — было всего девять лѣтъ.

Вдова Глафира Ивановна взяла бразды правленія и держала ихъ крѣпко и долго. Только послѣ освобожденія крестьянъ произведенъ былъ раздѣлъ между братьями Лихачевыми, а властная старуха удалилась жить въ Свіяжскъ въ монастырь.

Хозяйственная дѣятельность Глафиры Ивановны была весьма плодотворна. Она возстановила благосостояніе семьи, живя и занимаясь исключительно деревней. Для многочисленныхъ дѣтей понадобились комнаты — помѣщеніе библіотеки было сокращено. Рядъ шкапиковъ еще остался въ кабинетѣ, но большая часть книгъ попала въ огромные турецкіе диваны, окружавшіе билліардъ въ билліардной, въ которой кромѣ книгъ помѣщался еще только огромный органъ, игравшій „Славься симъ Екатерина“ и мотивъ изъ „Титово милосердіе“.

Глафирѣ Ивановнѣ было не до книгъ, но тѣмъ не менѣе выписывались „Московскія вѣдомости“ и, конечно, родственный „Современникъ“. Книги пріобрѣтались, но значительная часть ихъ была увезена изъ Полянокъ.

Среди сыновей Глафиры Ивановны выросталъ Андрей Ѳедоровичъ — археологъ и нумизматъ, унаслѣдовавшій прародительскія страсти.

Его собранія и библіотека образовали Лихачевскій Музей въ Казани [3]).

Андрей Ѳедоровичъ, съ разрѣшенія матери, постепенно увезъ изъ Полянокъ нѣсколько фамильныхъ портретовъ, всѣ миніа-

---

[1]) На книжкѣ „Principes de la langue française, extraits de la grammaire de Wailly“ (SPB. 1806. 12º).

[2]) „Новая нѣмецкая азбука, купно съ сокращенною нѣмецкою этимологіею; также съ прибавленіемъ разныхъ изрѣченій, употребительныхъ въ разговорахъ, помощію которыхъ молодые люди въ скоромъ времени могутъ научиться говорить по нѣмецки чисто и правильно. Иждивеніемъ Матвѣя Глазунова. Москва. Въ Губернской Типографіи у А. Рѣшетникова. 1806 года“. (3-е изданіе, 8º, 112 стр. Первое изданіе, М. 1787. 8º указано у Сопикова подъ № 1809).

[3]) Біографія А. Ѳ. Лихачева изложена В. К. Трутовскимъ въ изданіи „Труды Московскаго Нумизматическаго. Общества“ Второй полутомъ (М. 1898. 4º), стр. 225-230.

тюры, часть печатей, документовъ, писемъ и часть книгъ [1]). Самъ онъ, съ молодыхъ лѣтъ составляя личную библіотеку, былъ въ дѣятельныхъ сношеніяхъ съ И. И. Панаевымъ, Н. А. Некрасовымъ, Д. В. Григоровичемъ и имѣлъ книги съ ихъ автографами.

Въ Полянкахъ осталось нѣсколько книжекъ только послѣ одного изъ братьевъ — именно старшаго — Ивана Ѳедоровича Лихачева (ум. 15 Ноября 1907 года), личности котораго недавно „Морской сборникъ“ посвятилъ длинную статью [2]). Иванъ Ѳедоровичъ съ самаго ранняго дѣтства былъ подготовляемъ для поступленія во флотъ и книги дарились ему, какъ будущему моряку.

Въ 1815 году Ѳедоръ Семеновичъ ѣхалъ въ Петербургъ съ Владиміромъ Ивановичемъ Панаевымъ, черезъ двадцать пять лѣтъ такое же путешествіе на долгихъ совершили Иванъ Ѳедоровичъ съ другимъ Панаевымъ — Валеріаномъ Александровичемъ.

Валеріанъ Александровичъ Панаевъ разсказываетъ: „Въ Полянкахъ было рѣшено тоже, что вмѣстѣ съ Иваномъ Ивановичемъ (Панаевымъ) поѣдетъ и сынъ тетки, только что поступившій въ Морской Кадетскій Корпусъ, двоюродный мой братъ, Иванъ Ѳедоровичъ Лихачевъ, находившійся на лѣто въ отпуску, бывшій впослѣдствіи командиромъ броненоснаго флота и затѣмъ агентомъ морскаго вѣдомства въ Лондонѣ и Парижѣ... Изъ Казани мы поѣхали въ двухъ экипажахъ, въ одномъ Иванъ Ивановичъ съ женою, а въ другомъ я съ Лихачевымъ...“ („Воспоминанія В. А. Панаева“ въ „Русской Старинѣ“, 1893 годъ, Сентябрь, стр. 469—471).

Немногія книги въ Полянской библіотекѣ остались отъ вице-адмирала Ивана Ѳедоровича Лихачева, покинувшаго родительскій домъ навсегда еще мальчикомъ.

Дядя Владиміръ Ивановичъ Панаевъ даритъ девятилѣтнему племяннику курсъ математики: „Геометрію“ (соч. Николле) [3]) съ пожеланіемъ быть адмираломъ.

Другой дядя (и тоже, какъ и Панаевъ, поэтъ) Ѳедоръ Михайловичъ Рындовскій даритъ сочиненіе Н. Давыдова

---

[1]) Книги попали въ библіотеку музея, фамильныя вещи находятся въ настоящее время у наслѣдниковъ А. Ѳ. Лихачева (ум. 11 Августа 1890 г.) — вдовы его Раисы Ивановны и сыновей Александра, Ѳедора и Алексѣя.

[2]) За 1912 годъ, № 11 (Ноябрь) и отд. отт. Портретъ, приложенный къ статьѣ, снятъ съ фотографіи, сдѣланной съ И. Ѳ., когда тотъ былъ контръ-адмираломъ, до зачисленія въ свиту.

[3]) Издана въ С.-Петербургѣ. 1833. 8⁰.

„Сцены на морѣ“ [1]) также съ надписью, какъ будущему моряку.

Самъ И. Ѳ. Лихачевъ подписывалъ въ юности свои книги „принадлежитъ Ивану Лихачеву“ [2]).

Если отъ братьевъ Лихачевыхъ, дѣтей Ѳедора Семеновича, и отъ самой Глафиры Ивановны въ Полянской библіотекѣ осталось мало книгъ, имъ лично принадлежавшихъ, то за то Глафира Ивановна обогатила эту библіотеку значительнымъ количествомъ книгъ изъ Новосильцовскаго наслѣдства.

Въ то время, какъ Лихачевы торопились жениться въ самыхъ юныхъ годахъ и поколѣніе смѣнялось поколѣніемъ, младшій братъ Маріи Яковлевны Новосильцовой въ замужествѣ Лихачевой — Василій имѣлъ позднее потомство въ лицѣ двухъ сыновей Ивана и Александра. Оба умерли бездѣтными, при чемъ были въ полномъ раздѣлѣ имущества со времени около 1800 года. Александръ Васильевичъ умеръ послѣднимъ въ 1840 году.

За отсутствіемъ прямыхъ потомковъ, наслѣдниками являлись — потомство родной тетки (Лихачевы) и родной бабушки (графы Шереметевы — потомство второго ея мужа). Лихачевы какъ прямые потомки не только этой бабушки, но и дѣдушки, естественно являлись къ наслѣдству ближайшими и Глафира Ивановна, которая вела процессъ съ необыкновенной энергіей и настойчивостью, въ концѣ концовъ его выиграла. Дѣтямъ ея достались огромныя имѣнія, когда то въ 1702 году проданныя Алексѣемъ Тимоѳеевичемъ Лихачевымъ стольнику Новосильцову.

Родственныя связи съ Новосильцовыми Лихачевы дѣятельно поддерживали все время. Б. А. Модзалевскій издалъ письмо И. Е. Великопольскаго отъ 3 Марта 1832 года къ женѣ и тещѣ, въ которомъ, между прочимъ, значится: „Получивъ пригласительную записку отъ Новосильцова, я поѣхалъ къ нему ночевать. Тамъ нашелъ его родственниковъ: Горчакова съ женою и Юрьеву; послѣдняя, рожденная Лихачева, очень милая женщина и родная племянница Гаврилѣ Ивановичу Осокину. И Горчаковы, и она на дняхъ отъ Новосильцова отправляются и, быть можетъ, проѣздомъ черезъ Москву, будутъ у Васъ“ (И. Е. Великопольскій“. Спб. 1902. 8°, см. стр. 50).

---

[1]) Издана въ С.-Петербургѣ. 1835. 8° (но форматъ 12 стр. въ листѣ).

[2]) Надпись на брошюрѣ „Брюсовъ календарь“ (М. 1825. 8°), по кат. П. Ѳ. Лихачева, отд. III, № 86.

Алексѣй Горчаковъ былъ женатъ на дочери Александра Логиновича Маріи, а Юрьева была внука Александра Логиновича—Екатерина Семеновна, рожденная Лихачева. Самъ Великопольскій былъ въ свойствѣ съ Лихачевыми:

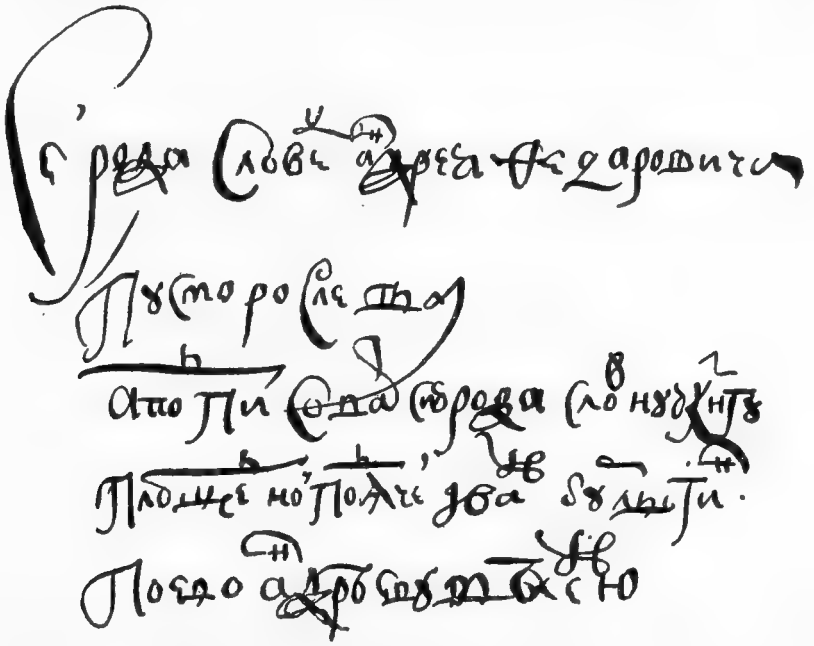
	Лихачевъ Александръ	Осокинъ Иванъ Петровичъ	Великопольскій Ермолай
Горчаковъ Алексѣй ∞ Марія.	Семенъ ∞ Прасковья.	Гавріилъ ∞ Прасковья.	Иванъ.
	Екатерина Юрьева.		

Много вещей перевезла Глафира Ивановна къ себѣ въ Полянки и можно пожалѣть, что не все, такъ какъ огромный домъ-дворецъ послѣдняго Новосильцова черезъ нѣсколько лѣтъ сгорѣлъ со всѣмъ содержимымъ.

Изъ Новосильцовскаго наслѣдства только часть книгъ попала въ Полянки, но между ними также подмѣчается цѣлая генеалогія: и въ селѣ Ивановскомъ каждое поколѣніе, между прочимъ, и въ библіотекѣ оставляло слѣды своего пребыванія на землѣ, слѣды страстей своихъ и вкусовъ.

Самымъ любопытнымъ пріобрѣтеніемъ Полянской библіотеки изъ Новосильцовскаго наслѣдства является одна рукопись, снабженная нѣсколькими рукописными ex-libris.

Въ до-Петровской Руси очень часто люди и весьма грамотные приказывали подписывать принадлежность книги на



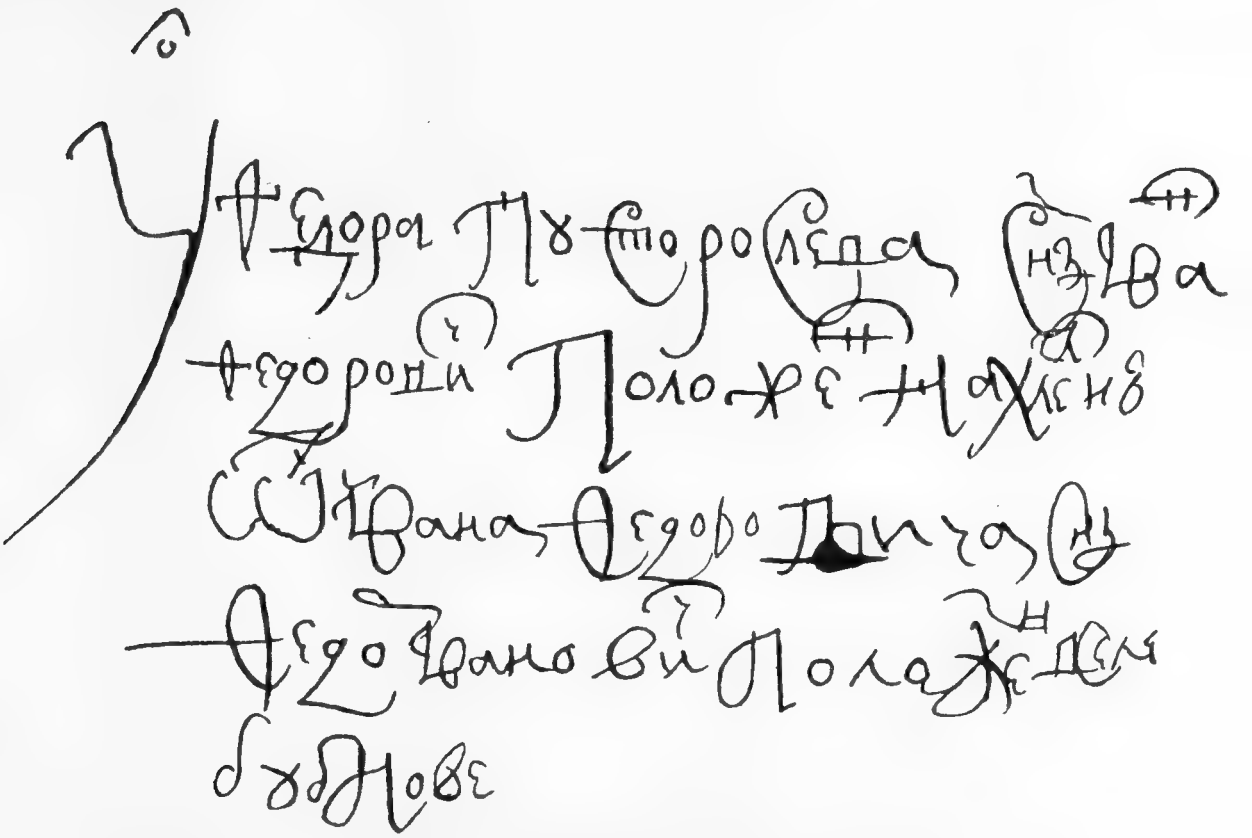
Рукописный ex-libris Андрея Ѳедоровича Пусторослева на принадлежавшемъ ему родословцѣ.

свое имя кому нибудь изъ своихъ служащихъ. Весьма многіе изъ такихъ старѣйшихъ рукописныхъ ex-libris отнюдь не могутъ считаться автографами.

Любопытный образецъ представляютъ надписи именно на этомъ рукописномъ „Родословцѣ“, попавшемъ къ Новосильцевымъ отъ родичей ихъ Пусторослевыхъ [1]). На переплетномъ листѣ передъ текстомъ рукописи читаемъ:

„Сей родасловец Андрея Ѳедоровича Пусторослева [2]), а подписовал сию родасловную книгу площедной подъячей Иван Бурлыгин по ево Андрѣеву вѣленью“.

На переплетномъ листѣ позади рукописи размашистымъ почеркомъ записано: „У Ѳедора Пусторослева сынъ Иванъ



Запись на родословной книгѣ, принадлежавшей Андрею Ѳедоровичу Пусторослеву.

[1]) Рукопись описана въ книгѣ Н. Лихачева: „Разрядные дьяки XVI вѣка“ (Спб. 1888. 8⁰), стр. 394—395. По каталогу П. Ѳ. Лихачева, отд. IV, № 148.

[2]) Андрей Ѳедоровичъ Пусторослевъ упоминается въ писцовыхъ книгахъ конца XVI вѣка (Писцовыя книги, изд. И. Г. О., ч. I, отд. 2, стр. 825).

Ѳедоровичъ(ь) положенъ на Хлебнѣ (?) [1]) Отъ Ивана Ѳедоровича сынъ Ѳедоръ Ивановичъ(ь) положенъ въ селе Бубнове".

Новый владѣлецъ родословца Новосильцевъ подписался по листамъ уже своеручно, что онъ и отмѣтилъ, намекая на не автографическій ex-libris Пусторослева.

„Сия книга родословная Артилере(и) подпорутчика Ѳуръманскаго правления Якова Алексеева сына Новосилцова, а подписал я сам своею рукою... 1731 году Ноября 10 дня".

Конечно, этотъ Яковъ Алексѣевичъ Новосильцевъ—родной отецъ Маріи Яковлевны Лихачевой—могъ подарить рукопись своему зятю Логину Ивановичу Лихачеву. Однако такое предположеніе маловѣроятно.

Если бы самъ Логинъ Ивановичъ и не удосужился написать о такомъ дарѣ, то Александръ Логиновичъ непремѣнно написалъ бы свой ex-libris, который онъ ставилъ на всѣхъ самыхъ обыкновенныхъ книжкахъ. Да и кромѣ того извѣстно, что всѣ книги, принадлежавшія Логину Ивановичу, погибли вмѣстѣ съ домомъ, сожженнымъ Пугачевцами.

Такимъ образомъ почти несомнѣнно, что рукопись унаслѣдована Лихачевыми лишь въ сороковыхъ годахъ XIX вѣка.

Какимъ же образомъ „родословецъ" — написанный для Андрея Ѳедоровича Пусторослева въ первые года царствованія царя Михаила Ѳеодоровича—попалъ къ Новосильцевымъ.

Выясненіе родства Новосильцевыхъ съ Пусторослевыми ведетъ насъ въ самую глубь XVI столѣтія, мало того—къ началу этого вѣка.

Въ 1534—35 (7043) году архимандритъ Чудова монастыря Іона съ братіею написали въ купчей: „...купили есмя у Оксиньи у Михайловой дочери Пусторослева *Бубновского* у Дмитріевой внуки Олександровой деревню Лазорево, отца ея вотчину въ Зубцовскомъ уѣздѣ въ волосте въ Шешмѣ..." [2]).

Пусторослевъ „Бубновской" несомнѣнно изъ тѣхъ, что владѣли и хоронились въ селѣ Бубновѣ. И Бубново, и Хлепень мы найдемъ и теперь въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Зубцова [3]); Лазарево также находится по близости.

Пусторослевы, вотчинники изъ рода Тверскихъ бояръ Бороздиныхъ, изъ поколѣнія въ поколѣніе жили въ Зубцовскомъ уѣздѣ и въ „Гербовое дѣло" представили справку, между прочимъ, изъ Зубцовскаго уѣзднаго суда.

[1]) Можетъ быть „Хлепню".
[2]) Грам. Колл. Экон., по Зубцову, № 4826/8 (7043).
[3]) Списки населенныхъ мѣстъ, Бубново, № 4780 (въ 8 верстахъ), Хлепень, № 4694 (въ 25 верстахъ), Лазарьево, № 4644 (въ 28 верстахъ).

Судя по приведенной нами цитатѣ, „Оксинья“ Пустослева была дочь „Михайлова“ и „Дмитреева внука Олександрова“. Толкованіе, что она дочь Михаила Дмитріевича, является натяжкой — стояло бы вмѣстѣ „Михайлова дочь Дмитріевича Александрова“. Такого Пустослева мы не найдемъ ни въ актахъ, ни въ родословныхъ. Такъ какъ отецъ Аксиньи извѣстенъ по другимъ документамъ, то недоразумѣніе можетъ быть выяснено вставкой одного имени — Аксинья была дочь „Ѳедорова Михайлова“.

„Дмитрій Александровичъ“ является ея дѣдомъ съ другой стороны — съ материнской.

Въ 1551 — 52 (7060) году вотчинникъ Зубцовскаго уѣзда Титъ Дмитріевъ сынъ Александровича продалъ въ монастырь вотчину свою деревню Горки, что купилъ у Александра Карачева дѣдъ его Александръ Игнатьевичъ [1]). Сынъ боярскій Зубцовскаго уѣзда Дмитрій Александровичъ Игнатьевъ не разъ встрѣчается въ документахъ этого уѣзда и между прочимъ, касающихся Пустослевыхъ [2]) и именно Аксиньи.

Эти Игнатьевы — повидимому, не происходили изъ рода Плещѣевыхъ, какъ другой понынѣ существующій родъ [3]). Какого они корня — не будемъ углубляться [4]). Для насъ довольно отмѣтить родословіе Аксиньи Пустослевой слѣдующимъ образомъ:

Игнатій	Андрей Бороздинъ
Александръ	Василій
Дмитрій	Михаилъ
Титъ. N. ∞	Ѳедоръ Пустосль
	„Аксинья“

[1]) Грам. Колл. Экономіи, по Зубцову, № 4831/13 (7060).

[2]) Ibidem, №№ 4822/4 (7034), 4825/7 (7040), 4826/8 (7043), 4832/14 [(7066) упом.]. Около 1540 года онъ владѣлъ селомъ Ивановскимъ-Романово и не служилъ, потому что былъ „очень старъ“ (П. К. XVI в., I, стр. 232 — 233).

[3]) Въ пятомъ колѣнѣ отъ Бяконта — былъ Игнатій Константиновичъ Плещѣевъ. Отъ него Игнатьевы, но были еще и Игнатьевы-Плещѣевы. Конечно и родословіе Плещѣевыхъ-Игнатьевыхъ не можетъ считаться безусловно полнымъ въ томъ видѣ, какъ записано въ официальномъ родословцѣ. Такъ напримѣръ, около (до) 1516 года Ростовскіе вотчинники — „Никита Кошка Даниловъ сынъ Игнатьева-Плещѣева“, да „Иванъ Игнатьевъ сынъ Плещѣевъ и сынъ его Шарапъ“, да „Истома да Тишка Петровы дѣти Игнатьева-Плещѣева“ продали вотчины свои Андрею Петровичу Плещѣеву [Грам. Колл. Экон. Доп. опись, по Кашину, № 1 (7024)]. Въ родословныхъ эта вѣтвь именуется просто Плещѣевыми, вмѣсто Истомы (вѣроятно прозвище) стоитъ Степанъ, Андрея Петровича Плещѣева нѣтъ, а есть Ананія Петровичъ. Но во всякомъ случаѣ родословіе записано прекрасно. Родоначальникъ этой линіи Игнатьевыхъ-Плещѣевыхъ — Игнатій Ивановичъ Плещѣевъ послухъ на мѣновной, 1447 — 1453 г.г., см. Акты Бѣляева, № 6 (по Дмитрову).

[4]) Припомнимъ послуха „Игнатей Михайловичъ“ на купчей князя Дмитрія Юрьевича Шемяки — до 1440 года, см. Мейчикъ, № 69.

Что „Аксинья“ дочь Ѳедора Пусторосля или Пусторослева, это мы узнаемъ изъ актовъ по продажѣ ею тому же Чудову монастырю вотчины — села Муханова съ деревнями.

Въ 1532 году Аксинья была уже вдовою Ивана Шелая Григорьевича Новосильцова и продала свою вотчину вмѣстѣ съ своими дѣтьми Ѳедоромъ, Антономъ и Степаномъ. Въ числѣ послуховъ были братъ Иванъ Ѳедоровичъ Пусторослевъ и племянникъ Григорій Васильевъ сынъ Ѳедоровича [1]).

Роднымъ внукомъ этого Ивана Ѳедоровича и былъ Андрей Ѳедоровичъ Пусторослевъ, владѣлецъ родословной книги, на которой вышеприведенная надпись удостовѣряетъ, гдѣ похоронены братъ и племянникъ Аксиньи, а владѣльца рукописи дѣдъ и отецъ.

Отъ Ивана Шелая Новосильцова — родъ не пошелъ, всѣ три сына Аксиньи не оставили потомства, при чемъ младшій убитъ былъ подъ Казанью [2]).

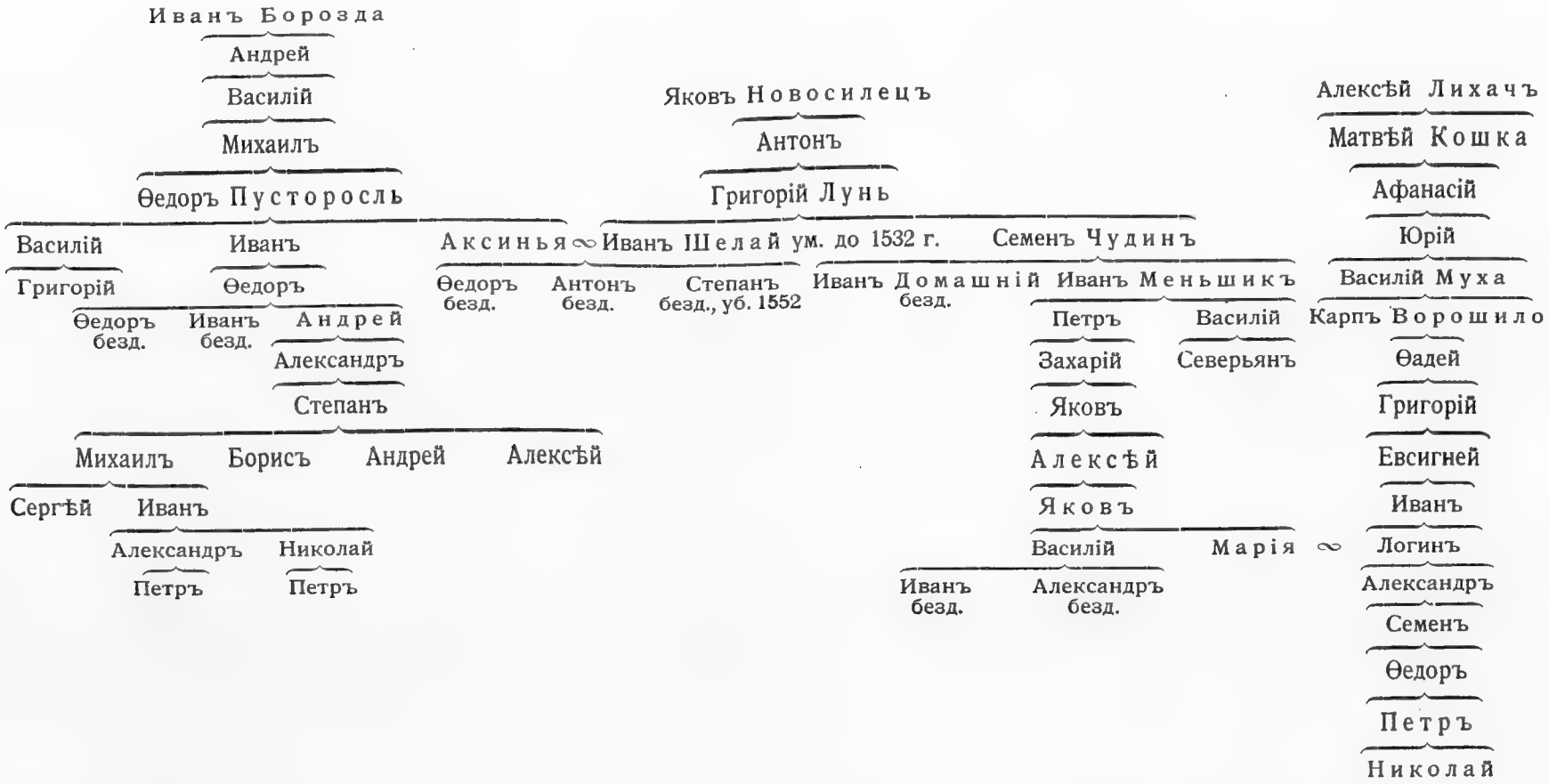
Родъ Новосильцовыхъ пошелъ отъ родного брата Ивана Шелая — отъ Семена Чудина и Яковъ Алексѣевичъ Новосильцовъ, владѣлецъ рукописи въ 1731 году, происходилъ отъ Семена Чудина по прямой линіи. Несомнѣнно, что „Родословецъ“ достался Новосильцовымъ по родству (свойству) и знакомству, но едва ли по наслѣдству, какъ перешелъ онъ къ Лихачевымъ. Дѣло въ томъ, что Андрей Ѳедоровичъ Пусторослевъ имѣлъ потомство и оно проживало въ томъ же уѣздѣ, гдѣ находилось купленное Новосильцовыми отъ Алексѣя Тимоѳеевича Лихачева — село.

Во всякомъ случаѣ родословная таблица родства (см. стр. 74), отъ кого и какъ Пусторослевскій родословецъ могъ переходить на протяженіи почти трехъ столѣтій къ нынѣшнему владѣльцу, представляетъ нѣкоторый интересъ и сама по себѣ.

Для русскихъ библіотекъ большая рѣдкость — фактъ нахожденія книги у сородичей въ теченіе цѣлаго десятка поколѣній!

[1]) Грам. Колл. Экон., по Зубцову, № 4824/6 (7040), № 4825/7 (7040). Купчая писана 6 февраля 1532 года.

[2]) См. Синодикъ Успенскаго собора, описаніе Казанскаго памятника и т. д. Ѳедоръ и Антонъ Ивановы дѣти Шелаевы Новосильцова являются послухами на купчей 20 іюня 1539 года [см. Грам. Колл. Экон., Зубцовъ, № 4827/9 (7047)].



Таблица, какимъ образомъ „Родословецъ“, рукопись, принадлежавшая Андрею Ѳедоровичу Пусторослеву, перешла къ Николаю Петровичу Лихачеву.

На экземплярѣ изданія „Побѣждающая крѣпость“ (Москва. Февраль 1709 года, большая десть) [1]) находится надпись:

„Сия книга и(н)женерная о строени апрошей и приступовъ и протчих крепостей полевой артилерѣи горпорала Якова Алеѳеева сына Новосильцова, а досталась ему от тестя ево Ѳедора Ивановича Змеева 1728 году Марта 18 числа“.

Надпись, любопытная для провѣрки, какъ записывались иногда въ общежитіи родственныя отношенія. Яковъ Алексѣевичъ Новосильцовъ былъ женатъ на княжнѣ Анастасіи Степановнѣ Борятинской. Ѳедоръ Ивановичъ Змѣевъ не былъ тестемъ, а только вторымъ мужемъ тещи.

Змѣевскій экземпляръ „Побѣждающей крѣпости“ позволяетъ внести дополненія къ описаніямъ нашихъ библіографовъ.

П. П. Пекарскій (см. № 152) [2]), А. Ѳ. Бычковъ (№ 9) [3]) и въ недавно вышедшемъ трудѣ А. В. Петровъ (№ 9) [4]) описали „Побѣждающую крѣпость“ изданія 1709 года по подлинникамъ совершенно тожественно. Такой тонкій наблюдатель, какъ А. Ѳ. Бычковъ, не могъ не обратить вниманія на появленіе въ этомъ изданіи шрифта новой формы: буквы „П“ и „Д“ имѣютъ новую форму; „S“ замѣняется „З“.

По мнѣнію А. Ѳ. Бычкова новыя буквы появились первый разъ именно въ этой книгѣ.

На самомъ дѣлѣ вышло нѣкоторое недоразумѣніе. „Побѣждающая крѣпость“ и „Повѣренные воінскіе правіла“ были изданы in folio въ 1709 году и переизданы почти строка въ строку въ 1710 году, при чемъ годъ былъ измѣненъ только въ „Повѣренныхъ правилахъ“, а въ заглавіи „Побѣждающей крѣпости“ остался старый 1709. Буквы новой формы появляются въ перепечаткѣ 1710 года.

Экземпляръ стольника Ѳ. И. Змѣева—оригинальное изданіе 1709 года, а экземпляры, описанные Пекарскимъ, Бычко-

---

[1]) Кат. П. Ѳ. Лихачева, отд. III, № 180. Экземпляръ соотвѣтствующій по описанію Пекарскаго, №№ 151 и 152. Пекарскій отмѣтилъ подъ № 179 „Повѣренные воинскіе правила“ переизданія въ Февралѣ 1710 г. и не указалъ переизданія „Побѣждающей крѣпости“. „Побѣждающая крѣпость“ была переиздана съ тѣми же отмѣнами въ шрифтахъ, что и „Правила“, но случайно вмѣсто „1710“ годъ оставленъ 1709.

[2]) П. Пекарскій: „Наука и литература при Петрѣ Великомъ“, т. II (Спб. 1862. 8⁰), стр. 210.

[3]) А. Ѳ. Бычковъ: „Каталогъ хранящимся въ Императорской Публичной Библіотеки изданіямъ, напечатаннымъ гражданскимъ шрифтомъ при Петрѣ Великомъ“ (Спб. 1867. 16⁰), см. № 9.

[4]) А. В. Петровъ: „Библіотека А. В. Петрова—собраніе книгъ, изданныхъ въ царствованіе Петра Великаго“ (Спб. 1913. 8⁰).

ПОБѢЖДАЮЩАЯ КРѢПОСТЬ

КЪ СЧАСТЛІВОМУ ПОЗДРАВЛЕНІЮ

СЛАВНОІ ПОБѢДЫ НАДЪ ASOBЫMЪ,
І КЪ СЧАСТЛІВОМУ ВЪѢЗДУ
ВЪ МОСКВУ.

ЕГО

ЦАРСКОМУ

ВЕЛІЧЕСТВУ

ПОКОРНѢІШЕ ПОДНЕСЕНО

Отъ Ерїста Фрідерїха Барона, фонъ боргсдорфа,
Цесарского Велїчества Рїмского, настояще
учрежденнаго началного Інженера.
Въ лѣто Господне, 1696.

Заглавіе книги «Побѣждающая Крѣпость» въ оригинальномъ изданіи 1709 года.

ПОБѢЖДАЮЩАЯ КРѢПОСТЬ

КЪ СЧАСТЛІВОМУ ПОЗДРАВЛЕНІЮ

СЛАВНОЇ ПОБѢДЫ НАДЪ АЗОВЫМЪ,
І КЪ СЧАСТЛІВОМУ ВЪѢЗДУ
ВЪ МОСКВУ.

ЕГО

ЦАРСКОМУ

ВЕЛІЧЕСТВУ

ПОКОРНѢЙШЕ ПОДНЕСЕНО

Отъ Ерїста Фрідеріха барона, фонъ боргсдорфа,
Цесарского Велічества рімского, настоящє
учрежденнаго началного Інженера.
Въ лѣто Господне, 1696.

Заглавіе книги «Побѣждающая Крѣпость» въ изданіи 1710 года, но съ обозначеніемъ года перваго изданія in folio — 1709.

вымъ и Петровымъ *всѣ* перепечатка 1710 года, сходная съ особенностями изданія „Повѣренныхъ воинскихъ правилъ“ того же года.

Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно обратить вниманіе на слово „поздравленіе“ въ прилагаемыхъ двухъ клише [стр. 76 и 77].

Очень подробны записи на книгахъ Василія Яковлевича Новосильцова.

На экземплярѣ извѣстной „Книга Языкъ“ [1]) надписано:

„Куплена 1762 года Марта 14 дня в Москвѣ. Исъ переплету вышла 16-го Марта переплетчикъ былъ I. Ridiger. Принадлежитъ S. Second-Lieutenant Wasiley Навосилцовъ“.

На первомъ томѣ книги „Новой Телемакъ“ [2]) сдѣлана подобная же надпись:

„Сія книга новой Телѣмакъ куплена в Москвѣ на Спаскомъ мосту, дана одинъ рубль дватцать пять копѣкъ 1763 года Генваря 11 дня.

Принадлѣжитъ подпорутчику Василью Навосилцову“.

На книжкѣ „Геройской духъ и любовныя прохлады Густафа Вазы, короля Шведскаго (Перевелъ съ Французскаго Е. Х.)“ [3]) надпись сдѣлана даже дважды и, что необходимо отмѣтить, разными почерками:

„Сія книга принадлежитъ подпорутчику Василью Навосилцову изъ наилучшихъ книгъ его библіотеки. Куплена в Санктпетербургѣ на Морскомъ рынке, дана 70 копеекъ с переплетомъ. Августа 11 дня 1768 года.

Прочтена 28 Августа“.

Можно думать, что автографомъ является крупный, разгонистый почеркъ надписей 1763 и 1768 годовъ.

Мы можемъ сравнить этотъ почеркъ съ несомнѣннымъ автографомъ Василья Яковлевича на закладной (заемномъ письмѣ) 1747 года, но сравненіе затрудняется тѣмъ, что эта послѣдняя своеручная подпись сдѣлана въ очень юномъ возрастѣ [4]).

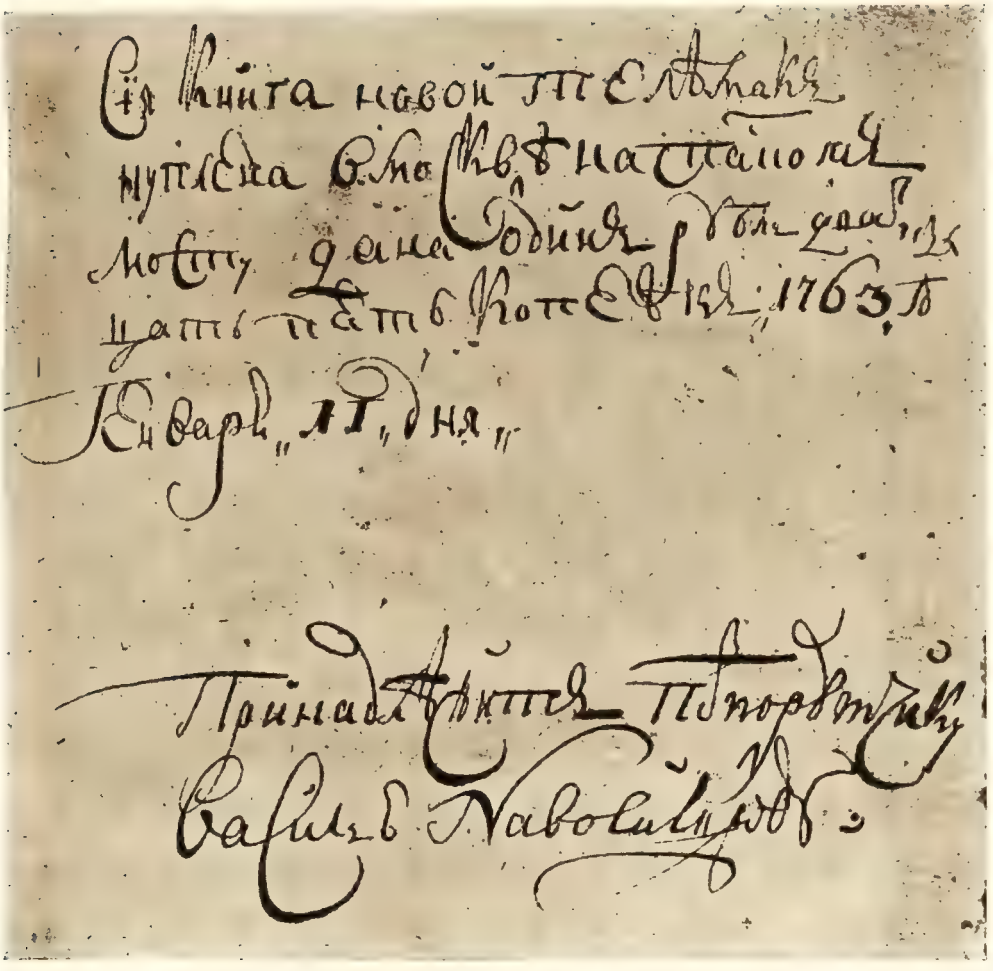
---

[1]) „Книга языкъ; переведена съ французскаго Сергѣемъ Волчковымъ“ („Въ Санктпетербургѣ при Императорской Академіи Наукъ 1761 года“). 8⁰. Сопиковъ, № 5214 (съ ошибкою въ годѣ).По каталогу П. Ѳ. Лихачева, отд. VIII, № 42.

[2]) „Новой Телемакъ или путешествія и приключенія графа *** и сына его, съ Французскаго на Россійской языкъ въ пользу и увеселеніе общества переведенныя“. Часть I. Въ С.-Петербургѣ при Сухопутномъ Шляхетномъ Кадетскомъ Корпусѣ, 1761. 8⁰. Сопиковъ, № 11758 (3 ч. Спб. 1761—62. 8⁰). По каталогу П. Ѳ. Лихачева, отд. VI, № 601.

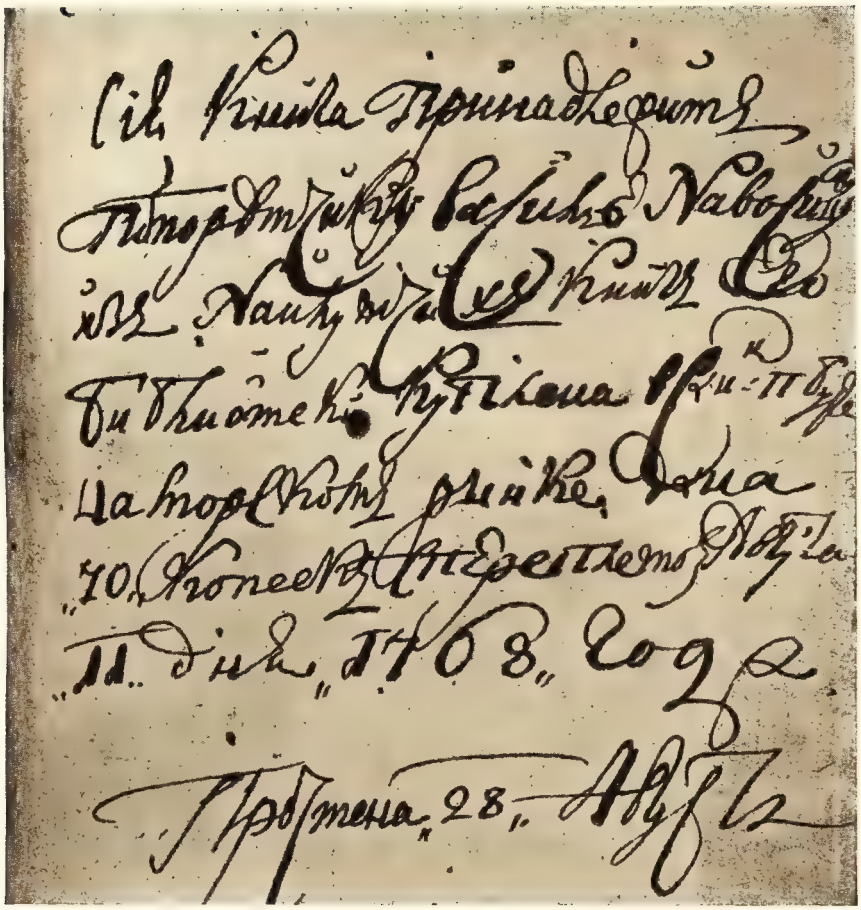
[3]) „Въ Санктпетербургѣ, 1764 года“. 8⁰. Сопиковъ, № 3534. Каталогъ П. Ѳ. Лихачева, отд. VI, № 146.

[4]) Закладная (заемное письмо) на 200 рублей Прасковьи Петровны Змѣевой у внуки ея Марьи Яковлевны Лихачевой (родной сестры Василія Яковлевича Новосильцова). Подлинникъ въ фамильныхъ бумагахъ автора.

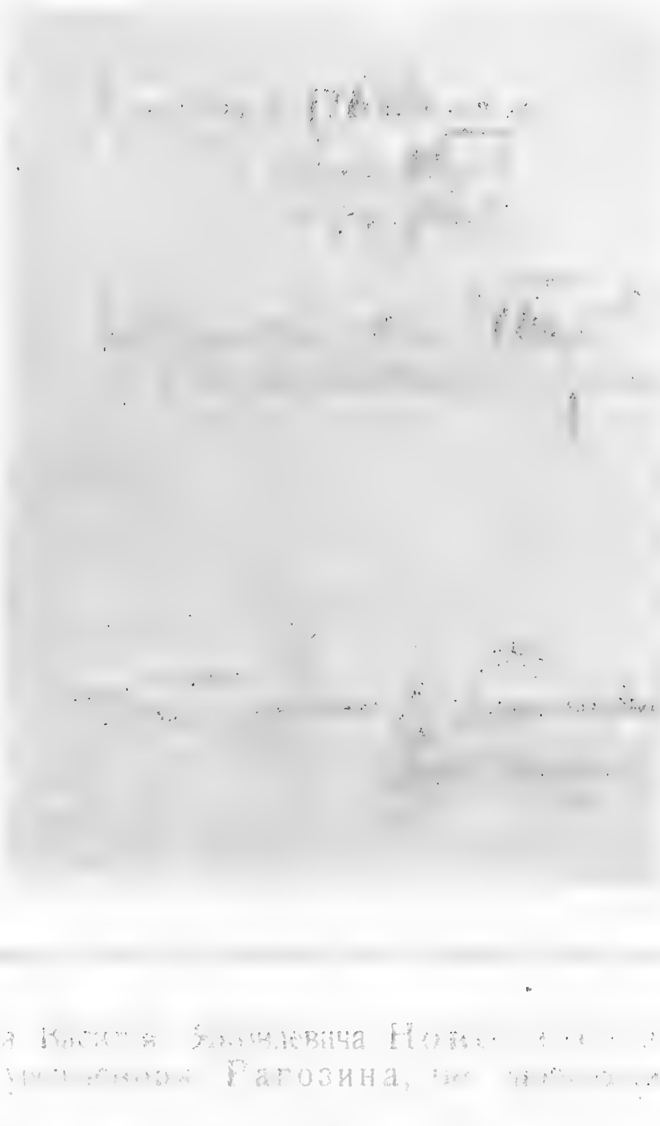


Рукописный ex-libris Василія Яковлевича Новосильцева [1].

[1]) На книгѣ „Новой Телемакъ“, ч. I (Спб. 1761. 8º).



Рукописный ex-libris Василія Яковлевича Новосильцева.



Супруга [illegible] [illegible]вича Нов[illegible] [illegible]катерина [illegible] Рагозина, [illegible] надписывать [illegible]

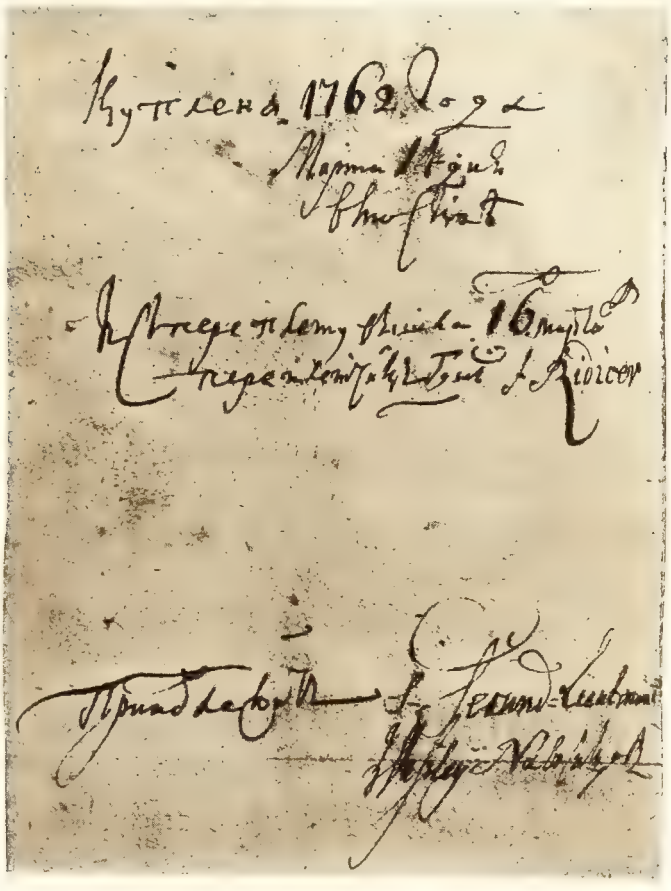
[illegible]а [illegible], содержащей копію съ „[illegible]ментъ или ду[illegible] [illegible] натора Василія [illegible] Татищева сыну ево статскому совѣтнику Евграфу [illegible] Татищеву“ [2]) надписано:

„[illegible] сана 1781 году Іюня 7 дня“

---

1) На „Книга Языкъ“ (Спб. 1761. 8⁰).

2) По каталогу П. Θ. Лихачева, отд. IV, № 178. Татищевы были породнившись съ Новосильцовыми и понятно, почему рукопись интересовала Екатерину Ивановну.



Надпись на книгѣ изъ библіотеки Василія Яковлевича Новосильцева [1]).

Супруга Василія Яковлевича Новосильцова Екатерина Ивановна, урожденная Рагозина, не любила сама надписывать книги.

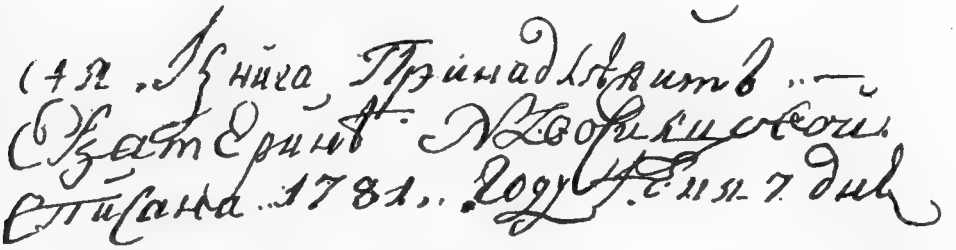
На рукописи, содержащей копію съ „Тестаментъ или духовная покойнаго тайнаго совѣтника и Астраханскаго губернатора Василія Никитича Татищева сыну ево статскому совѣтнику Евграфу Васильевичу Татищеву“ [2]), надписано:

„Сія книга принадлѣжитъ Екатеринѣ Навосилцовой. Списана 1781 году Іюня 7 дня“.

---

[1]) На „Книга Языкъ“ (Спб. 1761. 8⁰).

[2]) По каталогу П. Ѳ. Лихачева, отд. IV, № 178. Татищевы были породнившись съ Новосильцовыми и понятно, почему рукопись интересовала Екатерину Ивановну.

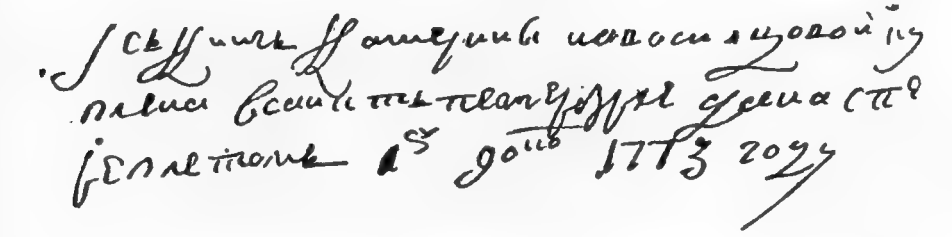


Рукописный ex-libris Екатерины Ивановны Новосильцевой (на рукописи 1781 года).

Надпись на книгѣ „Ядро Россійской Исторіи“ изданія 1770 года[1]) содержитъ свѣдѣнія о мѣстѣ и времени покупки:

„Ісь книгь Катерины Новосилцовой куплена в Санкть петербурхе дана с переплетомь 1 р(*убль*) 90 ко(*пѣекъ*) 1773 году“.

Отъ вышеприведенной записи почеркъ отличается.



Рукописный ex-libris Екатерины Ивановны Новосильцевой[2]).

Дѣвичья фамилія Екатерины Ивановны Новосильцовой позволяетъ опредѣлить и происхожденіе одной рукописи Полянской библіотеки[3]), на которой находится рукописный ex-libris:

„сия кн҃га Івана Рагозина“.

Этотъ Иванъ Рагозинъ былъ отецъ Екатерины Ивановны

Марья Васильевна (Кузьмина). ∞ Иванъ Рагозинъ — Екатерина

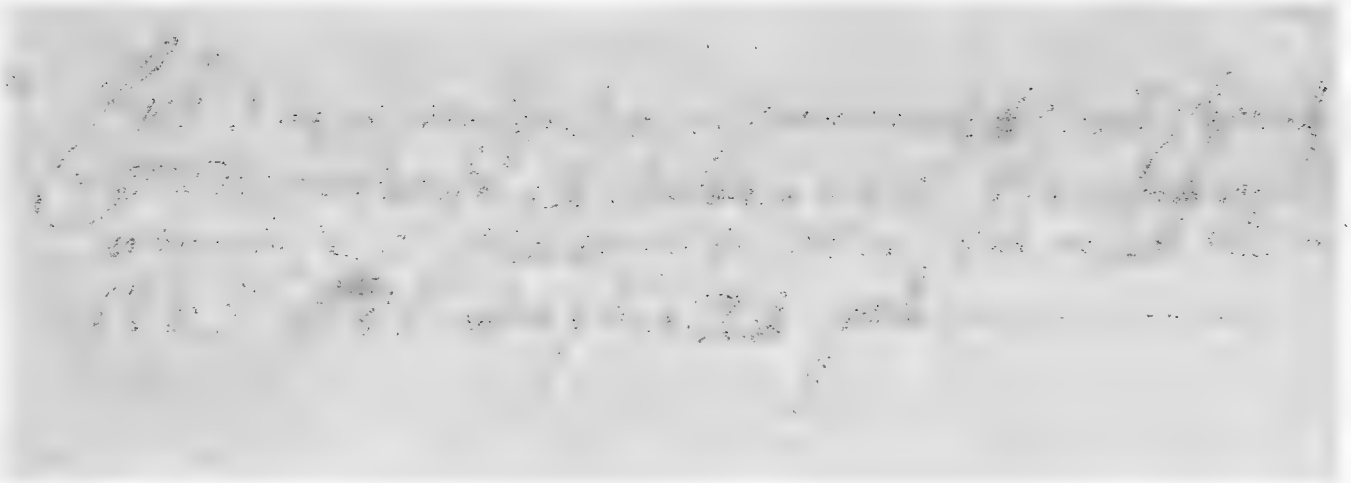
Яковъ Новосильцовъ — Василій. ∞ Екатерина

Рагозинъ давно собиралъ книги. Такъ, напримѣръ, на экземплярѣ „Разсужденіе какіе законные прїчїны его царское

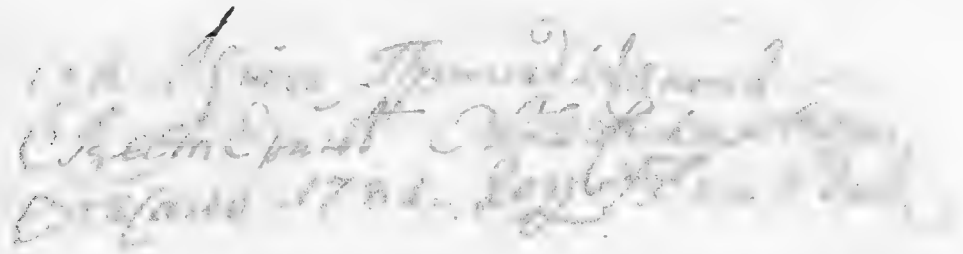
[1]) „Ядро Россійской исторіи, сочиненное ближнимъ стольникомъ и бывшимъ въ Швеціи резидентомъ, князь Андреемъ Хилковымъ...“ („Печатано при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ, иждивеніемъ книгопродавца и Университетскаго Переплетчика Христіана Ридигера, 1770 года“), 8⁰. Сопиковъ, № 12767; Губерти, III, 109. Каталогъ П. Ѳ. Лихачева, отд. IV, № 192.

[2]) На книгѣ: „Ядро Россійской исторіи“ (Манкіева), перваго изданія, М. 1770. 8⁰.

[3]) Рукописный переводъ „О слѣдованіи Іисусу Христу“ (Ѳомы Кемпійскаго), въ десть. Каталогъ П. Ѳ. Лихачева, отд. I, № 12.

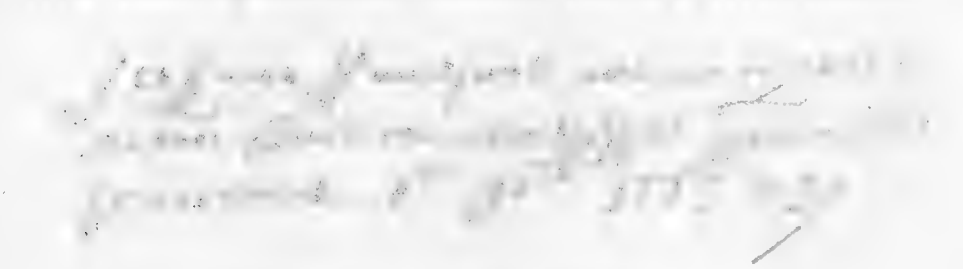


[illegible]
порочною жизнью прославившихся святыхъ мужахъ" (М. 1784. 4°).



Рукописный ex-libris Екатерины Ивановны Новосильцевой (на рукописи 1781 года).

[illegible]



Рукописный ex-libris Екатерины Ивановны Новосильцевой [2]).

[illegible] отеки [3]), на которой находится рукописный ex-libris: [illegible] са Івана Рагозина".

[illegible] Иванъ Рагозинъ былъ отецъ Екатерины Ива-[illegible]

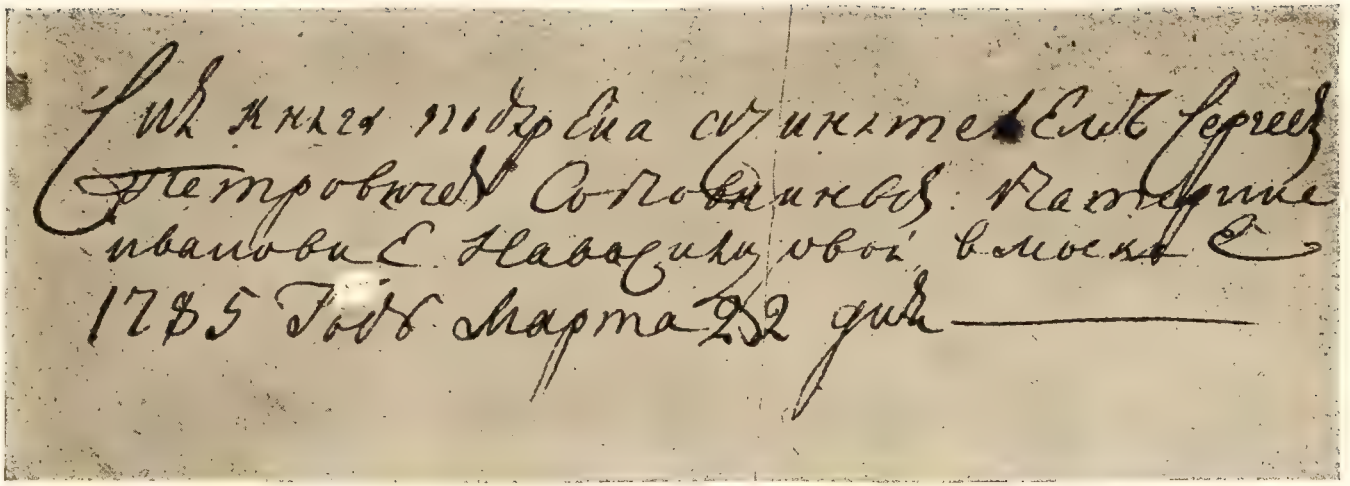
[illegible]	Иванъ Рагозинъ	Яковъ Новосильцовъ
	Екатерина ∞	Василій.

Рагозинъ давно собиралъ книги. Такъ, напримѣръ, [illegible]

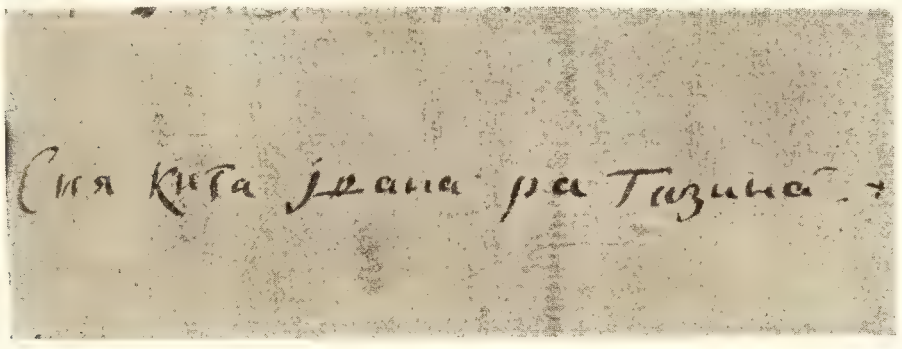
[illegible] III, 109. Каталогъ П. Ѳ. Лихачева, отд. IV, № 192.

[illegible] (Манкіева), перваго изданія, М. [illegible]

[2]) Рукописный переводъ „О слѣдованіи Іисусу Христу" (Ѳомы Кемпійскаго), въ десть. Каталогъ П. Ѳ. Лихачева, отд. I, № 12.



Надпись на книгѣ „Опытъ историческаго словаря о всѣхъ въ истинной православной греко-россійской вѣрѣ святою непорочною жизнью прославившихся святыхъ мужахъ“ (М. 1784. 4°).



Рукописный книжный знакъ Ивана Рагозина [1]).

Велїчество Петръ Первыи...“ (имѣлъ къ начатію войны противъ короля Карла XII) — изданія 1717 года (въ десть) [2]) находится надпись:

„Книга прапорщика Рагозина“ и на послѣднемъ листѣ: „1719-го Маія 8-го куплена сия книга, дана 26 алтынъ 4 денги“.

Рагозинъ, Змѣевъ, Новосильцовъ — такъ роднились между собою книголюбцы еще Петровскаго времени!

Въ числѣ книгъ, поступившихъ въ Полянскую библіотеку изъ книгъ, бывшихъ въ селѣ Ивановскомъ имѣется „Опытъ историческаго словаря о всѣхъ въ истинной православной греко-россійской вѣрѣ Святою непорочною жизнію прославившихся святыхъ мужахъ“ [3]) съ надписью, но не автографомъ автора:

„Сия книга подарена сочинителемъ Сергеемъ Петровичемъ Соковнинымъ Катерине Ивановне Новосилцовой в Москве 1785 году Марта 22 дня“.

Такимъ образомъ книга была подарена Екатеринѣ Ивановнѣ Новосильцовой, супругѣ Василія Яковлевича Новосильцова, родного брата матери Александра Логиновича Лихачева.

Самъ Сергѣй Петровичъ Соковнинъ былъ близкій родственникъ и Новосильцовыхъ, и Лихачевыхъ.

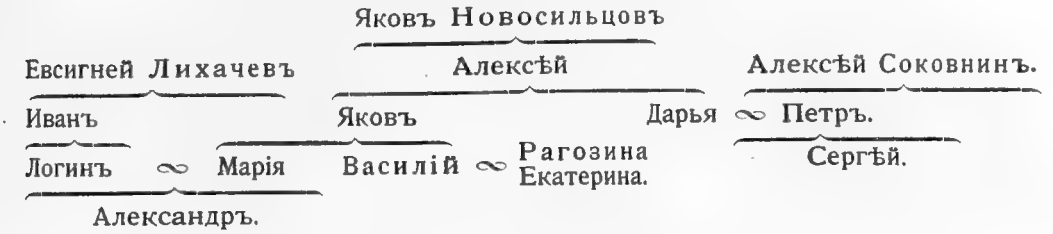
---

[1]) На рукописи половины XVIII столѣтія (Ѳомы Кемпійскаго „о слѣдованіи Іисусу Христу“).

[2]) По кат. П. Ѳ. Лихачева, отд. IV, № 143.

[3]) „Печатанъ въ Москвѣ, въ вольной Типографіи И. Лопухина, съ указнаго дозволенія, 1784 года“ in 4°. Сопиковъ, № 7828. По каталогу П. Ѳ. Лихачева, отд. I, № 115. Что авторомъ этой книги является Сергѣй Петровичъ Соковнинъ — было указано митроп. Евгеніемъ, см. Словарь, II, стр. 173.

Таблица ихъ родства такова:



То есть Сергѣй Петровичъ приходился двоюроднымъ братомъ матери Александра Логиновича Лихачева и брату ея Василію Яковлевичу Новосильцову.

Настоящій автографъ Сергѣя Петровича Соковнина мы можемъ привести по надписи на книжкѣ, подаренной имъ Дарьѣ Григорьевнѣ Мусиной-Пушкиной:

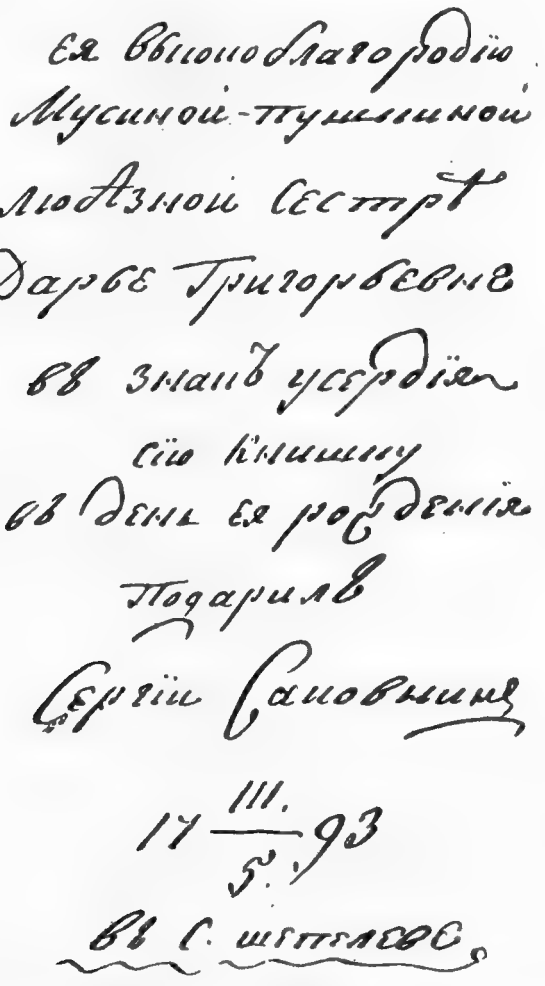
„Ея высокоблагородію Мусиной-Пушкиной любѣзной сестрѣ Дарье Григорьевне въ знакъ усердія сію книшку въ день ея рожденія подарилъ Сергій Саковнинъ. 17$\frac{\text{III}}{\text{i}}$93. Въ с. Шепелеве“ [1]).

Сергѣй Петровичъ Соковнинъ принималъ близкое участіе въ основаніи типографіи въ Ярославлѣ, писалъ и печатался. Установить его автографъ слѣдуетъ, какъ и вообще

---

[1]) Надпись сдѣлана на экземплярѣ (въ библіотекѣ автора настоящей статьи) маленькой книжки: „Примѣръ матерямъ; или приключенія маркизы де Безиръ. Переведено съ французскаго языка Анною Муравьевою. Съ указнаго дозволенія. Печатано 1791 года“. Безъ указанія мѣста печати; одинъ заглавный листокъ, 224 нумеров. стр. и листокъ погрѣшностей, помѣта листовъ по 12 стр. въ листѣ. См. Сопиковъ, № 9011—съ указаніемъ „Тамбовъ. 1791. Въ 8°. 80 к.“ По указанію Смирдина, № 9285 напечатана въ Москвѣ. См. также Сопиковъ, № 8962 съ указаніемъ „Козловъ. 1791. Въ 8°. 80 к.“ Этой книжкой занимались Губерти (II, № 166) и Геннади (т. 2, стр. 350). В. Н. Рогожинъ во второмъ изданіи Сопикова сводитъ всѣ показанія, но вопроса о мѣстѣ печати не рѣшаетъ. Сверка нѣсколькихъ экземпляровъ позволяетъ намъ высказаться, что они всѣ одинаковы. Одно изданіе, одинъ наборъ. Имя дарителя С. П. Соковнина заставляетъ насъ обратить вниманіе на Ярославскую типографію. Книжка „Примѣръ матерямъ“ напечатана мелкимъ бисернымъ шрифтомъ. А сопоставленіе заглавнаго листа описываемой книжки съ заглавнымъ листомъ „Уединеннаго Пошехонца“ наводитъ на размышленіе. Какъ кажется, подмѣчается тожество шрифта, а также любопытна буква „Р“ въ словѣ „Примѣръ“ и въ словѣ „Ярославлѣ“. Эта буква съ рѣзкимъ закругленіемъ очень типична. Однако, подобный шрифтъ можно встрѣтить и въ Тамбовскихъ изданіяхъ. Думается, что рѣшеніе вопроса можетъ быть найдено въ „Реэстрѣ россійскимъ книгамъ, продающимся въ вольной типографіи“ (Тамбовъ. 1793. 8°).

На экземплярѣ книжки, подаренномъ С. П. Соковнинымъ „любезной сестрѣ“ Мусиной-Пушкиной, имѣются еще записи: 1) по листамъ „Александра Мусина-Пушкина“ и 2) на переплетномъ листѣ: „1793 году Апреля 8 числа прочитала я сию книгу въ сельце Часкове“. Дарья Григорьевна Мусина-Пушкина по родословной книгѣ кн. Долгорукова была урожденная Текутьева, первая супруга Александра Семеновича Мусина-Пушкина (р. 1747—ум. 1819).



Автографъ Сергѣя Петровича Соковнина.

желательно было бы составить альбомъ автографовъ писателей и переводчиковъ XVII и XVIII столѣтій [1]).

Изъ села Ивановскаго, надо думать, попали въ Полянки и книги изъ библіотеки Ѳедора Ильича Ладыженскаго.

Среди Тверскаго дворянства находимъ Ѳедора Ильича, у котораго сынъ Илья род. 4 Апр. 1813 года и сынъ Александръ 27 Мая 1817 года [2]).

[1]) Въ отношеніи большихъ писателей факсимилированіе произведено въ значительной степени, но весьма разбросано по разнымъ изданіямъ. Для авторовъ менѣе значительныхъ не сдѣлано почти ничего, а между тѣмъ при изученіи различныхъ списковъ, надписей, поправокъ — сборникъ автографовъ принесъ бы большую пользу изслѣдователямъ и собирателямъ рукописей.

[2]) М. Чернявскій: „Генеалогія господъ дворянъ, внесенныхъ въ родословную книгу Тверской губерніи“ (Тверь. 1869. Тетрадь въ десть и атласъ, продолговатый листъ).

Рукописный книжный знакъ Ѳедора Ильича Ладыженскаго [1].

Илья Ѳеодоровичъ Ладыженскій, умершій въ глубокой старости въ 1811 году, былъ дважды Зубцовскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства [2]. Имѣніе его находилось въ одномъ уѣздѣ съ селомъ Ивановскимъ, принадлежавшимъ Новосильцовымъ. Ѳедоръ Ильичъ Ладыженскій, родившійся 25 Мая 1776 года, былъ большимъ библіофиломъ и тщательно надписывалъ свои книжки.

Обычно Ѳедоръ Ильичъ довольствовался рукописнымъ указаніемъ: „изъ книгъ Ѳедора Ильича Ладыженскаго“, но онъ

[1]) На книгѣ: „Лабиринтъ волшебства.... сочиненіе В. П.“, изданной въ Москвѣ въ 1786 году (8°). Сопик., № 5864. Библіотека П. Ѳ. Лихачева, отд. VI, № 439.

[2]) В. В. Руммель и В. В. Голубцовъ: „Родословный сборникъ русскихъ дворянскихъ фамилій“ (Спб. 1886. 8°), т. I, стр. 494—496.

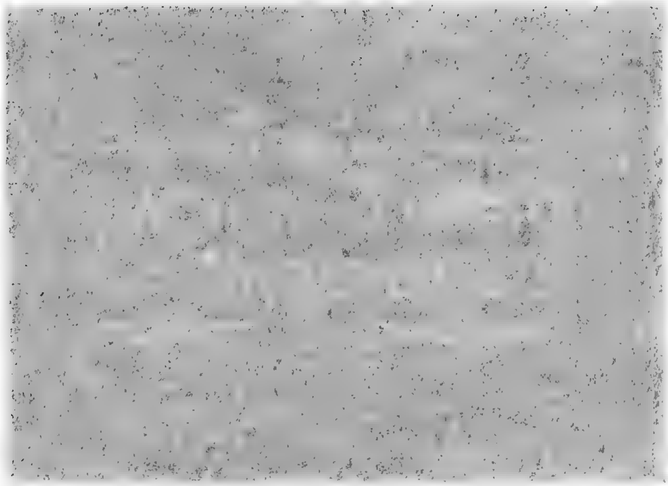
Изъ книгъ Ѳедора Ильича Ладыженскаго.

РОССІЙСКОЕ
ПОСОЛЬСТВО
ВЪ КОНСТАНТИНОПОЛЬ,
1776 года.

СЪ гравированными фигурами.

При Императорской Академіи Наукъ
1777 года.

Рукописный книжный знакъ Ѳедора Ильича Ладыженскаго.



[illegible]

[illegible] женскаго" изъ крупныхъ курсивныхъ буквъ, [illegible] ex-libris. [illegible] переплетный зна[illegible] [illegible] имѣетъ книжка [illegible]

[illegible] Полянки, а вмѣстѣ съ [illegible] млад[illegible]шему сыну Өедора Семеновича [illegible] (р. [illegible] Іюня 1833 — ум. 20 февраля 190[illegible]

Петръ Өедоровичъ недолго [illegible] лейбъ-гвард[illegible] [illegible] штабъ-ротмистромъ.

[illegible] хозяинъ, охотникъ и рыболовъ, онъ всю жизнь прожилъ въ деревнѣ. Только воспитаніе дѣтей связывало его временами съ городомъ. Имѣніе онъ получилъ съ урѣзанными угодьями безъ выкупныхъ денегъ, которыя достались не ему, семья же была огромная. Жизненный путь отнюдь не являлся для него сплошнымъ развлеченіемъ, но пройденъ былъ съ честью и достоинствомъ.

По наклонностямъ своимъ, Петръ Өедоровичъ не былъ археологомъ и собирателемъ книгъ, но книги онъ цѣнилъ и обращался съ ними бережно и любовно. Журналы и газеты складывались на столикѣ стопками, книжки тщательно разрѣ-

Книжный знакъ (super ex-libris) на переплетахъ книгъ библіотеки Ѳедора Ильича Ладыженскаго (род. 25 Мая 1776 года).

имѣлъ для переплетовъ особый штампъ „Ѳедора Ильича Ладыженскаго“ изъ крупныхъ курсивныхъ буквъ, являющійся настоящимъ super ex-libris. Этотъ переплетный знакъ не исключалъ и рукописнаго. Такъ оба ex-libris имѣетъ книжка „Лабиринтъ волшебства“, съ которой сдѣланы клише.

Въ 1862 году, по раздѣлу между братьями Лихачевыми, село Полянки, а вмѣстѣ съ нимъ и библіотека, достались младшему сыну Ѳедора Семеновича Петру Ѳедоровичу (род. 27 Іюня 1833 — ум. 20 февраля 1904 года).

Петръ Ѳедоровичъ недолго служилъ въ лейбъ-гвардіи кирасирскомъ Ея Величества полку и вышелъ въ отставку гвардіи штабъ-ротмистромъ.

Страстный хозяинъ, охотникъ и рыболовъ, онъ всю жизнь прожилъ въ деревнѣ. Только воспитаніе дѣтей связывало его временами съ городомъ. Имѣніе онъ получилъ съ урѣзанными угодьями безъ выкупныхъ денегъ, которыя достались не ему, семья же была огромная. Жизненный путь отнюдь не являлся для него сплошнымъ развлеченіемъ, но пройденъ былъ съ честью и достоинствомъ.

По наклонностямъ своимъ, Петръ Ѳедоровичъ не былъ археологомъ и собирателемъ книгъ, но книги онъ цѣнилъ и обращался съ ними бережно и любовно. Журналы и газеты складывались на столикѣ стопками, книжки тщательно разрѣ-

занными, листки заботливо сложенными. По мѣрѣ накопленія, книги и газеты прятались въ шкапы въ полномъ порядкѣ. А выписывалось не мало: газета столичная, двѣ казанскихъ, два еженедѣльника, нѣсколько толстыхъ журналовъ, изъ которыхъ одинъ историческій, и т. д.

Если бережное отношеніе къ книгамъ объясняется прадѣдовской культурой, то все же поразительно было въ этомъ воспитанникѣ школы гвардейскихъ подпрапорщиковъ необыкновенное уваженіе къ чистой наукѣ, пониманіе ея задачъ и требованій. Замѣчательно и отношеніе къ читаемому.

Воспитаніе и образованіе, которое получилъ Петръ Ѳедоровичъ, естественно дѣлали его, по теперешней терминологіи, „правымъ". Императоръ Николай I умѣлъ очаровывать и порабощать людей, съ которыми встрѣчался. Когда Петръ Ѳедоровичъ подъѣзжалъ на ординарцы, государь, послѣ вопроса о фамиліи, спросилъ: „твой отецъ служилъ въ кавалергардахъ" и на утвердительный отвѣтъ, сказалъ: „я его помню". Это царское „я его помню" произвело потрясающее впечатлѣніе на всю жизнь. Высказывать отрицательное отношеніе къ императору Николаю I въ Полянкахъ не позволялось и предсмертною радостью Петра Ѳедоровича было разрѣзываніе и перелистываніе только что полученнаго труда Шильдера „Императоръ Николай I".

А выписывалъ Петръ Ѳедоровичъ журналы иногда совсѣмъ неподходящаго направленія. Если „Нива", „Всемірная Иллюстрація", „Пчела", „Огонекъ" (существовалъ два года), „Сѣверъ" были безразличны, то „Современникъ", „Дѣло" „Отечественныя Записки", „Голосъ", „Сынъ Отечества", „Недѣля" были органы—по нынѣшнему—лѣвые. Петръ Ѳедоровичъ читалъ ихъ, но имъ не подчинялся и ограничился тѣмъ, что подъ старость призналъ излюбленнымъ чтеніемъ „Историческій Вѣстникъ".

Полянскій деревянный домъ, построенный тотчасъ послѣ Пугачевскаго бунта, достался П. Ѳ. Лихачеву въ очень ветхомъ состояніи. Пришлось его сломать и выстроить новый (законченный въ 1869 году).

При новой постройкѣ, библіотека не была забыта. Въ новый домъ вмѣстѣ съ семьей — въ это время Петръ Ѳедоровичъ былъ уже женатъ на Клавдіи Петровнѣ Андреевой (съ 19 Іюля 1861 года) и имѣлъ дѣтей, — вмѣстѣ съ чадами и домочадцами водворились и книги, и древнее оружіе и старинный фарфоръ. Для книгъ, по примѣру стараго дома, и въ новомъ отведена была

билліардная, съ тою только разницею, что не въ верхнемъ, а въ нижнемъ этажѣ.

Устройство библіотеки началось почти тотчасъ послѣ переѣзда. Дѣятельнымъ сотрудникомъ Петра Ѳедоровича въ разборкѣ книгъ явился братъ жены — Яковъ Петровичъ Андреевъ.

Въ Казани заказаны были три огромныхъ шкапа почти по 6 аршинъ высотою съ передвижными полками. Книги изъ шкаповъ, диванов и сундуковъ постепенно раскладывались на билліардѣ и распредѣлялись по отдѣламъ.

Любопытно то, что два отставныхъ офицера сами выработали систему, очень совершенную въ смыслѣ сохраненія мѣста и удобства отысканія книгъ. Если дѣленіе на отдѣлы и распредѣленіе по нимъ книгъ и брошюръ и не всегда систематично и точно, то использованіе пространства выполнено было блестяще.

Раздѣленныя на отдѣлы книги, въ каждомъ отдѣлѣ подбирались по формату и по формату ставились на полки въ два и три ряда, смотря по размѣру. Книги по полкамъ занумеровывались съ № 1 въ каждомъ отдѣлѣ и ярлычекъ (печатный) съ № наклеивался на корешокъ. На толщѣ полки значилось какіе №№, то есть съ какого по какой, она содержитъ.

Для каталога всѣ книги описывались въ алфавитномъ порядкѣ авторовъ и изданій и въ этомъ порядкѣ вносились въ каталогъ.

Запись каталога велась слѣдующимъ образомъ:

№ по каталогу.	№ по шкапу.	НАЗВАНІЕ КНИГЪ.	Части.	Волюмы.
		ОТДѢЛЪ IV.		
		ИСТОРІЯ, БІОГРАФІЯ И ПИСЬМА.		
1	270	Агапитъ (дьяконъ Констант. Софійской церкви): Царскій свитокъ, посвященный греческому императору Іустину. Перев. В. Рубанъ.	1	1
2	140	Бакмейстеръ: Историческое извѣстіе о изваянномъ конномъ изображеніи Петра Великаго. Перев. Н. Карандашевъ. Спб. 1781.	1	1

Подраздѣленіе на отдѣлы было выработано въ такомъ порядкѣ:

Отдѣлъ I. Богословіе.
Отдѣлъ II. Законовѣдѣніе.
Отдѣлъ III. Языкознаніе.
Математика.
Естествовѣдѣніе.
Философія.
Медицина и ветеринарія.
Сельское хозяйство.
Архитектурные рисунки.
Отдѣлъ IV. Исторія, біографіи и письма.
Отдѣлъ V. Географія.
Статистика.
Путешествія.
Географическія карты, атласы и планы.
Отдѣлъ VI. Литература:
Стихотворенія.
Драматическія произведенія.
Повѣсти. Романы. Сказки.
Отдѣлъ VII. Книги на иностранныхъ языкахъ.
Отдѣлъ VIII. Смѣсь.
Отдѣлъ IX. Періодическія изданія.

Разборъ библіотеки продолжался года два и при немъ часто присутствовалъ авторъ настоящей статьи. Восьмилѣтнимъ мальчикомъ получилъ онъ изъ дублетовъ въ подарокъ изданіе „Книга языкъ“ и эта книжка положила начало его собственному собранію и зажгла наслѣдственную библіофильскую страсть, для которой Полянская библіотека только нѣсколько лѣтъ составляла недоступную, запрещенную область.

Съ пятнадцатилѣтняго возраста пользованіе прадѣдовскими сокровищами стало лучшей утѣхой гимназическаго вакаціоннаго времени.

Для помѣщичьей библіотеки Полянское книжное собраніе было обширно, но съ точки зрѣнія библіографическаго и библіофильскаго матеріала значеніе ея очень сокращалось. Было бы совершенно излишнимъ перечислять хорошія и довольно рѣдкія книги, которыя въ ней находились. Почти всѣ изданія не только извѣстны, но и неоднократно описывались.

П. Ѳ. Лихачевъ не былъ собирателемъ старыхъ книгъ и не пополнялъ описанную имъ прадѣдовскую библіотеку. Онъ

лишь хранилъ ее и хранилъ бережно. Только по просьбѣ старшаго сына нѣсколько книгъ было подарено А. Н. Островскому, какъ, напримѣръ, „Солдатскій пѣсенникъ“ и „Дѣтское чтеніе“. На это были особыя причины.

Въ библіофильскомъ отношеніи Казанское общество конца 1870-хъ и начала 1880-хъ годовъ представляло картину немалаго оживленія.

Если повѣрить современнымъ писателямъ, рисующимъ картины провинціальной жизни, то есть отъ чего ужаснуться.

Все русское общество, а въ особенности провинціальное, обрисовывается въ типахъ звѣриныхъ съ оттѣнками психопатическаго вырожденія. Одинъ молодой авторъ (и, надо сказать, талантливый) спеціально облюбовалъ Поволжье. Подъ прозрачнымъ псевдонимомъ „Мишуки Налымова“ онъ изобразилъ уродливаго героя, окруженнаго рядомъ лицъ одно плачевнѣе другого. Получился злостный шаржъ, передъ которымъ очерки Щедрина и Сергѣя Атавы являются благожелательнымъ смягченіемъ истины.

А въ немногихъ верстахъ отъ „Мишуки Налымова“ прожило свою долгую жизнь существо, явившееся перевоплощеніемъ Юліаніи Лазаревской, какъ бы въ поученіе скептикамъ и изслѣдователямъ легендъ, перевоплощеніемъ еще болѣе одухотвореннымъ и совершеннымъ. Старая дѣва, которая добровольно отказалась отъ личнаго счастья, чтобы воспитать родственныхъ ей младенцевъ, при жизни не знала, что такое собственность, тщательно соблюдала посты и теплила лампаду на деньги, вырученныя отъ собственнаго рукодѣлья. Казалось бы, такой личности можно было возгордиться и обратить на себя вниманіе, но на самомъ дѣлѣ было иначе — полное отсутствіе ханжества, искреннее убѣжденіе въ томъ, что она грѣшница и самое снисходительное отношеніе ко всему окружающему. И поразительнѣе всего — отсутствіе до самой смерти сознанія, что на долгомъ жизненномъ пути въ міру совершенъ подвигъ, съ которымъ не могли бы соперничать многіе монахи и монахини.

Въ то время, какъ оригиналъ „Мишуки“ производилъ свои жалкіе (раздутые до эпическихъ размѣровъ романистомъ) дебоши около одного города, въ другомъ городѣ — столицѣ Поволжья — жило, напримѣръ, скромное высокопросвѣщенное семейство, состоявшее изъ мужа — учителя музыки, жены, дававшей уроки, и двухъ ея сестеръ, старыхъ дѣвицъ, изъ коихъ одна учительствовала, другая была классная дама. Трудились всѣ, несмотря на старость, а все остававшееся свободнымъ время за-

ботились о другихъ. Вѣчно о комъ то хлопотали, кому то старались помочь матеріально и нравственно. Вечеромъ по субботамъ и по праздникамъ постоянно были гости, радушные хозяева угощали и никому не приходило въ голову, чтобы они могли обременить угощавшихъ. Бездѣтная семья весь избытокъ любви перенесла на чужихъ дѣтей, болѣе того — на всѣхъ нуждающихся и обремененныхъ. Если бы кто описалъ жизнь этого учительскаго семейства правдиво и отнюдь не опуская человѣческихъ слабостей — ссоръ, обидъ, огорченій — какъ вся картина была бы непохожа на знаменитую „передоновщину". Правдѣ не повѣрили бы, правда оказалась бы, „творимой легендой"!

Не надо идеализировать провинціальную жизнь да и незачѣмъ, и казанская общественная жизнь семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годовъ изобиловала мелочными дрязгами, борьбой мелкихъ самолюбій, интригами, сплетнями. Не было только того, что такъ старательно проводится теперь въ литературѣ — налета психопатизма и вырожденія.

А главное, среди мелкихъ людей и сѣрой будничной жизни тамъ и сямъ выдѣлялись хорошіе, сильные люди, убѣжденные честные дѣятели, высокіе идеалисты.

Среди этихъ то избранныхъ находились и многочисленные въ то время научные „рыбари" — собиратели-археологи, нумизматы и, болѣе всего, библіофилы.

Большихъ частныхъ библіотекъ въ Казани было не мало. Славилась библіотека Н. Н. Булича, большая историческая библіотека была у Д. А. Корсакова, прекрасная библіотека по археологіи была у А. Ѳ. Лихачева.

Но самымъ интереснымъ кружкомъ лицъ, знакомыхъ другъ съ другомъ, но не связанныхъ въ какое либо оффиціальное общество, было нѣсколько книголюбцевъ, во главѣ которыхъ стояли М. П. Петровскій и А. Н. Островскій.

Проф. М. П. Петровскій старый славянофилъ, читалъ въ Университетѣ лекціи по исторіи славянскихъ народовъ, читалъ научно и подробно, а потому и не производилъ впечатлѣнія на слушателей, которымъ казался чопорнымъ и скучнымъ.

Никогда ни единой фразой лекторъ и не пытался заискать расположеніе студентовъ.

Совсѣмъ другимъ представлялся М. П. Петровскій у себя дома, куда онъ допускалъ немногихъ, жаждущихъ знанія.

Человѣкъ глубочайшей эрудиціи, смиренія, доходившаго до какой то робости печатать свои труды, онъ поражалъ мягкостью характера и необыкновенной деликатностью. Библіотека по сла-

вянству была громадна и рядомъ съ нею обширная библіотека по исторіи русской литературы, русской исторіи вообще. Описанія рукописей, описанія книгъ старопечатныхъ, каталоги книгъ вообще — были подобраны изумительно.

Какъ библіофилъ, М. П. Петровскій стоялъ также, какъ и другъ его А. Н. Островскій, на самыхъ высшихъ ступеняхъ этой страсти, переходящей въ научное знаніе.

Полнота экземпляровъ, количество изданій, ихъ отличіе между собою въ текстѣ и по внѣшности, сохранность обложки — все принималось во вниманіе, все запоминалось и было изучено.

На роскошные переплеты не было средствъ, да и мастеровъ не было въ Казани, но типъ переплета съ гладкимъ кожанымъ корешкомъ, съ тисненой надписью на опредѣленномъ мѣстѣ — былъ выработанъ. Рѣдкія книги М. П. Петровскій переплеталъ самъ, и переплеталъ весьма недурно. Бесѣда о книгахъ производилась обыкновенно разъ въ недѣлю за стаканомъ чая. Носила она своеобразный характеръ, точно будто бы шло собесѣдованіе въ какомъ то особомъ книжномъ храмѣ. Тщательно переплетенныя книги бережно снимались съ полокъ, бережно разсматривались и осторожно ставились на мѣсто. Разъ М. П. Петровскій довѣрялся, книги уже безпрепятственно выдавались и на домъ. Одна такая домашняя бесѣда стоила многихъ университетскихъ лекцій — библіографическія познанія Мемнона Петровича были велики и разнообразны, и онъ не жалѣлъ дѣлиться ими.

Семья Лихачевыхъ была знакома домами съ семьею Островскихъ и видались часто. Сынъ П. Ѳ. Лихачева, увлеченный Полянской библіотекой (его наградныя гимназическія книжки были послѣдними, внесенными въ каталогъ), посѣщалъ Островскихъ по два — по три раза въ недѣлю. А. Н. Островскій былъ библіофилъ той же высоты, что и М. П. Петровскій. Имѣя родныхъ братьевъ — знаменитаго писателя и министра — А. Н. Островскій отъ юности своей зналъ, что дѣлается въ библіофильскихъ сферахъ Москвы и Петербурга, и выработалъ изъ себя не любителя книгъ, а типичнаго ученаго библіофила.

При обширнѣйшихъ библіографическихъ познаніяхъ онъ каждую книжку пріобрѣталъ только съ строго опредѣленной цѣлью. Онъ собиралъ лишь то, что входило въ намѣченныя рамки.

Рамки эти были, однако, широки и разнообразны. Главная работа — исторія русскихъ типографій XVIII столѣтія. Затѣмъ какъ

темы: — 1) „пѣсенники XVIII и начала XIX столѣтій", различныя ихъ изданія и составъ; 2) вопросъ о Біарміи и его литература; 3) трудъ Витзена, его изданія (хотя бы въ краткихъ извлеченіяхъ), полный составъ иллюстрацій и т. д.

Витзена онъ мечталъ переводить и издавать. Такимъ образомъ А. Н. Островскій задавался какъ бы цѣлымъ рядомъ диссертацій.

По отношенію къ Н. П. Лихачеву онъ являлся учителемъ, снабжалъ его книгами для просмотра и въ длинныхъ бесѣдахъ старался руководить увлеченіями юнаго библіофила, который жадно интересовался самыми разнообразными книгами и постоянно нарушалъ намѣченныя рамки собиранія и изученія.

На почвѣ глубокой признательности къ А. Н. Островскому, какъ учителю, и состоялась передача ему Н. П. Лихачевымъ нѣсколькихъ книгъ изъ Полянской библіотеки.

Черезъ Островскаго Н. П. Лихачевъ познакомился и съ С. М. Шпилевскимъ.

Проф. С. М. Шпилевскій по спеціальности былъ юристъ, но въ то же время онъ былъ историкъ, археологъ и библіофилъ. Человѣкъ большого ума и необузданнаго темперамента, онъ и къ излюбленнымъ научнымъ занятіямъ относился съ небыкновенной страстностью, помѣшавшей ему выполнить то, на что онъ былъ способенъ и что сдѣлалъ бы при большей дисциплинированности. Книга „Древніе города и другіе булгарско-татарскіе памятники въ Казанской губерніи" (Казань, 1877, 8°) вышла въ свѣтъ только потому, что автору поставлены были хронологическія границы — надо было кончить къ археологическому съѣзду. Рядъ другихъ изслѣдованій и разныхъ работъ пропалъ, многое лишь только начатымъ, многое доведеннымъ до середины. Шпилевскій въ тѣ годы постоянно увлекался какимъ нибудь вопросомъ (кромѣ промежутковъ, когда онъ также, какъ разсказывали, запоемъ игралъ въ карты). Забывался Университетъ и лекціи, ночи напролетъ просиживались за письменнымъ столомъ, вокругъ котораго постепенно росли горы книгъ. Вдругъ увлеченіе остывало и работа бросалась неоконченной.

Какъ библіофилъ С. М. Шпилевскій былъ собирателемъ столь же страстнымъ. Какъ охотникъ за дичью, охотился онъ за книгами, готовый залѣзть въ любую трущобу, къ старьевщикамъ, къ скупщикамъ татарамъ. Впрочемъ, въ концѣ семидесятыхъ годовъ эта страсть поутихла — С. М. Шпилевскій

собралъ уже превосходную библіотеку, а результатомъ одной изъ охотъ была натуральная оспа, обезобразившая красивое лицо еще молодого профессора.

Книги у С. М. Шпилевскаго наполняли не только переднюю, залъ, кабинетъ, въ столовой обѣденный столъ находился какъ въ клѣткѣ, окруженный полками съ книгами со всѣхъ четырехъ сторонъ, и даже спальную не могла отвоевать жена.

Застать С. М. Шпилевскаго можно было вечеромъ послѣ его поздняго обѣда и передъ тѣмъ, какъ онъ засаживался на ночь за писаніе. Иногда онъ давалъ ту или другую нужную книгу и откровенно говорилъ, что ему некогда, но случалось, что даже для гимназиста онъ жертвовалъ своимъ вечеромъ. Увлекательный разсказъ сопровождался демонстраціей — въ небольшомъ зальцѣ вдоль стѣнъ на полкахъ стояли старыя книги — Rossica, XVIII вѣка, книги начала XIX стол. Бывало, что дойдя до нижнихъ полокъ и рано посѣдѣвшій профессоръ и гимназистъ, одинаково сидя на корточкахъ, разсматривали различныя старыя книги русскія и о Россіи. Профессоръ забывалъ, что передъ нимъ одинъ слушатель да и то не взрослый, а гимназистъ — упивался, мечталъ и увы! часто завидовалъ профессорскому счастью. И странно — все драгоцѣннѣйшее возбуждало только тихую радость подержать въ рукахъ, полюбоваться сокровищемъ, а другое болѣе доступное вызывало жажду обладанія и зависть.

До сихъ поръ помнятся два фоліанта на грубой синей бумагѣ, плохой печати — „Хозяйственное описаніе Пермской губерніи“. Почему то эти волюмы показались особенно привлекательными. И удивительно, что, надо сказать, полнаго экземпляра этого изданія у увлекавшагося гимназиста нѣтъ и до сихъ поръ!

Какъ библіофилъ, С. М. Шпилевскій былъ иного типа, чѣмъ М. П. Петровскій и А. Н. Островскій. Красота экземпляра, заботливый переплетъ, поля безъ обрѣза — все это для него было на послѣднемъ планѣ. Правда, онъ могъ любоваться книгой, какъ любовницей, но въ сущности всѣ онѣ были лишь его рабынями.

Когда онъ писалъ за своимъ письменнымъ столомъ, книги переплетенныя и непереплетенныя, разогнутыя, иногда перегнутыя для удобства чтенія, по мѣрѣ использованія летѣли на полъ одна на другую, образуя кипы, которыя надо было обходить. Книга служила своимъ текстомъ, а то, что попачкалась

обложка и загнулся уголокъ одного-двухъ листовъ—это бѣдой не считалось [1]).

Казань изобиловала библіофилами и кромѣ отмѣченныхъ. Въ одномъ домѣ съ М. П. Петровскимъ жилъ профессоръ всеобщей исторіи Н. А. Осокинъ, любившій похвастать своей обширной и красивой библіотекой. Главную часть составляли изслѣдованія по всѣмъ періодамъ исторіи на разныхъ новыхъ языкахъ. Профессоръ выписывалъ много и старался, насколько это возможно въ Казани, слѣдить за литературой. Въ этой части библіотеки владѣлецъ былъ силенъ, но онъ любилъ и русскія рѣдкія книги и въ нихъ иногда ошибался. М. П. Петровскій и А. Н. Островскій подсмѣивались надъ исключительно красными кожаными корешками переплетовъ и частыми ошибками въ опредѣленіи рѣдкости пріобрѣтеній.

Тесть Осокина—старикъ докторъ, сѣдой, но крѣпкій, какъ дубъ, также любилъ книги. Собиралъ онъ французскую литературу, каковую и читалъ, но имѣлъ страсть къ рѣдкостямъ вообще, которыми онъ любовался на полкахъ. Обладая значительными средствами, онъ иногда доставалъ вещи, на зависть всѣмъ. Такъ онъ пріобрѣлъ славянскую рукопись на пергаменѣ, Евангеліе XIII вѣка, купилъ, какъ то, Молитвословъ латинскій на пергаменѣ (съ миніатюрами), рукопись, которая, впрочемъ, немедленно была отобрана зятемъ Н. А. Осокинымъ, имѣлъ довольно много инкунабулъ и славянскихъ старопечатныхъ книгъ. Въ началѣ и съ Дмитріемъ Илларіевичемъ происходили библіографическія прегрѣшенія. Такъ разъ, желая непереплетенной и съ большими полями инкунабулѣ придать надлежащій видъ, онъ поручилъ ее рачительному переплетчику.

Получился полный кожаный переплетъ съ обрѣзомъ до самого текста и съ густымъ слоемъ краски со всѣхъ сторонъ обрѣза! Къ молодымъ людямъ, интересовавшимся книгами, Д. И. Образцовъ относился необыкновенно дружелюбно, не жа-

[1]) Библіотека С. М. Шпилевскаго послѣ его смерти попала на рынокъ и составила нѣсколько антикварныхъ каталоговъ (Шибанова, №№ 140, 141, 142, 148, 150), которые далеко не обнимаютъ всего книжнаго собранія. Многія книги проданы были безъ каталоговъ. У. Г. Иваскъ для своей личной библіотеки сдѣлалъ попытку издать „Отдѣльныя описи частныхъ библіотекъ и собраній рукописей“ (М. 1910. 8°). Было бы весьма желательно, чтобы эта попытка превратилась въ полную библіографію. Въ 1890-хъ годахъ Д. Ѳ. Кобеко намѣревался издать библіографію русскихъ собирателей вещественныхъ памятниковъ. Мысль въ высшей степени важная и полезная, такъ какъ много собраній никогда не имѣло отдѣльныхъ каталоговъ, да и аукціонныхъ каталоговъ русскихъ коллекцій, проданныхъ въ Западной Европѣ гораздо больше, чѣмъ можно было бы думать.

лѣлъ времени на разговоры и съ охотой давалъ книги на домъ. Авторъ настоящей статьи сохранилъ объ немъ самую благодарную память.

Къ числу библіофиловъ принадлежалъ и совсѣмъ юный еще тогда профессоръ Н. П. Загоскинъ. Спеціалистъ по каѳедрѣ русскаго права, онъ интересовался и исторіей русской литературы, и исторіей Казанскаго края. Надъ „библіоманами“ любилъ потѣшаться, а, случалось, самъ становился басней города, заплативъ за какую нибудь рѣдкую брошюру неимовѣрную по тогдашней казанской мѣркѣ цѣну.

Живой, веселый, даже, можно сказать, легкомысленный, Н. П. Загоскинъ былъ необыкновенно талантливъ. Способностью сосредоточиваться онъ обладалъ невѣроятной. Послѣ званаго обѣда, театра, кутежа — онъ присаживался за письменный столъ и продолжалъ начатую работу, какъ будто бы онъ отъ нея совсѣмъ не отрывался. По способности излагать свои мысли въ любой часъ дня и ночи, это былъ прирожденный журналистъ. И онъ взвалилъ на себя бремя единоличнаго изданія газеты съ редакторствомъ всѣхъ отдѣловъ, съ увлеченіемъ театромъ, съ собственноручнымъ писаніемъ рецензій.

Кипучая журнальная дѣятельность отвлекала его отъ чистой науки, но и въ области исторической литературы онъ оставилъ рядъ трудовъ, нерѣдко съ ошибками, неизбѣжными при такой стремительной работѣ, но всегда интересныхъ и талантливо задуманныхъ.

Въ обращеніи Н. П. Загоскинъ, по крайней мѣрѣ, въ эти годы жизни — былъ человѣкомъ обаятельнымъ. Знакомство автора настоящей статьи съ Н. П. Загоскинымъ состоялось на почвѣ археологическихъ раскопокъ и было дружественнымъ впродолженіе многихъ лѣтъ. Памятью дружественныхъ отношеній остались книжки-подарки съ шутливыми надписями и одна брошюра, напечатанная въ единственномъ экземплярѣ.

Это былъ отдѣльный оттискъ разсказа — П. М. Медвѣдева: „Мокѣй Михѣичъ и его сестрица“ [1]).

На заглавномъ листѣ было отпечатано слѣдующее:

„Отдѣльный оттискъ изъ журнала „Волжскій Вѣстникъ“, изданный въ одномъ экземплярѣ для рьянаго библіофила Николая Петровича Лихачева, на память

[1]) „Казань. Типографія Императорскаго Университета. 1883“, 8º.

отъ редактора-издателя журнала Н. П. Загоскина, 6 Декабря 1883 года. Николинъ день".

Имянинный подарокъ любителю рѣдкостей не достался! Въ редакцію забѣжалъ, зорко слѣдившій за всѣмъ печатавшимся въ Казани, Н. Я. Агафоновъ, взялъ брошюру въ руки — и, несмотря на всѣ убѣжденія — не отдалъ.

Книжка, однако, какъ бы въ подтвержденіе таинственной теоріи А. В. Селиванова [1]), уже послѣ смерти Н. Я. Агафонова, путемъ подарка отъ букиниста, попала въ руки того, кому предназначалась.

Насмѣшливая надпись объ одномъ экземплярѣ издѣвалась надъ страстью къ рѣдкостямъ, а какъ рѣдкое казанское изданіе — брошюра одинаково могла имѣть цѣлью и Н. Я. Агафонова. Н. Я. Агафоновъ проповѣдывалъ собираніе и сохраненіе всего, напечатаннаго въ Казани. Самъ онъ подбиралъ афиши, объявленія, прейскуранты, правила и т. д., утверждая, что кому нибудь надо же спасать отъ истребленія печатное слово. Н. П. Лихачевъ былъ послѣдователемъ Н. Я. Агафонова и также собиралъ все, напечатанное въ Казани. Защита теоріи Агафонова для юнаго библіофила сопровождалась въ обществѣ родныхъ и знакомыхъ градомъ насмѣшекъ и шутокъ. Приносились объявленія (обертки) отъ мыла, разные листочки съ просьбой передать — „жертвую въ коллекцію Агафонова".

[1]) „Душа вещей. Фантазія А. В. Селиванова" (Скопинъ. 1912. 8°, 22 стр. и листокъ опечатокъ). Маленькая интимная книжка, написанная для немногихъ „посвященныхъ". Вся она проникнута нѣжнѣйшей любовью къ своему роду. Для большой публики генеалогія — скучное, чванливое, пустое занятіе. А на самомъ дѣлѣ она вытекаетъ изъ великой заповѣди чтить родителей, на усвоеніи которой едва ли не основана могучая жизнеспособность еврейскаго племени. Тѣмъ, кто не имѣлъ счастья любить своихъ родителей, не надо заниматься генеалогіей. Для нихъ она мертва. Для тѣхъ, кто имѣлъ счастливое дѣтство, родители родителей при мысленномъ углубленіи и изученіи, становятся близки, понятны, любимы. А. В. Селивановъ говоритъ: „Мистически настроеннымъ людямъ кажется, что частицы духовнаго „я", или, какъ спириты называютъ, флюиды проникаютъ въ существо матеріальныхъ предметовъ, какъ бы дѣлая ихъ одушевленными. Это уже нѣчто очень близкое къ тому, что я разумѣю подъ понятіемъ „душа вещей". Но я иду дальше. Мнѣ кажется, что подъ этимъ словомъ можно понимать не только нѣчто пассивное, хотя и жизненное, но и до извѣстной степени активное начало, проявляющее свое присутствіе въ формѣ взаимнаго тяготѣнія или отталкиванія"... Мы не можемъ согласиться съ идеей автора о „душѣ" вещей, но факты, имъ изложенные, подмѣчены давно и постоянно повторяются. Народная пословица — „на ловца и звѣрь бѣжитъ", вовсе не имѣетъ того смысла, что ловкій охотникъ много и звѣря добываетъ. Смыслъ поговорки мистическій. Человѣку страстно чѣмъ нибудь увлеченному нерѣдко предметы увлеченія нечаянно, какъ бы сами собою, плывутъ въ руки. Но дѣло не въ душѣ вещей, а въ томъ, что выражено словами „толцыте и отверзится". Желанія сбываются и сбывались бы чаще, если бы можно было сохранять основное необходимое положеніе — имѣть „сердце чисто". Зависть, злоба, ущербъ ближняго — парализуютъ дѣйственную силу хотѣнія. Можетъ быть, это тоже „фантазія", но можно ли доказать и теорію всемогущаго случая? Не „фантазія" ли и она?

Въ обществѣ Н. Я. Агафонова мало знали, а это былъ человѣкъ замѣчательный и въ высшей степени идейный. Горячая любовь къ книгамъ, на собираніе которыхъ онъ тратилъ всѣ свои скудныя средства, лишь отражала его кипучую натуру. По убѣжденіямъ онъ числился чуть ли не неблагонадежнымъ, но, кажется, вся „политика“ ограничивалась поклоненіемъ Герцену и борьбою съ „утѣсненіемъ“ прессы. Еще сильнѣе было поклоненіе обиженному старообрядчеству. Въ обрядно-богословскихъ вопросахъ Н. Я. Агафоновъ самъ былъ начетчикъ. Формула присяги, заставляющая клясться, какъ въ сущности христіанину, дѣйствительно, какъ будто-бы не подобаетъ — едва ли не раньше Толстого — смутила совѣсть Н. Я. Агафонова и онъ чуть-чуть не пострадалъ и весьма жестоко. Друзья едва выручили его изъ бѣды.

У Н. Я. Агафонова была очень большая библіотека по богословію, исторіи старообрядчества, по исторіи русской литературы вообще и особенно по исторіи журналистики. Такова была ученая часть. Излюбленное же библіофильское сокровище — это было собраніе всего, что печаталось въ Казани. Ранѣе Мельникова-Печерскаго, Н. Я. Агафоновъ оцѣнилъ значеніе неоффиціальной части Губернскихъ Вѣдомостей и другихъ провинціальныхъ журналовъ и газетъ, представляющихъ не дутую, а настоящую ненаходимую рѣдкость.

Множество документовъ и интересныхъ статей погребено въ Вѣдомостяхъ, полный комплектъ которыхъ пришлось бы подбирать по многимъ библіотекамъ.

Никакого парадокса не будетъ, если мы скажемъ, что полные экземпляры провинціальныхъ „Вѣдомостей“ половины XIX столѣтія рѣже, чѣмъ экземпляры „Петербургскихъ Вѣдомостей“ половины XVIII вѣка.

Н. Я. Агафоновъ въ теченіе двадцати лѣтъ подбиралъ „Казанскія Вѣдомости“ и обладалъ почти полнымъ экземпляромъ.

Н. П. Лихачевъ былъ ревностнымъ послѣдователемъ Н. Я. Агафонова и въ уловленіи разныхъ казанскихъ брошюрокъ являлся его соперникомъ. Почти все перечисленное въ Каталогѣ Казанскихъ изданій, бывшихъ на Выставкѣ печатнаго дѣла въ 1895 году [1]) — было собрано въ годы студенчества.

---

[1]) Н. П. Лихачевъ: „Книгопечатаніе въ Казани за первое пятидесятилѣтіе существованія въ этомъ городѣ типографій“ (Спб. 1895. 8⁰).

Въ теченіе пребыванія своего въ Казанскомъ Университетѣ, Н. П. Лихачевъ пользовался Полянской библіотекой и по мѣрѣ возможности пополнялъ ее новыми пріобрѣтеніями. Десятки пудовъ книгъ стояли на полкахъ и лежали въ „мансардѣ", въ которой Н. П. Лихачевъ готовился къ университетскимъ экзаменамъ и къ экзамену на степень магистра.

Все это новое книжное собраніе должно было слиться съ библіотекой предковъ. Такое сліяніе произошло, но не въ Полянкахъ.

20 Февраля 1904 года владѣлецъ Полянокъ Петръ Ѳедоровичъ Лихачевъ скончался. По раздѣлу Полянками сталъ владѣть средній изъ сыновей покойнаго — Иванъ Петровичъ, а библіотека (старая ея часть до 1860-хъ годовъ включительно) досталась старшему брату — Николаю. Въ 1908 году книги были перевезены въ Петербургъ и распредѣлены среди книжныхъ собраній новаго владѣльца въ совершенно иномъ порядкѣ и безъ соблюденія прежнихъ отдѣловъ [1]).

Такъ кончилась исторія помѣщичьей библіотеки.

Помѣщичьей библіотеки болѣе не стало — она растворилась, книжка по книжкѣ, въ однородныхъ коллекціяхъ библіофила. Книжки книголюбцевъ одной семьи стали рядышкомъ съ книгами многихъ другихъ любителей и собирателей.

Кто знаетъ, какова будетъ судьба книжнаго собранія въ новомъ составѣ.

Непрочны библіотеки городскихъ собирателей! Нѣтъ въ городахъ тѣхъ деревенскихъ сундуковъ, кладовыхъ и чердаковъ, въ которыхъ помѣщичьи библіотеки отлеживались, но за то и сохранялись, иногда десятилѣтіями. По нынѣшнимъ временамъ хорошо еще, если собирателю не приходится при жизни разставаться съ своими сокровищами, а для наслѣдниковъ такое наслѣдство всегда является тяжкой обузой.

Современный городской обыватель испытываетъ усовершенствованную финансовую „гонку пота". Имущество постоянно переоцѣнивается по предполагаемой рыночной стоимости и увеличившейся доходности. Владѣлецъ дома увеличеніе налоговъ раскладываетъ на квартиры и магазины, магазины раскладываютъ на предметы потребленія. Увеличеніе доходности вызываетъ прибавку налога, прибавка налога вновь раскладывается на потребителя и т. д.

---

[1]) На книгахъ Полянской библіотеки оставленъ старый ex-libris П. Ѳ. Лихачева и нигдѣ не наклеенъ новый — Н. П. Лихачева (рисованный художникомъ Н. Е. Макаренко).

Книжный знакъ библіотеки Николая Петровича Лихачева.

Въ результатѣ жизнь страшно дорожаетъ и при томъ иногда скачками, въ зависимости отъ возможности (какъ это было недавно) повышенія налоговаго бремени въ городахъ не постепенно, а внезапно въ нѣсколько разъ.

Обыватель старается втиснуться въ возможно меньшую квартиру, капиталистъ строитъ многоэтажные дома (наилучше выносящіе налоги), въ которыхъ использованъ каждый аршинъ пространства для того, что признается необходимымъ. Прошло время огромныхъ буфетовъ, платяныхъ шкаповъ, окованныхъ жестью блестящихъ сундуковъ съ приданымъ! Для каждаго кресла, для каждаго стула высчитано мѣсто, что же касается книгъ, то лишь въ болѣе или менѣе значительныхъ квартирахъ полагается въ „кабинетѣ“ мѣсто для книжнаго шкапа.

Неудивительно, что каждую весну антикварный книжный рынокъ наполняется трепанными, непереплетенными новыми книгами. Это состоятельные люди очищаютъ свои жилища отъ прочитаннаго и ненужнаго. Какъ далеко это отъ старыхъ переплетенныхъ книжекъ съ заботливыми длинными надписями.

Мы вообще склонны презрительно относиться къ культурѣ книголюбцевъ XVIII столѣтія и къ самому числу ихъ. Но не ошибочно ли это? Вѣдь если сопоставить число лицъ, получающихъ образованіе теперь и число таковыхъ же въ XVIII столѣтіи, съ числомъ библіофиловъ того и другого времени, пожалуй, что пропорція окажется неблагопріятной для насъ и нашей эпохи. Вѣдь нельзя же считать за библіофиловъ всѣхъ родителей, которые по неволѣ каждую осень раззоряются на покупку не только новыхъ учебниковъ все въ новыхъ и новыхъ изданіяхъ, но и требуемыхъ гимназическимъ курсомъ „классиковъ“.

Да и гдѣ у насъ благородные Новиковы, которые бы заботились о распространеніи хорошихъ книгъ, о размноженіи книголюбцевъ! Благодѣтелями русскихъ библіофиловъ явились коммерсанты — Суворинъ и Марксъ. Просвѣщенный примѣръ гр. И. И. Толстого и Н. П. Кондакова съ ихъ изящными „Русскими Древностями“ не нашелъ подражанія [1]). За то пышнымъ цвѣтомъ расцвѣли создатели всякихъ

[1]) Исключая, развѣ, графа А. А. Бобринскаго. Впрочемъ, Россія въ данномъ случаѣ всетаки стоитъ несомнѣнно выше Западной Европы. Въ Россіи были откупщики и перевелись, а въ Западной Европѣ ученыя учрежденія имѣютъ до сихъ поръ книгоиздателей откупщиковъ. Французская и итальянская академіи на своихъ изданіяхъ „барышничаютъ“ и даже не въ свой, а въ чужой карманъ. Академія итальянская назначаетъ за свои изданія такія цѣны, которыя объяснятся только тѣмъ соображеніемъ, что большія библіотеки все равно будутъ обязаны купить. Британскій музей, правда, издаетъ самъ и заботится о народѣ, о простыхъ посѣтителяхъ, давая образцовые каталоги за шиллингъ, но какъ только дѣло касается

искусственныхъ рѣдкостей. Понятно, что рѣдки и печатаются въ маломъ количествѣ экземпляровъ: 1) отдѣльные оттиски, чтобы не обезцѣнивать періодическихъ изданій, 2) документы, подлежащіе тайнѣ, 3) изданія интимнаго содержанія, могущія имѣть значеніе только для издателя и его семьи, 4) сочиненія неприличныя, не могущія быть пущенными въ общую продажу и предназначенныя или для спеціалистовъ — научныхъ изслѣдователей, или для членовъ особыхъ „библіофильскихъ“ кружковъ. Всѣ прочія книги и чѣмъ важнѣе содержаніе, тѣмъ съ большей необходимостью, должны быть общимъ и доступнымъ всѣмъ достояніемъ. Незабвеннаго Н. Ѳ. Ѳедорова — этого идеальнаго библіотекаря и страстнаго любителя книги, только въ одномъ случаѣ можно было видѣть раздраженнымъ — когда онъ держалъ въ рукахъ книгу, напечатанную въ маломъ количествѣ экземпляровъ и не поступавшую въ продажу. Онъ искренно и горячо обижался за все просвѣщенное, читающее общество, считая его обдѣленнымъ и оскорбленнымъ.

Къ сожалѣнію, не только у насъ, но и на общечеловѣческомъ рынкѣ впереди библіофиловъ стали во главу угла не книголюбцы, а какъ называлъ ихъ покойный П. А. Ефремовъ — „собиратели рѣдкостёвъ“.

Содержаніе и цѣна (иногда, впрочемъ, высокая цѣна является единственнымъ стимуломъ пріобрѣтенія) не играютъ роли — важны рубрики: „печатано на правахъ рукописи“, „печатано 33 экземпляра“, „въ продажу не поступало“, „все изданіе сгорѣло“, „книга конфискована“ и аттестаціи букинистовъ: „рѣдка“, „весьма рѣдка“, „чрезвычайно рѣдка“.

„Роскошныя изданія“ присоединяются за недоступность для обыкновенныхъ смертныхъ и благодаря заботливымъ замѣткамъ издателей, что печатается весьма ограниченное количество и уже почти все разобрано подпиской.

Спросъ рождаетъ предложеніе. Для любителей фабрикуется множество „рѣдкостей“ и сами любители, не будучи въ состояніи возвыситься надъ своимъ кругозоромъ, созидаютъ своими изданіями все новыя и новыя „рѣдкости“.

спеціалистовъ, то настоящіе ученые каталоги оплачиваются уже фунтами и часто не однимъ, а нѣсколькими. Въ Россіи же цѣлый рядъ ученыхъ учрежденій, какъ Императорская Академія Наукъ, Императорская Публичная Библіотека, Императорская Археографическая Коммиссія, Императорская Археологическая Коммиссія и многія другія — не считаются съ суммами, затраченными на изданіе книги, а дѣлаютъ ее по цѣнѣ общедоступной и въ Россіи ученая книга гораздо дешевле, чѣмъ заграницей. Русскія учрежденія дѣйствительно просвѣтительныя, а заграницей дешевъ только рыночный популярный товаръ. Къ сожалѣнію, въ Россіи не мало недорогихъ хорошихъ изданій лежатъ нераспроданными отъ отсутствія мѣтки о „рѣдкости“.

Такимъ образомъ обездоливается скромный классъ настоящихъ любителей книги для книги. Старыя хорошія книги, рѣдкости настоящія, снимаются по высокой цѣнѣ съ рынка, новыя „рѣдкости“, среди которыхъ, къ сожалѣнію, встрѣчается не мало изданій научныхъ и весьма цѣнныхъ, остаются недоступными и по цѣнѣ, и по искусственной ненаходимости экземпляровъ.

Недавно скончался знаменитѣйшій американецъ Пирпонтъ Морганъ. Собраніе рукописей его и библіотека, принимая во вниманіе немногіе годы коллекціонированія, правильнѣе покупанья, феноменальны.

Любопытныя строки находимъ мы въ некрологѣ въ формѣ воспоминаній одного книжника, поставившаго въ Америку многія тысячи метровъ старинныхъ книгъ въ пергаменѣ и кожѣ, и нажившаго огромное состояніе и справедливую славу тонкаго знатока книгъ старѣйшаго періода книгопечатанія.

Въ качествѣ „il più grande bibliofilo del mondo e forse anche di tutti i tempi“ Морганъ часто совѣщался съ этимъ книжникомъ и выражалъ ему свои desiderata:

„Amava i cimeli bibliografici ed artistici, ma m'accorsi subito che la sua idea fissa, la sua volontà piú convinta era di poter ottenere le cose uniche piú che le cose rare, gli uniques com'egli diceva“.

Большому кораблю большое плаваніе; при такихъ капиталахъ и „рѣдкостей“ было мало, требовались „уники“. И для чего? Можетъ быть милліардеръ хотѣлъ воспроизвести уники и сдѣлать ихъ доступными? Дѣйствительно, Пирпонтъ Морганъ истратилъ громадныя суммы на изданіе роскошныхъ каталоговъ рукописей и инкунабулъ, но экземпляры эти тщательно охранялись и охраняются отъ возможности продажи. Они были предназначены для подарковъ милліардерамъ и жаловались, какъ ордена, въ большія библіотеки, которыя посѣтилъ Морганъ или считалъ заслуживающими такого пожалованія.

Выбрать изъ обращенія все лучшее, все цѣннѣйшее, все рѣдчайшее и сдѣлать недоступнымъ въ металлическихъ шкапахъ; затратить колоссальныя деньги на воспроизведеніе и печатаніе каталоговъ, постаравшись при этомъ, чтобы и копіи остались недосягаемыми, — вотъ апоѳеозъ современной библіофильской культуры!

Н. Лихачевъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

таблицъ, приложенныхъ къ статьѣ: „Генеалогическая исторія одной помѣщичьей библіотеки".

стр.

1) Ариѳметика соч. Магницкаго (изд. 1703 года), экз. изъ библіотеки купца Ашастина (автотипія) 7
2) Родословная таблица рода Лихачевыхъ и ихъ родства . . . 17
3) Родословная таблица рода Новосильцевыхъ и ихъ родства 28
4) Портретъ Александра Логиновича Лихачева (1752 — 1814). Фототипія . . . . . 33—34
5) Рукописные ex-libris Александра Логиновича Лихачева (автотипія) . . . . . 34—35
6) Super-ex-libris Александра Логиновича Лихачева (автотипія) 37—38
7) Рукописный книжный знакъ Ивана Петровича Осокина (автотипія) 42
8) Рукописный ex-libris Александра Матвѣевича Карамышева (ум. 22 Ноября 1791 г.), русскаго ученаго, ученика знаменитаго Линнея (автотипія) 45
9) Автографъ И. А. Крылова (фототипія) 47
10) Автографъ Иринарха Завалишина на экземплярѣ его поэмы „Суворoида", подаренномъ Е. С. Лихачевой (автотипія) 48—49
11) Портретъ В. И. Панаева (1792 — 1859). Фототипія 59
12 и 13) Рукописные ex-libris Василія Яковлевича Новосильцева 1763 и 1768 г.г. (автотипіи) 78
14) Надпись на сочиненіи С. П. Соковнина „Опытъ историческаго словаря о всѣхъ въ истинной православной вѣрѣ прославившихся святыхъ мужахъ" (М. 1784. 4⁰), подаренномъ авторомъ Екатеринѣ Ивановнѣ Новосильцевой (автотипія) 81
15) Рукописный ex-libris Ѳедора Ильича Ладыженскаго 84
16) Ex-libris библіотеки Н. П. Лихачева (цинкографія) 98